

ИРИНА КОТОВА

10

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

Стальные небеса

Королевская кровь

Ирина Котова

**Королевская кровь.
Стальные небеса**

«Котова Ирина »

2020

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

Котова И. В.

Королевская кровь. Стальные небеса / И. В. Котова — «Котова Ирина », 2020 — (Королевская кровь)

ISBN 978-5-532-17863-2

У меня необыкновенная семья. Одна моя сестра помогла пустыне превратиться в зеленую страну. Вторая вошла в легенды, оседлав гигантского огненного духа и закрыв портал в другой мир. Третья – спасла мужа и короля, отстояв его у смерти. Четвертая помогает вернуться в наш мир изгнанному богу, а пятая оказалась носителем редчайшего пророческого дара. Это все о моих сестрах – но я другая. Мне остается только заглушать чувство вины работой и плакать ночами. Потому что рядом нет того, кого я так отчаянно ненавидела и так безумно любила. И смысла жить больше нет. Или есть?

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-532-17863-2

© Котова И. В., 2020
© Котова Ирина , 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ирина Котова
Королевская кровь
Стальные небеса
Книга десятая

- © Ирина Котова, текст, 2023
© Вероника Акулич, иллюстрации, 2023
© Анна Ларюшина, иллюстрации, 2023
© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2023
© Яна Кшановская, иллюстрации, 2023
© Алена Цой, иллюстрации, 2023
© Надежда Зуенко, иллюстрации, 2023
© Елена Сова, серийное оформление и обложка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

* * *

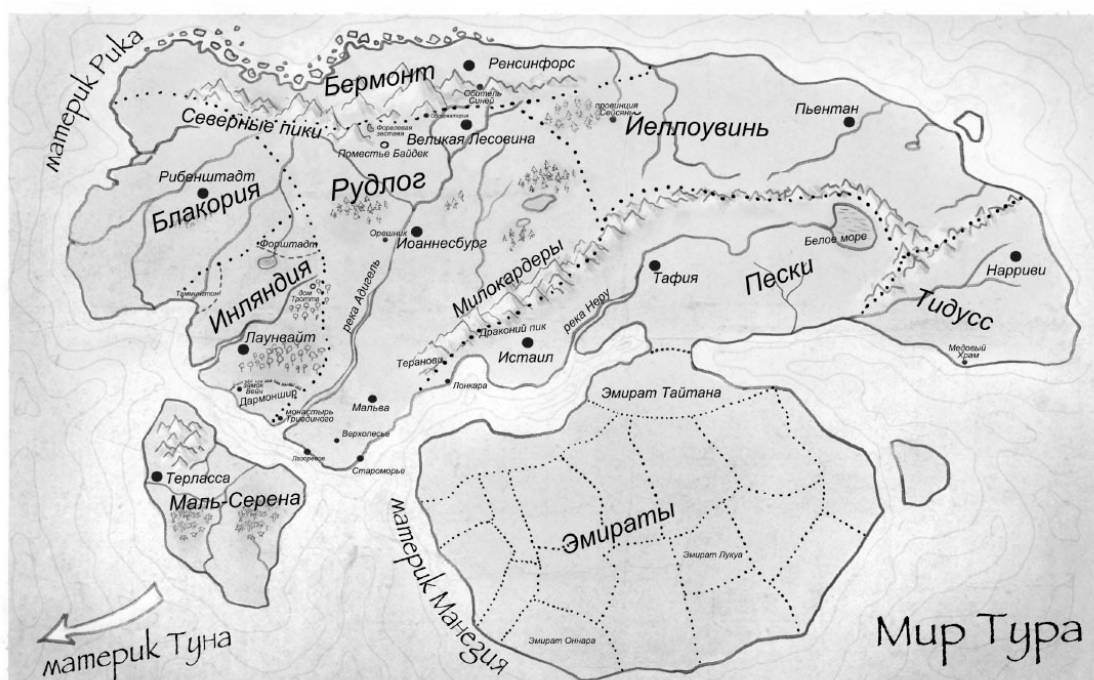

Часть первая

Часть первая

Глава 1

Девятое апреля, Инляндия, Дармоншир

Провал, пылающий среди зеленого рассветного леса, окутанного инляндским туманом, был похож на распахнутый в агонии рот: с неровными краями, подернутыми белесой каймой пепла, с языком-огнем, поднимающимся над землей.

В дымке у ямы стояло несколько человек, одетых в траурные одежды. Две молодые женщины – одна из них со вдовой фиолетовой лентой в светлых волосах – и женщина постарше, поддерживаемая бледным офицером, который так клонился вбок, что непонятно было, кто кого поддерживает. Находились здесь и другие мужчины, в том числе военные; был и служитель Триединого, уже отчитавший слово прощания. Двое солдат на веревках опустили в яму темный небольшой ящик – и огонь вдруг заревел, взметнувшись выше деревьев, будто снизу его раздуло мощным порывом ветра.

Отшатнулись все, кроме вдовы, стоявшей у края провала и что-то прижимавшей к груди. Пламя окутало ее, скрыв на мгновение, но не тронуло, отступив, – а она, тонкая, с отчаянием, плещущимся в голубых глазах, напряженная, как струна за миг до срыва, так и не двинулась с места. На секунду показалось, что она сама готова прыгнуть вниз, – но тут старшая женщина тихо и тревожно окликнула ее. Молодой офицер, тяжело шагнув вперед, взял овдовевшую за руку – и она вздрогнула, оглянулась, сказав что-то успокаивающее. Военный отступил, а женщина снова повернулась к огню.

К груди она прижимала платиновый брачный браслет, покрытый копотью, потеками застывшего пластика, ошметками человеческой плоти и запеченной кровью.

Марина

Огонь ревел, ворочался у моих ног, завораживал, успокаивал и утешал, целуя горящее лицо и трясущиеся руки, поднимаясь из кремационной ямы, что стала братской могилой для десятков солдат – тех, кого мы не смогли спасти, и тех, кого не успели довести до замка Вейн.

Теперь она стала последним пристанищем для моего Люка. Для того, что от него осталось. Мы не могли рисковать, закрывая его останки в семейном склепе: маг Тиверс при освидетельствовании сообщил, что известны случаи, когда и фрагменты человеческих тел перерождались в мелкую нежить.

Я не хотела Люку такого посмертия.

Внутри у меня все было выжжено. Мертво. Я не ощущала ничего, кроме головокружения и звона в ушах, и звуки казались отдаленными, странными. Кремационный ящик полыхал красноватым пламенем, а я сжимала в руке брачный браслет Люка. Целые сутки, пока шли опись и следствие, медицинское и виталистическое освидетельствование и подтверждение того, что части руки и ноги действительно принадлежат мужу, я не могла заставить себя снова взглянуть на его останки.

Но когда солдаты уже несли ящик к огню, я приказала остановиться, подняла крышку и дрожащими пальцами содрала с переломанного запястья мужа браслет.

Я отступила от ямы, только когда сильнее закружилась голова, а в горле плеснуло желчью. Повернулась – родные и домочадцы Люка ждали меня: леди Шарлотта, прижавшаяся к Бернарду и невыносимо тусклая; Маргарета, пронзившая меня тяжелым обвиняющим взглядом. Дворецкий Ирвинс, Жак Леймин, капитан Осокин, несколько слуг и маг Тиверс.

Я подошла к леди Лотте и взяла ее под вторую руку. И мы, придавленные горем, медленно, тихо побрели сквозь рассеивающийся туман обратно к замку.

Эти сутки были страшными. Безжалостными. Наполненными болью. Неверием. Надеждой и отчаянием. Воспоминаниями и звуками его хриплого голоса, когда я вскидывалась на кровати – потому что казалось, что он стоит рядом и зовет меня, – ненавистью к себе и тяжелым, глухим, разъедающим душу пониманием, что это всё, что он действительно мертв.

Как я не свихнулась в первые часы после известия о его гибели, я не знаю.

Хотя нет, знаю. Меня спасла Пол.

Когда я вынырнула из темноты после обморока, в который упала, увидев то, что осталось от моего мужа, единственное, что я осознавала, – мне тяжело дышать. Тело было деревянным, сводило горло, и я застонала, пытаясь разглядеть происходящее вокруг.

– Марина Михайловна, не двигайтесь, – раздался голос нашего виталиста Росса Ольвера. Он держал меня за правую руку, склоняясь надо мной: темный, размытый силуэт. Кожу покалывало – сканировал, – затем по телу потекла прохладная вита, заставляя мышцы расслабиться. Через секунду прекратилась боль. Я попыталась вдохнуть – и не смогла, потому что вернулись воспоминания.

Ссора, Люк, сапфировая нить на моей щиколотке, изуродованная рука с впеченным в мясо брачным браслетом.

Я захрипела, выгибаясь на постели, сжимая ладонью горло и поворачиваясь на бок. Начался приступ удушья.

В окна бил солнечный свет, а у кровати сидела бледная, похожая на восковую куклу с заострившимися чертами лица и безжизненными глазами леди Лотта и смотрела, как я сиплю и задыхаюсь. Приступ не отпускал, и я не могла протолкнуть воздух в легкие, но все окружающее видела и осознавала так четко, будто была в полном порядке.

У стены, нервно сжимая руки, стояла Мария, моя горничная; приподнялся и со стоном рухнул обратно в кресло в углу Бернард – отчетливо рассмотрела капли пота на его лбу, – от открытого окна повернулась Рита. Я увидела ее красное заплаканное лицо, глаза, сверкающие ненавистью. Она была бы рада, если бы я тоже умерла.

Да и я была бы этому рада.

– Господин Ольвер? – прошелестела леди Лотта, переводя взгляд куда-то поверх моего плеча.

– Я пытаюсь, – пробормотал Росс, вдавливая пальцы мне в висок и в запястье.

Я еле слышала его сквозь судорожные сипы, производимые моей сокращающейся диафрагмой и сдавленным горлом. Перед глазами начали плясать темные пятна.

– Это психическое, от шока, сейчас... не успокоить, – бубнил виталист нервно. – Придется отправить ее светлость в стазис...

Взгляд мой остановился на часах, стоящих на прикроватном столике рядом с шаманским мешочком.

Без трех минут двенадцать.

Я рванулась вперед, вывернувшись из-под рук Ольвера, когда тело уже начало сковывать оцепенением. Виталист попытался перехватить меня, но я с рычанием оттолкнула его, хватаясь за мешочек. Горло отпустило, в горящие легкие полился воздух, а я трясущимися влажными руками развязала тесемки, выхватила иглу, чуть не выронив ее, и неаккуратно загнала себе

в левую руку. И упала обратно на кровать, тяжело дыша, – кожу словно окатило кипящим маслом, кости в теле заныли, а из глаз побежали слезы. Но от браслета на запястье уже шли прохладные волны, и тело расслабилось так, что стало казаться пустым и легким.

Щелкнуло, и часы в гостиной забили полдень. А я смотрела в потолок и дышала, дышала, чувствуя, как от напряжения из носа в горло идет кровь.

Я могла ненавидеть себя, но сегодня я не стану причиной смерти сразу двоих близких людей.

Росс Ольвер остановил мне кровь, проверил состояние и ушел, уводя Бернарда – ему стало хуже, и он едва не рухнул, сделав несколько шагов. Ушла и Мария, оставив меня, Маргарету и леди Шарлотту одних.

Когда я осмелилась повернуть голову, свекровь так же сидела у кровати в моей разгромленной спальне и смотрела на меня. Но в заплаканных, горестных глазах ее не было обвинения, не было ненависти. И я сползла на пол, положила голову ей на колени, обняла за ноги.

– Я во всем виновата, – сказала я глухо.

Она сжала мои плечи, а затем легко погладила по волосам. Я подняла голову – леди Лотта плакала.

– Я очень хотела обвинить тебя, – ответила она тихо. – Но не буду. Не ты стреляла в его листолет.

Она не хотела меня ненавидеть – а мне так нужно было, чтобы хоть кто-то уничтожил меня.

– Мы поссорились, – продолжила я, глядя ей в глаза.

– Знаю, – проговорила она.

– Все знают! – срывающимся голосом крикнула от окна Рита. – Из-за нее он улетел!

Я сжалась, зарыдав.

– Маргарета, замолчи! – Леди Лотта жестко вцепилась мне в плечи, до боли. – Марина, посмотри на меня!

– Рита права, – проговорила я, запрокидывая голову и вытирая мокрые щеки. – Это я его убила. Я. Я, понимаете? Он прилетел ко мне, а мне так плохо было, и я его прогнала... Не знаю, как жить с этим... Как я хочу умере-е-е... Простите меня, простите... – Меня снова начало трясти, и тут свекровь сама несколько раз трянула меня. Губы ее дрожали, лицо было искажено.

– Чтобы я не слышала больше о смерти! – прошипела она мне в лицо незнакомо, жестко и тут же прижала к себе, к груди, укачивая и всхлипывая. – Бедная девочка, – говорила она, глядя меня по спине, – как мы будем теперь, Марина? – Руки ее были горячими, и сердце колотилось рвано, гулко. – Ты не знаешь, как тебе жить? Это я не знаю... теперь, когда я потеряла их обоих. Но у меня есть Берни и Рита. Рита... Рита, иди сюда, Рита... дочка моя...

От окна доносились всхлипы, а свекровь продолжала говорить, то сжимая меня, то глядя; как бы тяжело мне ни было, я понимала, что и она на грани истерики.

– Люк – часть меня, мой мальчик, сын мой... – шептала она, – жизнь моя. И ты, Марина, и твои с Люком дети... все, что осталось у меня от него. Ты и дети! И ты обязана жить для них. – Она снова сжала меня до боли, заставила поднять голову. – Я не виню тебя. Но обещай мне, что будешь жить! – Она почти рычала, по щекам ее текли слезы.

Мне хватило сил только кивнуть. Страшно было, что леди Шарлотта сейчас не выдержит, сломается, потому что в глазах ее проскакивало что-то пугающее, почти безумное. Что-то, что я ощущала и в себе, – лихорадочное, болезненное, разрывающее душу.

Раздались шаги: от окна подошла Маргарета, опустилась рядом со мной на колени, обняла и меня, и мать, и мы застыли, ощущая, как тяжелой плитой наваливается на нас горе.

Мы то молчали, то начинали говорить, то плакали – и долго сидели вот так, обнимая друг друга и не в силах оторваться, отстраниться от поддержки.

– Люк такой... такой он всегда был, – шепотом говорила свекровь. – На грани, безрассудный, любимый мой сын. Он столько раз умирал, и я умирала вместе с ним, что сейчас просто не могу в это поверить. Я привыкла, что он всегда побеждает... Люк мой, Люк... мальчик мой... не могу поверить!

В груди у меня сдавило и тут же полыхнуло надеждой.

– Но ведь тело не нашли, – сказала я сипло, отодвинувшись и вытирая опухшие глаза. Леди Лотта смотрела на меня с понимающей обреченностью.

– С такими повреждениями не живут, – резко произнесла Рита. Она то отворачивалась, то смотрела на меня с яростью, которая сменялась растерянностью и жалостью. – Даже если он не умер от ожогов, он бы умер от потери крови. Майор сказал, был прилив, тело унесло, а фрагменты застряли меж камней. Он сказал, самолет разбился в лепешку, половину обломков тоже смыло.

Она была права, но я помотала головой, поднимаясь. Я должна была увидеть место крушения. Я должна была сама увидеть, мог он выбраться или нет.

– Военные, которые нашли самолет, еще здесь? – спросила я.

Леди Шарлотта покачала головой.

– Они уехали в Третий форт.

Я потерла ладонями лицо и потянулась к телефону – набрать Леймина.

Через час мы с леди Лоттой и Ритой стояли в окружении охраны и военных на мокрых валунах у моря. Прибыли и те, кто нашел Люка, и командующий Венсан Майлз, который выглядел так, будто его сначала помиловали, а потом снова повели на плаху, и еще несколько высоких чинов, комендантов и командиров.

Царило молчание, у разбитого самолета сустились военные следователи, и только волны шуршали в пяти метрах от аппарата.

Самолет, черный, мокрый после прилива, с потеками воды на обгорелых сиденьях, расплюснутый, с вывернутыми железками и острыми торчащими во все стороны обломками, на которых лишь кое-где сохранился красный лак, выглядел так, будто его переехало катком. Выжить после такого крушения было невозможно.

Я вздохнула, прижимая руки к животу, вытерла снова пошедшую носом кровь и попросила отвезти нас обратно в замок Вейн.

Весь последующий день и ночь прошли как в тумане. Вернувшись, я рухнула в постель и больше не встала. Не могла есть и пить, но заставляла себя ради детей, не могла спать – и тут уже воля не помогала. Безжалостная память подкидывала мне то картины ссоры – я половину вспомнить была не в состоянии, – то наши с Люком счастливые мгновения. Длинные чуткие пальцы, ухмылку, хриплое «детка», темные глаза, странную и смешную любовь к драгоценностям, к скорости и ко мне, которая и убила его.

Как бы я хотела все изменить. Как бы я хотела быть с ним каждый момент, который был нам отпущен.

И сейчас, ступая по парковой дороге рядом с леди Лоттой и Бернардом, я тоже была погружена в воспоминания. Сзади раздался голос капитана Осокина, но я по инерции продолжила идти вперед, пока леди Лотта мягко не заставила меня остановиться.

Пересекая дорожку, в трех шагах впереди поспешно полз в сторону моря длинный желтый полоз, не обращая на нас внимания. Чуть в отдалении я увидела темного ужа, скользнувшего в траву.

– Мы уже с десятков змей видели, – пробормотал Берни.

– Слуги боятся выходить из замка, – подал голос Доулсон. – Везде змеи. Шепчутся, что проснулся змеиный король.

Я слушала эти реплики словно сквозь туман. Голова кружилась все сильнее.

Мы снова направились вперед, то и дело останавливаясь, чтобы пропустить очередного ползущего гада. Зазвонил телефон. Краем уха я уловила, как Леймин что-то уточняет в трубку.

Мы вышли из парка.

– Ваша светлость! – Леймин нагнал меня, пошел рядом, и я с трудом заставила себя повернуть голову. – Пришли новости из Рудлога. Ваша сестра, ее величество Василина, вернулась. Говорят, прилетела на гигантском огненном звере и закрыла портал на Севере.

Я остановилась, слабо улыбнувшись и прислушиваясь к себе. На мгновение даже алчная, больная пустота моя скрылась под разлившимся в душе теплом.

Сестра действительно больше не находилась под землей. И теперь, судя по всему, имя ее окончательно войдет в легенды.

– Спасибо, Жак, – поблагодарила я хрипло. И только хотела двинуться дальше, как в небе раздалось хлопанье больших крыльев – и я, задыхаясь от снова вспыхнувшей, невероятной надежды, вскинула голову. Это должен был быть Люк. Люк. Люк!

Мелькнул светлый силуэт, затем еще один, и еще – и я снова заплакала, глядя, как перед замком один за другим опускаются белые драконы.

Огненная птица добралась до Истаила, и Ангелина выполнила мою просьбу. Теперь в замке Вейн будет мало места для смерти.

Жаль, что ни Люка, ни меня это уже не спасет.

Два дня назад, седьмое апреля, Пески

Ангелина

Владычицу Песков во дворце называли нари-вая – неутомимая, неспящая. Хотя, конечно, она спала, иногда даже больше шести часов в сутки. Слишком много чего нужно было сделать и слишком много куда успеть.

Ангелина настолько влилась в жизнь Песков, настолько прониклась ею, что испытывала огромное удовольствие, глядя, как запускается неповоротливый маховик изменений, как неза-

метные, точечные решения вырисовывают контур глобального скачка в развитии страны. Она была счастлива и в работе, и в редкие минуты отдыха с мужем. Единственное, что омрачало ее жизнь помимо текущей войны, в которую был погружен Рудлог и которая могла прийти и в Пески, – невозможность регулярно общаться с сестрами.

Телепорты не работали, телефонную линию все еще тянули из эмирата Тайтана к Истаилу – изначально проложить хотели из Теранови, но через Милокардеры это было во много раз сложнее. Ангелина могла бы попросить Нории отнести ее в Теранови, чтобы позвонить сестрам и Мариану, но это была бы непозволительная трата времени и для нее, и для мужа. Поэтому Ани успокаивалась знанием, что родные живы, и снова, как в те времена, когда жила здесь пленницей, писала письма, которые надеялась при случае отправить через посольство в горном городке.

Ее очень беспокоила Василина – она по-прежнему находилась под землей, только теперь двигалась от Ангелины на север. Страшно было представить, что испытывает младшая сестра, страшно, что не вернется. Но Василина, мягкая и нежная, к радости и гордости Ани, оказалась очень сильна – ведь до сих пор не растворилась в родной стихии. И Владычица каждое утро начинала с обращения к Красному Воину – чтобы не позволил страшному случиться.

Марина почти не меняла свое положение, и пусть война была к ней ближе всех, Ани почему-то меньше всего за нее беспокоилась. С лордом Дармонширом было обговорено, что при необходимости он вывезет родных либо в Рудлог, либо в Пески, и, несмотря на упрямство Марины, Ангелина понимала: он сделает всё, чтобы убрать жену из-под удара.

Поля оставалась на севере. Очень хотелось знать, что с ней, помогли ли иглы, которые вкалывали после шаманского обряда, сумела ли сестра обрести человеческий облик окончательно. Но самое главное – четвертая Рудлог была жива, и страшная пустота, которая возникла в душе после ее смерти, не возвращалась.

Алинка тоже сместилась ближе к северу, но Ангелина знала, что ее планируют перевезти к столице, а изменение означало, что враг подошел близко к побережью и переезд, слава богам, прошел успешно.

С Каролиной и Святославом Федоровичем Ани общалась письмами, а пару раз родные даже прилетали навестить ее на попутном драконе. Младшая сестра, яркая, откуда-то набравшаяся привычки плавно жестикулировать, пахнущая какими-то восточными благовониями, благо подобранными с мерой и вкусом, очень радовалась встречам, но при этом так искрилась счастьем, рассказывая про Тафию, что Ангелина никак не могла настоять, чтобы она осталась с ней в Истаиле. Хотя надо бы, для собственного спокойствия и безопасности сестры. Когда Ани спрашивала, что Каролина рисует сейчас и видела ли что-нибудь важное, та пожимала плечами и грустно отвечала:

– Войну. И никого знакомого, Ани. Я бы показала! – возмущенно добавляла она, потому что старшая сестра смотрела на нее с сомнением. – И вообще это не часто происходит. Раз в неделю, бывает и реже. Правда!

Отец это подтверждал. Но Ангелине все равно очень хотелось, чтобы визит к Хань Ши произошел побыстрее. Она не любила, когда не способна была что-то контролировать.

Иногда с почтой из Тафии приходило письмо от Святослава Федоровича и к Валентине. Подруга, оставшаяся гостьей во дворце, с нетерпением принимала запечатанный сургучом лист, открывала его и читала. А если у Ани находилось несколько минут, чтобы выпить с соседским семейством чаю, зачитывала письма вслух: ничего интимного, бывший принц-консорт описывал свою работу, архитектуру Тафии, впечатления от общения с людьми. После соседка писала ответы.

– Я половины слов-то не понимаю, – говорила Валя, смеясь, и ее круглое лицо становилось еще милее. Она поправилась после травмы, остригла седые волосы – они стали отращивать русыми, как прежде, – и снова стала похожа на себя: невысокую, ладную, большеглазую,

большеротую и юркую. И молодую, чуть младше Ангелины. – Но Славка-то как пишет! Ровно поет... Как он ухитрился скрывать, что такой художник, когда в огороде морковку дергал!

С Валентиной пообщаться удавалось редко, обычно они перекидывались парой слов на бегу. Благо соседка не обижалась.

– Я же понимаю, что тебе не до меня, – говорила она прямо и сердечно. – Не бойсь, Ань, главное, что ты меня вытащила и я на своих двоих теперь бегаю, а уж с моими пацанами мы с мамой не заскучаем. Так у меня их всего трое, а тебе надо с целой страной управляться!

Личный круг общения Ангелины не ограничивался Валиной семьей. Во дворце по-прежнему жили нани-шар, и Ани периодически навещала их: узнать, как дела, есть ли просьбы или нужды, потому что девушки перед ней благоговели и сами обращаться боялись. Ее практичность не терпела безделья, поэтому в один из таких визитов она и объявила:

– В течение месяца в Истаил придут учителя, в том числе преподаватель этикета и несколько фрейлин рудложского двора, которые согласились обучать вас. Дворцу нужны придворные дамы, но я предупреждаю, что это не праздный статус, а тяжелый труд. Подумайте, готовы ли вы остаться здесь в качестве моих воспитанниц, готовы ли учиться вместе с другими девушками, которых мы пригласим из разных городов и кочевий. Если нет, каждой, кто решит отказаться, будут выделены свой дом в Истаиле и щедрое содержание.

– Я останусь, – первой сказала Зара. Ани кивнула – в ней она и не сомневалась. Зара оказалась сообразительной и быстрой и уже помогала Ангелине, исполняя мелкие поручения.

Девушки задумались: кто-то живо обсуждал предложение между собой. Большая часть из них останется, конечно. И Ани была рада этому. Нани-шар, смешные и наивные, привязались к ней, но помимо этого они стали бесценным источником информации о жизни народа Песков. Их щебет веселил ее, а бывшая близость с Нории совершенно не беспокоила – Ангелина даже не вспоминала об этом. Она была слишком занята для того, чтобы тратить время на ревность, и слишком хорошо знала, что значит для мужа.

В последнее время правописанием и чтением с нани-шар занималась Таисия, жена Энтери. К ней Ани прониклась приязнью, которая не перерастала в дружбу только потому, что у старшей Рудлог не хватало времени. Тася любила мужа спокойной и чистой любовью и на редких семейных обедах с удовольствием рассказывала о том, как помогает ему в делах лечебных.

Сегодня Нории прислал брату с супругой приглашение, и теперь все четверо сидели за столом у широкого окна в семейных покоях, которые раньше были покоями Владыки. Пахло фруктами, жареным мясом и специями, а легкий ветерок шевелил лазурные занавески, принося из парка аромат сладких цветов и зелени. Тася пересказывала слухи, что продолжали появляться среди суеверных жителей Песков:

– Говорят, что великая колдунья, которая пленила могучего Владыку...

– ...или которую пленил Владыка, болтуны в этом расходятся, – уточнил Энтери.

– ...имеет множество глаз по всему телу, которые ночью превращаются в звезды, и поэтому она видит все происходящее в стране. А еще служат ей тысячи духов, поэтому она успевает не только сделать тысячи дел, но и объезжать владения мужа на огненном верблюде размером с гору...

Нории слушал и улыбался, тепло глядя на Ани, и она усмехалась в ответ. Он только ночью вернулся из Тайтаны с дипломатической делегацией и, уставший, упал рядом с женой спать. А поутру проснулся, прохладный и горячий от нетерпения: огладил широкими ладонями, разогрел губами, заставил смеяться и выгибаться от скольжения красных волос по животу и бедрам и распалил ее так, что – невиданное дело – снова впервые за много дней над Песками прокатилась не простая, а вызванная ими гроза, а завтрак и все дела пришлось отложить часа на два. Тело до сих пор ныло и помнило удовольствие. Но приходилось заставлять себя работать.

– Только огненного верблюда мне и не хватало, – невозмутимо резюмировала «повелительница тысячи духов», когда Тася закончила говорить.

За резными ставнями окон согласно тьявал тер-сели, чирикали анодари, по белым стенам с лазурными изразцами, нагретыми солнцем, потрескивая и вереща, бегали огненные саламандры, для которых Нории приказал устроить небольшую круглую печь в саду – чтобы было откуда появляться и куда уходить – и подкармливать их ароматическими маслами. Ани под страхом изгнания запретила огнедухам спускаться ниже человеческого роста, а в парке – ниже уровня деревьев. Не дай боги кто из слуг наступит и будет испепелен или начнется пожар вокруг дворца. Огневики пищу и внимание отрабатывали сполна: ночью зависали в коридорах и над дорожками парка, освещая их и сопровождая охранников.

Нории рассказывал о последних новостях, которые узнал в Тайтане, – о делах в Рудлоге и победе Дармоншира над иномирянами, о войске, которое эмираты послали в Рудлог, – когда за окнами раздался приглушенный гул. Недалеко от дворца, меж зеленых деревьев, как раз там, где в парке была установлена круглая печь, на глазах обедающих поднялся в воздух тонкий столб огня, закрутился смерчем – и соткался в маленькое сияющее пятнышко.

– Это что-то новое, – тревожно сказала Ани, подойдя к окну. За ней встали и остальные, а она повернулась к Нории. – Это не опасно?

Он присмотрелся и улыбнулся.

– Нет, Ани-эна. Это тоже огнедух.

К трепещущему пламенному пятнышку огненными лентами рванулись со стен саламандры, закружили в воздухе искрящимися бабочками, заметались над пышными кронами, словно что-то обсуждая, а затем роем бросились к окну, у которого стояла Ангелина. Зависли метрах в двух от нее – на Владычицу пахнуло жаром, а из скопления пылающих шаров вырвалась крошечная птица, удерживающая в лапах... бутылку коньяка.

Нории гулко засмеялся.

– Кажется, я знаю, откуда этот подарок.

Птица, медленно подлетев к Ангелине, требовательно загудела, несколько раз ткнулась в ее руку, лежащую на подоконнике. Огнедуха трудно было не понять – Ани перевернула ладонь, и в нее упала бутылка, странно легкая, а маленький гонец кувыркнулся в воздухе, словно кланяясь, и понесся обратно в парк. Ангелина с удивлением поднесла «подарок» к глазам, а затем потрясла его вниз горлышком и взяла в руки выпавший на пол скрученный лист бумаги.

– Это от моей сестры Марины, – сказала она, быстро пробежав письмо глазами и чувствуя, как легче становится на сердце от добрых известий и привычной ироничной Мариной манеры выражаться, хотя даже в нескольких строках ощущалось, как та устала. – И как я не догадалась использовать духов для связи? Сестра сообщает, что Дармоншир выстоял и переходит в наступление. У нее есть просьба. – Ани повернулась к Нории, передала ему письмо.

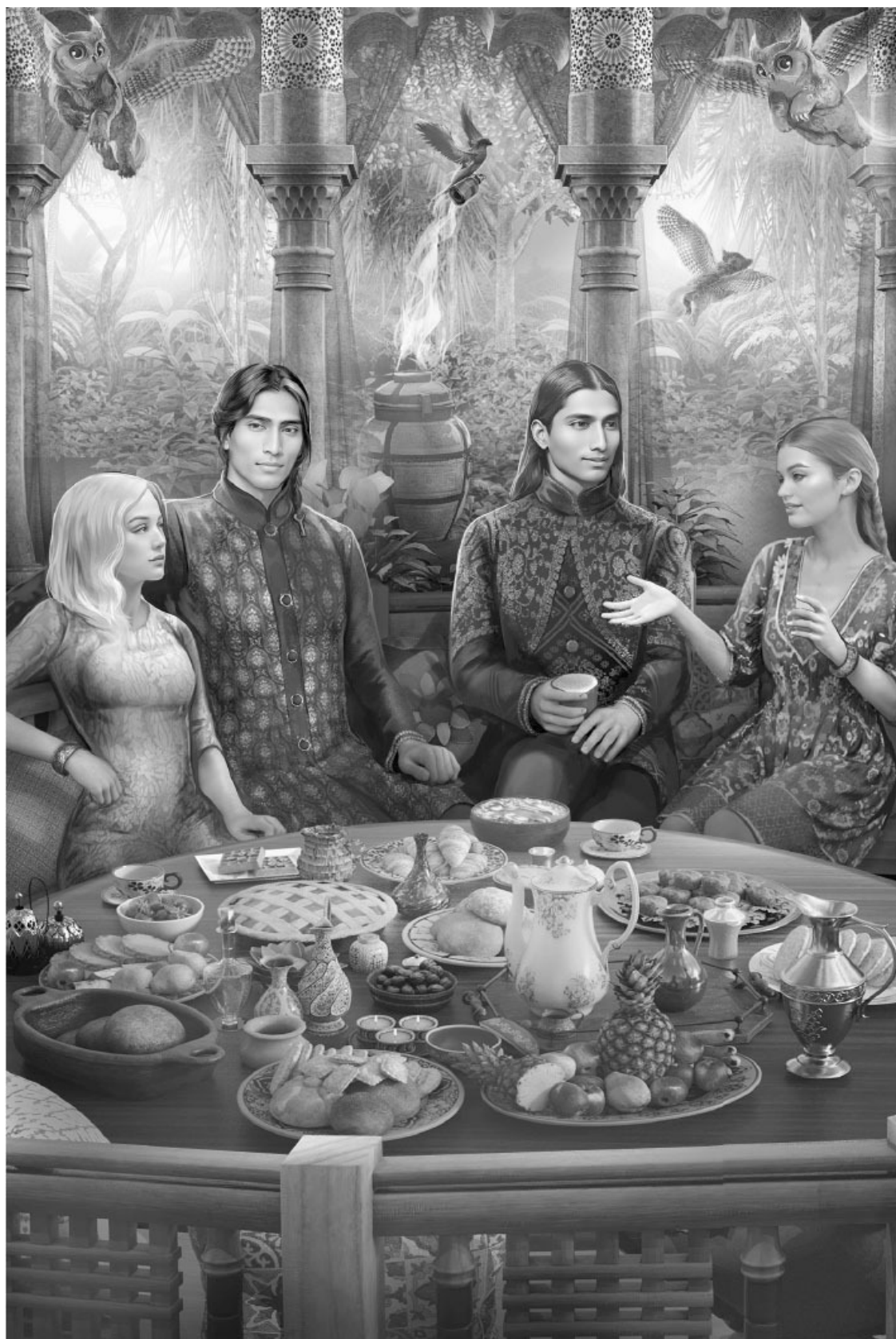
– Наверное, нам пора, – понимающе проговорила Таисия, взяв мужа за руку.

– Нет, ничего сверхсрочного. Тем более это в какой-то мере касается и Энтери, – пояснила Ани. – Марина организовала госпиталь в Дармоншире и пишет, что им катастрофически не хватает виталистов. Просит драконов помочь.

– Эту помощь я могу оказать, – тяжело пророкотал Нории. – Энтери?

– Я полечу, – кивнул брат Владыки. – Мы, – добавил он, увидев укоризненный взгляд жены.

– Сегодня поговорю с теми, кто живет в Истаиле, – продолжил Нории. – Завтра мы сможем дать ответ, Ани-эна.

Глава 2

Седьмое апреля, Пески, Тафия

Четери

Владыка Четэрии в делах и управлении городом был столь же прям, быстр и точен, как и в бою. Советники знали, что он не терпит долгих разговоров и велеречивости и требует конкретных решений и расчетов. За провинности с должностей он снимал без сожаления, льстецов от себя удалял сразу. Чет понимал, что пусть у него нет эко-но-ми-ческого образования, но люди в городе – и жители Песков, и беженцы – должны иметь защиту, кров, воду, пищу, медицинскую помощь и не задыхаться от отходов. А еще нужно было довыполнить обещания, данные теще, чтобы, когда придет время уходить, он мог оставить Свету со спокойной совестью.

Но Тамара Алексеевна, продолжавшая вместе с отцом Светы и родными Матвея гостить в Тафии, была довольна и интеллигентно хвалила зятя. Правда, не слишком часто, «чтобы не перехвалить». Уже вовсю работали магазины с иностранными и местными товарами, открылся лазарет с родильным отделением, со стороны Йеллоувиня начали проектировать новую дорогу и тянуть телефонный кабель, а на крышах домов появились первые солнечные батареи. Часто теперь проезжали по улочкам Города-на-реке легковые машины и грузовички, по большей части с йеллоувинскими и эмиратскими знаками. Мастер иногда позволял себе сентиментально погрузиться, глядя на отблески с крыш, – белоснежная Тафия становилась белоснежно-зеркальной. Но так было всегда: чтобы открыть путь новому, нужно изменить старое.

Этим Владыка и занимался, а глобальное планирование и политику оставил Нории и Ангелине. Занимался, не получая удовольствия, но четко следуя принципу, перенятому от Мастера Фери: «Неважно, какое дело назначила тебе судьба, – делай его хорошо и принимай как урок совершенствования».

С утра Четери согласовывал взносы, которые при заходе в порт Тафии должны были платить иностранные корабли, и слушал главу государственной речной строительной компании Йеллоувиня – тот был приглашен с согласия Хань Ши, чтобы обсудить развитие этого самого порта. Хотя, конечно, «развитие» было преувеличением: если для пассажирских и туристических судов еще можно было использовать старые пирсы, то грузовой порт нужно было строить, и желательно в стороне, чтобы не портить кранами и контейнерами дивные виды Тафии и реки Неру.

Йеллоувинец, вопреки национальному менталитету, оказался человеком, тоже не терпящим долгих речей, поэтому соглашение о начале проектирования было подписано быстро и к взаимному удовольствию.

В кабинет, где Четери просматривал указы, подготовленные советниками, уже заглядывала Света, пополневшая и цветущая. Она каждый день заходила и утром, и незадолго до обеда, целовала мужа в макушку, распускала ему косу, массировала голову. Как-то сразу приходило понимание, что пора отдохнуть.

– Ты не забыл про обед? – спрашивала она строго. – Через полчаса, Чет.

И Мастер подчинялся: в делах домашних он полностью уступил главенство жене и никогда не оспаривал ее решений. Она вела дом, пусть он и был побольше обычных, управлялась со слугами, хотя могла этого не делать, с радостью вместе с родителями занималась садом и следила, чтобы муж был накормлен и обихожен. Только поначалу Света спрашивала его разрешения на переделку их покоев, например, или обустройство беседок в саду – потом Чет привык, что это ей решать.

– Делай что хочешь, – говорил он, – только чтобы ты была довольна. И чтобы, – добавлял он, жмурясь, – у тебя всегда хватало времени на меня, Света.

У нее хватало. И так ему с ней было хорошо, так смягчала она его сердце, что он и понять уже не мог, как жил без нее пятьсот лет назад.

Только однажды он запретил ей что-то. Светлана часто в вечерние прохладные часы выходила с родителями погулять в город. Ее, конечно, сопровождали охранники, хотя вряд ли во всех Песках нашлись бы глупцы, способные тронуть жену Мастера. Но люди в Тафию прибывали разные, и Четери не желал рисковать.

Супругу Владыки узнавали, кланялись ей и сердечно желали здоровья и удачного родо-разрешения, а то и подходили с подарками и прошениями. Света как могла старалась решать посильные ей проблемы жителей Тафии. А то, что было не в ее власти, передавала мужу.

Несколько дней назад, нежась в постели поутру, когда Чет уже вернулся с тренировки, она сказала, что встретила накануне вечером Вей Ши, несущего на закорках смешного старика. Что ученик выглядел голодным и сильно похудевшим. И попросила разрешения передать ему еду и одежду.

– Ты против, я уже вижу, – сказала она со вздохом, не успев дракон и рта открыть. – Я не стала бы делать это без твоего ведома, Чет. Но мне так жалко его!

Четери забрался к ней в кровать, обняв и прижавшись лицом к плечу, как мальчишка, – он очень любил ощущение уюта, которое появлялось рядом с женой, – и Света ласково поцеловала его в макушку.

– Ты навредишь, – прикрыв глаза, объяснил он. – Вей Ши не может сейчас принять это как должно: уязвленное самолюбие заставит его отказаться от помощи и тем самым обидеть тебя. В лучшем случае он решит отдать твой дар кому-то другому, что только укрепит его гордыню. Он не готов смиренно принять помощь и искренне поблагодарить за нее, Света. Я люблю твою доброту, но ты правильно сделала, что спросила меня.

Светлана снова вздохнула, но не стала спорить.

Она была теперь немного рассеянной, в глазах появился влажный блеск, походка стала более осторожной. Шел седьмой месяц беременности, сын уже вовсю ворочался в ее чреве, и она то и дело замирала, прислушиваясь к себе. И если драконицы в период вынашивания ребенка или высиживания яиц становились агрессивными, то Света с каждым днем наполнялась спокойствием и любовью. Аура ее, напоенная стихией Матушки-Воды, стала немного мощнее, а в центре теперь сияло ровное сине-белое сплетение.

Такой – налитой, на пике своей женственности – Светлана возбуждала Чета еще сильнее. Он, конечно, не трогал бы ее, если бы ей было неприятно. Но Света сама тянулась к нему.

– Я теперь все время тебя хочу, – призналась она как-то страшным шепотом ночью, когда он, расслабленный, сытый и довольный, почти засыпал, аккуратно прижав ее к себе спиной. – Даже сейчас, опять... кажется. Ужас какой-то, никогда не думала, что в беременность стану такой ненасытной. Прохожу днем мимо твоего кабинета, а сама думаю, что надо зайти и... Чет, а ты все еще хочешь меня? Тебе не трудно?

Он издал сонный смешок, подгреб жену ближе и привычно потерся бедрами о ее ягодицы.

– Я тебе утром еще раз покажу, как хочу, раз возникли сомнения. Только не сейчас.

– Почему? – настороженно спросила Света.

– Мне же трудно, сама сказала. Старенький я у тебя, – весело буркнул Четери и опять потерся об нее. – А нет, уже снова молоденький...

– Чет! – застонала она, давясь от смеха.

Он захохотал ей в затылок.

– Ну как мне еще реагировать на эти глупости, Света? Не выдумывай. И еще, женщина. Как твой муж и Владыка, повелеваю: если днем тебя настигает желание объездить меня, ты не томишься, а идешь ко мне. Я соберусь, выгоню советников, разомну свои старые кости и сделаю тебя довольной. Должен же я отрабатывать твою заботу.

Светлана потянула к себе его пальцы и с улыбкой коснулась их губами.

– Ох, Чет, – сказала она с грустной нежностью. – Не могу представить, как бы я жила без тебя. Иногда я боюсь, что проснусь, а тебя нет. И всего этого нет. Приснилось, привиделось. Или что ты уйдешь на войну... уйдешь, я знаю. И не вер...

Четери мягко закрыл ей рот ладонью.

– Ты права, – сказал он, не дурачась более. – Я скоро уйду. Но мы смертны. В любой момент можем умереть, поэтому есть ли смысл об этом печалиться и отравлять себе жизнь заранее? Нужно радоваться, что мы сейчас живы, и исполнять свое предназначение. Женщина, не хорони меня заживо. Ты не будешь плакать и истязать себя, а будешь ждать и верить, что я вернусь. Да, Света?

– Да, – сказала она, глотая слезы.

– И правда твоя стихия теперь вода, – сказал он ворчливо, поворачивая ее к себе. Поцеловал глубоко, нежно, чувствуя на губах соленые слезы, спустился ниже – прикусил шею, лизнул грудь над округлым животом, смял ладонями ягодицы. Света, прекратив всхлипывать, вздрогнула, заерзала – она стала очень чувствительной.

– Что ты делаешь?

– Утешаю тебя, конечно, – объяснил воин-дракон охотно. – Недоработал, раз у тебя силы остаются на страх и слезы.

– Это не повод для шуток, Чет, – прошептала она с упреком.

– Какие уж тут шулки, – сказал он серьезно, перекатываясь на спину и очень бережно помогая ей сесть сверху. – Моя женщина не должна бояться и плакать. И ничего смешного в этом нет.

Восьмое апреля

Владыка Четерии любил нагружать тело ранним утром – когда сады Тафии были наполнены темнотой и прохладой, ветерки лениво текли над остывшей землей и звонко пели птицы, радуясь скорому появлению солнца.

И в это утро он поднялся еще до рассвета, оставив потяжелевшую, крепко спящую Свету в кровати. Она перестала просыпаться вместе с ним, чтобы посмотреть на тренировки, и Чет ее не будил: мимолетно провел по плечу жены губами и направился в купальню, а оттуда – во двор, на ходу заплетая косу.

Босые ноги его коснулись холодной плитки, и через несколько секунд Мастер присел на бортик фонтана, зачерпнул свежей воды, напоенной силой, поднимающейся из глубинной жилы. Встал, прошептав короткую молитву Отцу-Воздуху и Матери-Воде, поклонился небу – и, уже начиная улыбаться, потек по плитке вокруг фонтана в гибком, размашистом танце, все быстрее, разминаясь и разогреваясь.

Когда пришло время доставать клинки, Чет на мгновение остановился, закрыв глаза и слушая вдруг наступившую тишину с мечтательным умиротворением. Над Тафией разливались тихий покой и счастье, и целый город сейчас спал так же сладко, как и весь последний месяц по утрам.

Четери знал, что в эти минуты тренируется не один. До рассвета на склон у обители Триединого выходит с шестом юный гордец. Он повторяет упражнения, которым его научил Мастер, выдерживает ритм дыхания, который ему ставил Мастер, улыбается от нагрузки, дающей телу отдохновение, и наконец-то отстраняется от страстей окружающего мира, погружаясь во внутреннее спокойствие. И погружая в него целый город.

Медитация начала даваться наследнику Желтой империи чуть более месяца назад. Для этого Мастеру пришлось попотеть: затупить его гордыню о служение простым людям и вымотать чрезмерной нагрузкой на органы чувств, болезненной для любого высшего потомка Желтого. Вей Ши должен был рано или поздно познать транс – и дело ускорили травы, которые хлебосольные жители города предложили принцу в кальяне. Но сам по себе, без предыдущей и текущей нагрузки, дурман бы не сработал. Как не сработал и ранее – вряд ли в семье Ши не использовали растения, расширяющие сознание, чтобы помочь наследнику.

Чету каждый день докладывали о том, что делает и как ведет себя ученик, и Мастер был доволен. От дождя новых впечатлений, возделываемая помощью страждущим и тяжелым трудом, через годик послушничества эта закаменевшая желтая глина снова станет мягкой, и прорастут в ней подавленные любовь к людям, сочувствие и сострадание. Вей Ши, неглупый, упорный, даже не желая этого, учился сквозь шоры своей заносчивости и исключительности, воспринимая новую информацию, узнавая людей и меняясь.

Мастер еще раз глубоко вдохнул сочащийся запахом ночных цветов и покоем воздух – эманации юного Ши в эти минуты заслоняли отголоски дальних боев и смертей, заставляющих тело дрожать и проситься в битву. Вдохнул и сорвался с места, продолжая тренировку.

Четери уже несколько дней ощущал, как подергивает в сердце тревога, словно призывая его прислушаться, присмотреться и понять, где он совсем скоро будет нужен. Война, идущая на северо-западе, звала его, распахивая черные руки, громадой поднимаясь за Милокардерами, и часто он беспокоился теперь, предчувствуя на губах привкус крови врагов, и скалился хищно время от времени так, что Света испуганно вглядывалась в него.

Но Мастер не поддавался, ибо война была его сутью, но он был больше чем война. Чет продолжал ждать знака, который укажет ему путь. Вся натура его стремилась сейчас в гущу боев, но он легко справлялся с этим, терпеливо встречая каждый новый день.

«Вы – оружие, – говорил Мастер Фери, – но каждому оружию свое место и время. Нельзя использовать вместо молота клинок, нельзя ударить раньше или позже. Иначе вы выиграете бой, но проиграете битву».

Клинки пели, смеялись вместе с ним, когда Владыка уловил поспешные шаги за спиной, остановился и обернулся, улыбаясь. Его ослепил огонек высотой с молодую яблоню, причудливым образом танцующий вокруг и внутри раскрытого золотисто-фиолетового лотоса. Огонек этот набирал силу весь последний месяц, и все отчетливей очерчивалась в пламени родовая форма Желтых, усиленная красной кровью, ставшая прекрасным обрамлением для этого пламени и сдерживающая его буйство.

Безмятежная, умеющая видеть красоту, тонко чувствующая, редко вспыхивающая и быстро отпускающая даже самую сильную обиду – вот какой вырастала юная Каролина, принцесса дома Рудлог. И Четери, как ценитель гармонии и красоты, радовался возможности любоваться тем, как раскрывается этот цветок. Только Нории мог бы разделить с ним это ощущение. И правители Туры, конечно, прежде всего Хань Ши и его дети. О, Желтый император будет бесконечно тронут и восхищен, когда увидит эту девочку во время предстоящего через неделю визита Нории и Ангелины в Йеллоувинь. Чет был в этом уверен. Слишком равновесно и утонченно ее пламя, чтобы старый тигр не оценил его прелесть.

А вот у гордеца по имени Вей Ши лотос, сияющий желтым и фиолетовым – цветами стихии Разума, – поднимающийся выше самых высоких куполов Тафии, начал приоткрываться

лишь недавно. И пламя, иногда вскипающее внутри, часто пробивало лепестки, сотканые из равновесия и гармонии.

– Доброе утро, Владыка! – звонко поздоровалась принцесса.

Маленькая Рудлог, одетая в длинное цветастое платье, с двумя косами, тяжелыми серебряными серьгами в ушах и браслетами на запястьях, остановилась перед Четом. Поправила на груди ремень, на котором висел сложенный чемоданчик с мольбертом и прочими таинственными художественными принадлежностями. Во второй руке она сжимала лист бумаги. Неподалеку тихими тенями застыли двое охранников с переносными магическими светильниками в руках.

– Доброе утро, девочка-огонек, – ответил воин-дракон, улыбаясь. Если у ее сестры Алины огонь, смешанный с сакральной тьмой Жреца, обратился в страсть к познанию, то у Каролины он воплотился в страсть к творению.

– Я хотела вам сказать... – она запнулась и вздохнула. – Точнее, показать. Только не думайте... ох... я долго сомневалась, показывать ли вам плохое... но это важно!

– Я уверен, что важно, – ответил он, уже догадываясь, что речь может идти об одном из ее рисунков-видений. Ему о них сообщила Владычица Ангелина, попросив особо приглядывать за сестрой, пока не появится возможность нанести визит Хань Ши.

Каролина протянула ему лист бумаги, и Мастер, взмахом руки попросив у одного из охранников светильник, приподнял его и всмотрелся в рисунок.

На нем был изображен он, Чет: лежащий, запрокинувший голову, он пытался встать и не имел сил это сделать, заливаясь кровью из многочисленных ран – на груди, на лице, на голове. Художница с беспощадной точностью вырисовала и испарину на теле, и влажные волосы, и исхудавшее лицо с провалившимися от усталости глазами, полными постбоевого экстаза и боли, и полубезумный оскал-улыбку, и руку, бессильно вытянутую к зрителю. И странную слизь, которая местами покрывала кожу.

В руках он сжимал свои клинки, тоже покрытые этой слизью, – один из них, что уж совсем невероятно, был обломан. Нет – Четери присмотрелся внимательнее, – срезан. Неужели есть где-то оружие, способное разрушить клинки, выкованные им из собственной ауры, являющиеся его частью?

– Они не всегда сбываются, – виноватым шепотом попыталась ободрить его принцесса.

– Конечно, не всегда, – проговорил он с мягкостью. – Будущее – это бывшее из бесконечного числа несбывшегося. Самое вероятное и видят такие, как ты, маленький огонек Разума. И знаешь, зачем нужно обязательно рассказывать о плохом?

– Зачем? – замороженно и тихо спросила Каролина.

– Чтобы дать тому, кому выпало предсказание, возможность изменить будущее. Если он хочет.

– Но разве это возможно? – В голосе юной художницы зазвучала взрослая горечь, и Чет задумался, сколько же всего увиденного она несет в себе, боясь показать и рассказать.

– Ты грустишь из-за дара, – сказал он, не спрашивая, и принцесса тяжело взглянула на него. – Не нужно. Любой дар – это клинок, который можно направить как во зло, так и во благо. Тебе просто нужно научиться властвовать над ним.

– Я бы хотела быть совсем обычной и ничего такого не уметь, – буркнула принцесса совсем тихо.

– Не нужно. – Чет улыбнулся. – Твой дар – это часть тебя. Без него ты будешь кем-то другим. А судьба очень не любит, когда человек пытается быть кем-то другим, Каролина. И всеми силами возвращает его на свое место.

Принцесса совсем опечалилась, и Чет поспешил ее приободрить:

– Ты спрашиваешь, возможно ли изменить будущее. Не все возможно изменить. Какие-то события неизбежны, они как гвозди, которые держат ткань бытия: выдерни гвоздь – и мир

рухнет. Но благодаря твоему дару все можно *попытаться* изменить. Спасибо тебе. – Он торжественно поклонился ей. – Ты правильно сделала, что показала мне.

– Правда? – Лицо ее просветлело. – Хорошо. Ой, – она посмотрела в небо, которое едва заметно начало светлеть. – Я все-таки опоздаю. Еле встала, – пожаловалась она. – Опять не успею к обители до рассвета!

– Не опоздаешь, – проговорил он. – Ты оказала мне большую услугу, девочка. Отойдика в сторону, я обернусь и отнесу тебя.

– Ну зачем. – Она смутилась. – Это совсем пустяк... поделаю пока наброски.

– Это совсем не пустяк, – улыбнулся Чет с нежностью. – И совсем не равная оплата. Прошу, если ты увидишь что-то еще, касающееся меня, не бойся показать. Ты мне очень поможешь, девочка-огонек.

Мастер не стал объяснять, что этот ребенок дал ему в руки, так точно изобразив его падение и бессилие. Карту его слабых мест, портрет умений его будущего врага. Тип оружия, нанесшего раны, силу удара противника. Принцесса дала ему план тренировок и отработок – и за это он был готов хоть каждое утро носить ее до обители и обратно.

Этот дар следовало беречь и огранять, как драгоценный камень.

Вей Ши не прекратил тренировки, когда в светлеющем небе раздался звук взмахов больших крыльев, не остановился он и тогда, когда с приземлившегося неподалеку дракона соскользнула знакомая девчонка в цветастом платье, что-то крикнула и поспешно бросилась в сторону Вей, к воротам обители. Сейчас разложит свой мольберт у ворот и снова выпадет из реальности, пока не взойдет солнце.

Девчонка, пробегая мимо по мощеной дороге, широко улыбнулась, махнула рукой, но наследник, как всегда, не отреагировал, продолжая отрабатывать выпады и прыжки с оборотами. А когда она пошла дальше, хмуро посмотрел ей вслед, пытаясь решить загадку, которая мучила его последние дни.

Вслед за девчонкой к месту его тренировки не спеша приблизился Мастер Четери. И только тогда Вей Ши остановился и поклонился, опираясь на шест.

– Продолжай, – приказал Четери, опускаясь на землю и скрещивая ноги. Он был бос, в одних широких тренировочных шальви, перемотанных длинным поясом, и линии ауры на теле едва заметно мерцали в утренних сумерках.

Вей снова поклонился и с места ушел в разворот – загудел, застонал рассекаемый шестом воздух. В душе разливалось ликование: Мастер не отвернулся, не ушел, даже заговорил с ним и решил посмотреть, как он тренируется!

– Не о том думаешь, – рыкнул дракон, и Вей Ши мгновенно выбросил все лишние мысли из головы, сосредотачиваясь на упражнениях.

Через несколько минут Четери вдруг поднял руку и сам поднялся единым движением.

– Замри.

Вей остановился – в глубоком выпаде коленом вперед, с шестом, вибрирующим над головой почти параллельно земле.

– Так тебе порвут жилы плеча, выбьют запястье, даже если заденут шест по касательной. – Дракон подошел, поправил хват, сдвинув ладонь по шесту чуть вперед. – А вот так – нет. Чувствуешь? Покачай, запомни баланс. Продолжай.

Уже потянулись первые посетители в храм, взошло солнце, разогревая влажную траву, а неожиданный урок все продолжался, пока не раздался звук гонга, призывающего на молитву. Вей не останавливался, отчаянно желая урвать еще немного умений учителя, продлить общение. Но Четери сам остановил его.

– Хватит, – сказал он. – Иди в обитель. Сейчас там твои главные уроки, юный Вей.

Наследник отчаянно вздохнул, пытаясь скрыть разочарование.

– Мастер, окажи мне честь, – проговорил он тихо, – дай мне бой.

Чет покачал головой.

– Я и так даю тебе бой, юный Вей. С тех пор как кнут коснулся твоей спины. Выиграй его, или я не смогу учить тебя дальше. Знаешь ли уже, что должен сказать мне?

– Нет, Мастер, – глухо ответил Вей, стараясь не показывать то, что поднялось у него в душе. Четери коротко хмыкнул.

– Ты еще полон злости и непонимания. Плещут в твоём сердце стыд и обида, когда я говорю про взыскание, что дал тебе.

Вей Ши поднял глаза на учителя, выпрямился, сжимая зубы.

– Да, и сейчас, – неумолимо продолжил Четери. – Считаешь, что я был несправедлив и жесток, и упорно отказываешься осознать, что я наказал тебя мягче, чем это сделала бы судьба. Но я все равно доволен тобой, – сказал он неожиданно тепло. – Тем, как ты несешь свое наказание. Поэтому можешь задать мне сейчас один вопрос. Или попросить о чем угодно, кроме как вернуться в ученичество.

Гомонили люди, проходя мимо и разглядывая дракона и послушника, белые стены обители окрашивались в нежно-розовый, и уже слышался приглушенный напевный славослов Триединому из храма в центре обители.

Вей Ши задумался. Он столько хотел бы узнать, но, как всегда бывает, в нужный момент все вылетело из головы. Он хотел спросить про девчонку, но, даже если с ней связана какая-то тайна, Мастер ни за что не раскроет ее. И наследник остановился на том, что весь последний месяц нашептывало ему любопытство.

– Ты велел мне заботиться о феби Амфате, Мастер.

– Да, – улыбнулся дракон, но глаза его были внимательными. – Хочешь отказаться от него?

– Нет, – буркнул Вей и вдруг с удивлением понял, что действительно не хочет. – Мне не сложно его носить и помогать ему... теперь. Но я не могу понять, почему он то ходит, то нет. Объясни, Мастер. Я знаю его историю, но я не понимаю. Никогда о таком не слышал.

Четери кивнул, рассеянно любясь с холма наливающейся красками рекой Неру, что широким полотном обнимала белоснежную Тафию и несла свои могучие воды дальше.

– Есть ящерицы, что отбрасывают хвост, если он раздавлен, потому что боль невыносима. Если хвост останется, тело умрет от мучения раньше, чем от гниения. У почтенного Амфата раздавлено сердце, но он не может его отбросить. Поэтому тело его отказывает от боли. Но иногда что-то или кто-то помогает отстраниться от прошлого, накрыть его тишиной и смирением – и тогда он снова начинает ходить. И последнее время он делает это все чаще, правда? – Мастер с одобрением взглянул на Вея.

– Это я ему помог? – после небольшой паузы спросил наследник. – Моя родовая сила?

Дракон опять хмыкнул.

– И она, юный Вей. Но прежде всего ему помогли твоё участие, внимание и терпение. Отсутствие одиночества и его опека над тобой. Твоя доброта. Нет в мире силы больше нее. Хотя многие считают ее слабостью.

– Разве я добр? – глухо и резко сказал наследник. – Ты знаешь, что мой дед отказался от меня. Но не знаешь за что.

– Это не так важно, – улыбнулся Мастер. – Ты по крови своей должен уметь вникать в суть вещей и видеть суть людей. Рано или поздно осознаешь и свою. И расскажешь мне все, что должен. Когда поймешь, что стыдишься своего поступка больше, чем кнута. А сейчас иди.

Девчонка была на прежнем месте – но она даже не обратила на принца внимания, когда он проходил мимо. Глаза ее были затуманены. Она рисовала.

Вей Ши все последние дни глядел на бесконечные цветные наброски – розовое, золотое, фиолетовое, зеленое. В мешанине пятен трудно было угадать величественную и прекрасную Тафию, поднимающуюся из серебряной Неру, но он видел город так отчетливо, будто сам смотрел над мольбертом на белоснежные крыши, зелень и широкую реку.

Продолжала гостья Мастера рисовать и тогда, когда Вей вышел с молитвы, убрал двор, помог раздать пищу тем, кто пришел в столовую. Но на сей раз она уже болтала с кем-то из прихожан, и звонкий голос ее привычно резал уши. А на скамье за ее спиной лежал знакомый альбом.

Альбом этот пролежал в келье у принца неделю, когда Вей четко осознал, что он не вор и быть им не хочет. И вернул его девчонке на следующее утро вместе с остальными принадлежностями.

Жаль, что ее признательность не могла быть потише – маленькая художница так много-словно благодарила, улыбаясь и листая альбом, что наследник поморщился, уже жалея о своем поступке, и пошел подметать у противоположной стены обители.

– Ой, а это ты нарисовал? – крикнула она удивленно ему в спину.

Он промолчал.

– Красиво. У тебя легкая рука!

А через день она опять забыла альбом и карандаши на скамье, и Вей, досадуя на глупость и рассеянность гостьи Мастера, прихватил их в келью. Перед сном полистал в свете свечи и остановился на той странице, где ранее в уголке нарисовал крошечную ветку рябины. Сейчас на ней сидела синичка размером с муху, склевывая ягоды, глаз-пуговка внимательно и лукаво смотрел на наследника, и, несмотря на размер, исполнена она была так мастерски, что, казалось, сейчас взлетит.

Вей Ши нахмурился и отложил альбом. Ему вдруг стало очевидно, что он забыт не случайно. И что девчонка над ним подсмеивается.

На следующее утро Каролина выжидательно поглядывала на него, но он игнорировал эти взгляды, пока она не надулась и не уткнулась в свои наброски. Возвращенный им альбом она со скамьи так и не забрала, и он лежал там два дня, укоризненно светя раскрывшимися от ветра рисунками. А на третий день Вей возвращался с охоты, сытый и сонный, и рука сама потянулась прихватить его. Как и сама потом уже в келье взяла карандаш и дорисовала к синичке на грозди тонкую звенящую рябинку с почти уже облетевшей листвой и тяжелыми россыпями ягод.

Утром он отнес альбом на скамью и ушел на целый день помогать феби Амфату, чувствуя себя донельзя глупо. Они с сестрами так играли в детстве, по очереди расписывая тушью окошечки шелковых ширм сценками из дворцовой и сельской жизни, и сейчас он остро вспомнил те безмятежные дни, когда его все любили и баловали и никто, в том числе и сам Вей, не знал еще, что он навсегда порчен красной кровью.

Он не видел реакцию девчонки, но на следующий день на страницу альбома добавился мощный кряжистый дуб: поместилось всего несколько ветвей и дупло, из которого выглядывали бельчата.

Так и началось его странное безмолвное общение с говорливой девчонкой-простолюдинкой. На развороте альбома они рассказывали друг другу историю осеннего леса – появился там родник, прыгающий по круглым валунам, и пятнистый олень с мощными рогами, пьющий студеную воду, и волк, с голодной осторожностью следящий за ним из-за кустов малины. Выросли еще деревья, полетели птицы, заскакали зайцы и белки, лиса понесла в нору мышку, сел на пенек старик, похожий на Амфата, в широкой йеллоувиньской шляпе, с дудочкой. Закружилась перед ним в танце беловолосая девочка, совсем не похожая на гостью Мастера с тяжелым именем Ка-ро-ли-на, хотя Вей рисовал именно ее.

Иногда поверх альбома на скамье стояла новая баночка с мазью для его спины – Вей Ши теперь молча брал и ее, потому что рубцы она смягчала и залечивала превосходно. Между

страниц находил он то тонкую пачку бумаги, то грифели, то кисти и краски. Но сын Желтого не мог принимать подачки, как какой-то бедняк, и поэтому отдаривался, чем мог, – складывал из бумаги кружевных животных, стрекоз и птиц и возвращал с альбомом обратно. И снова и снова рисовал на листах, не в альбоме, чтобы она не увидела, говорливую и надоедливую гостью Владыки, с недоумением разглядывая ту, что раз за разом выходила из-под его грифеля. Тонкую девочку со светлыми, кудрявыми, как пух, волосами, чуть раскосыми глазами и лицом-сердечком.

Сейчас, уже без стеснения взяв альбом со скамьи, он не удержался, посмотрел в спину художнице. Никогда раньше не случалось с ним подобного, и поди пойми, почему рука выводит не то, что видят глаза. То ли его воображение так воспринимает ее суть, то ли девочка на самом деле выглядит иначе, а сейчас находится под мороком? Может, ее прячут здесь от какой-то опасности?

Сыну Ши не пристало умирать от любопытства, но Вей очень хотел бы иметь возможность залезть госте Мастера в голову и узнать, кто она на самом деле. Увы, дед закрыл внуку не только умение видеть ауры и течения стихий, но и ментальные способности, сказав, что он слишком незрел, равнодушен к другим людям, взрывоопасен и безответственен, чтобы свободно распоряжаться ими.

Почти год после этого Вей ощущал себя калекой – потому что давление эмоций окружающих, эманации толпы он ощущал все так же, но узнать, что именно вызвало ту или иную эмоцию, прочесть мысли больше не мог. А потом привык. Пришлось научиться смотреть в лица и на жесты людей, чтобы понимать их слова правильно, пришлось слушать их речь, чтобы слышать и понять, пришлось учиться отличать правду от лжи, не прибегая к ментальному сканированию. Пришлось учиться общаться и договариваться, а не давить родовой силой.

Когда с детства можешь заставить других повиноваться, очень сложно осознать, почему ты не должен этого делать. Только отсечение способностей и служба в армии с ее жесткой структурой и необходимостью выполнять даже самые спорные приказы помогли Вею встать на место тех, кому приходилось подчиняться ему, и понять ценность свободы воли. Это было неприятно и болезненно. Но полезно: он наконец-то увидел не только мир вокруг, но и людей во всем их разнообразии, и поэтому признал правоту деда.

И все же все эти несколько лет он непроизвольно тянулся «слушать» окружающих. Так человек, лишенный руки, забывает об этом и раз за разом пробует двигать ею. Вей привычно стремился к сознанию людей, ничего не слышал, и это сводило с ума.

Но после того как наследник научился погружаться в транс, ему стало казаться, что стена, которую поставил дед, истончается.

Теперь до него иногда доносились обрывки чужих мыслеобразов, приглушенные, словно издали. И сейчас Вей сообразил, что припев веселой песенки на рудложском, который глухо и назойливо звучит у него в голове, ему незнаком и никак не может принадлежать его сознанию.

Он потянулся за этим звуком, отстраняясь от всего окружающего. Девчонка вдруг потеряла висок, мотнула головой, поведя лопатками назад, словно ей стало зябко, и Вей поспешно отвернулся. Мало того, что он уже несколько минут стоит и таращится на нее, как

какой-то простолудин, так еще и если выйдет проникнуть в голову, с непривычки может сделать больно. Надо потренироваться, а потом уже аккуратненько посмотреть, кто она.

Вей Ши направился в келью оставить альбом, который так и держал в руках, и обмотать голову, чтобы не напекло распаяющимся к лету солнцем Песков.

В его комнатке было тихо и прохладно. Он любил отдыхать здесь. Толстые белые стены и аскетичность обстановки: циновка, маленький столик, сундук, – дарили покой органам чувств, измученным красками и звуками. Вей задержался на несколько минут, чтобы перевести дыхание, – сел на циновку, откинулся на прохладную стену, закрыл глаза, погружаясь во внутреннюю тишину. Глубоко уходить он не стал – хотя во время долгих медитаций научился бродить по своим воспоминаниям или создавать прекрасные места, где разум, измотанный ежедневным соседством с толпой, мог отдыхать, любуясь невероятной высоты водопадами, тонким мостиком над озером меж двух зеленых гор и другими воплощенными образами, окруженными легким ментальным туманом. Ночами, когда Вей не охотился, он тоже уходил в транс и иногда ощущал мягкое ментальное касание деда или отца – будто Хань Ши или Цэй Ши посещали созданные им лакуны и, не показываясь, тихо наблюдали за наследником. Они хорошо подготовили его в теории, и Вей многое смог освоить на практике.

Открытие умения, которое всем предыдущим Ши давалось так же естественно, как способность дышать, примирило его с собой, научило спасаться от давления окружающих и тем самым помогло спокойнее относиться к ним. И подточило запреты, которые наложил дед.

Вей выдохнул, выходя из своей тишины, и открыл альбом, который лежал у него на коленях. Несколько секунд недоуменно разглядывал разворот с осенним лесом. А затем неожиданно для себя мягко улыбнулся и засмеялся.

Рядом с танцующей девочкой под звуки дудочки, широко расставив когтистые лапы в одной из фигур известного йеллоувиńskiego танца, плясал тигрище в шелковом халате и с таким высокомерным выражением морды, что даже Вею стало кисло. И очень весело, будто он хлебнул молодого вина.

Глава 3

Восьмое апреля, Пески, Тафия

Выйдя во внутренний двор обители, Вей Ши привычно кинул взгляд на вишневое дерево, в корнях которого был зарыт опасный метеорит, проверяя, не пробита ли защита Триединого. Этого не могло случиться, но дед наставлял всегда все проверять. Но нет, энергия вокруг ощущалась спокойной, чистой, возмущаемой лишь посетителями обители, и никакого заворота Вей не почувствовал.

И тут ему в лицо ткнулась тяжелая и плотная волна родственной стихии. Наследник озадаченно и изумленно прислушался – слишком знакомо было ощущение, когда уравнивающая и связывающая все стихия словно волнами втягивается в источник, – а потом развернулся. Мимо него к воротам, куда шли волны и где сейчас стали слышны возбужденные возгласы, поспешили несколько драконов, озабоченно прошагал смуглый и седовласый настоятель Оджи. А за каменной оградой, там, где обычно стояла девчонка Ка-ро-ли-на, шумело множество взволнованных людей.

Снова прошел тело всплеск стихии Разума – волны были то почти неощутимыми, то мощными, сдавливающими виски, – и Вей, очнувшись, побежал к выходу, затем стал протискиваться сквозь толпу.

- Чудеса какие творятся, воистину Триединый велик!
- Невинной девы коснулся благословением своим!
- Пустите меня, я кусочек одежды оторву, пустите!
- И мне дайте!
- Всем отойти! – раздался строгий голос настоятеля. – Девушку не трогать. Иначе отлучу от храма!
- Да и не выйдет потрогать, охрана ее пыталась... лежат вон...
- А это не солнечный удар?
- Какой удар, дурень, когда это от удара в воздухе парили?
- Да вы на глаза ее посмотрите!

Сквозь гомон и болтовню Вей расслышал йеллоувиньскую речь и удвоил усилия, с ожесточением расталкивая собравшихся горожан и беженцев. Наконец-то выскочил на свободное пространство и застыл.

Он не ошибся. Происходящее действительно было ему знакомо. Невероятно было только то, что именно тянул к себе гармонизирующие потоки.

Чуть в стороне от девчонки умиротворенно спали двое охранников, а она сама зависла в полуметре над землей, скрестив ноги и прижав одну руку к виску, а другую к низу живота. Цветастое платье ее почти касалось земли. Глаза были распахнуты, зрачки заметно дрожали. К ней-то и шли стихийные волны, и с каждой волной раздавался звонкий и чистый голос, вещающий на разных языках, обрывающийся на середине фразы и снова начинающий звучать – уже на другом языке. Блакорийский, тидусский, йеллоувиньский, рудложский... она то кричала,

то начинала шептать, и Вей почти застонал от понимания, сколько драгоценных слов сейчас пропадает втуне. А ведь каждое нужно ловить, записывать, чтобы сохранить для потомков.

Он вспомнил, почему так знакомы были ему дрожащие зрачки. Ровно так выглядела и вела себя тетушка Юнлинь, когда впадала в пророческий транс. Ровно так изображали провидиц на старых свитках. Их всего-то родилось семнадцать за всю историю – тех, кому не нужно было, как мужчинам из семьи Ши, почти месяц поститься и молиться, употреблять специальные настойки, чтобы вызвать видения (и то это не всегда получалось). Дед говорил, что даже богам не дано знать будущее, дано только предполагать, а вот среди людей иногда появляются единицы, умеющие прозревать. И если добиться видений могли только мужчины-Желтые старшей крови, то девочки-тамиянь появлялись не только в семье Ши – провидица могла родиться в любой семье, где присутствовала хоть капля крови первопредка.

Тамиянь берегли пуще всех сокровищ империи. Их обучали справляться с даром, селили в павильонах императорского дворца, среди покоя и гармонии, чтобы дар не расходовался по пустякам, и обучение занимало многие годы, прежде чем провидицы могли выйти обратно в мир и не сорваться в очередной приступ. Иначе была опасность сгореть, не выбравшись из транса.

И эта девочка тоже сгорит, если ей не помочь.

Настоятель Оджи строго оглядел прибывающий народ и тихо, но так, что слышали все, попросил:

– Разойдитесь.

И – чудо: толпа безо всякого ментального принуждения начала рассасываться. Только драконы продолжали будить спящих охранников.

Тидусс заметил оставшегося на месте Вея, чуть заметно кивнул.

– Послушник Вей Ши. Знаешь, что делать?

– В теории – да, – честно признался наследник, прикрывая глаза от очередной стихийной волны.

– Тогда сначала попробую я. – Настоятель приложил пальцы к виску девчонки, закрыл глаза и зашевелил губами в молитве. Сейчас он, наверное, единственный, кроме Вея, мог коснуться провидицы в трансе и не заснуть.

Гостья Мастера вдруг тяжело вздохнула и затараторила потидусски:

– Смерти смерть, тысячи лет, ворон в клетке, покоя нет, мир сиротой, если выйдет, придет с войной, закончить войну, но умирает, нет сил одному, двое идут, и вы придите на могилу к нему, поклонитесь, дети духов, дети нищей земли, помолитесь, дайте сил, пусть...

Она захлебнулась словами, закашлялась, заговорила по-инляндски, описывая тьму чудовищ, и чудовищ сверх них, и змей, ползущих с востока на запад. Рука настоятеля дрожала, и он отступил на шаг назад, опустил ее. Покачал головой.

– Тяжело. Глубоко ушла.

– Я попробую, – проговорил Вей Ши. – Сейчас...

Он вжал большой палец в центр лба девчонки – глаза с дрожащими зрачками смотрели прямо на него. Обхватил второй рукой шею, сжимая пальцами две точки под затылочной костью, с обеих сторон позвоночника...

...и провалился в Пьентан, полный трупов и крови. На улицах прекраснейшего города мира не осталось живых. Вей в ужасе повернулся в сторону императорского дворца – тот горел, и столб черного дыма поднимался к тихим небоскреbam, связанным тонкими ажурными мостиками, стелился над прекрасными каналами. За его спиной раздался звук шагов, и он снова развернулся.

Светловолосая кудрявая девочка, которую он столько раз рисовал, шагала мимо как механическая кукла – одета она была в то же цветастое платье, что и у храма в Тафии, глаза ее были широко раскрыты, по лицу текли слезы.

– Эй, – позвал он тихо.

Она посмотрела сквозь него, всхлипнула, помотала головой.

– Девочка! – уже громче сказал он. – Я здесь!

– Я вижу, – жалобно проговорила она, снова огляделась и передернула плечами. – Но ты мне все равно не поможешь. Ты мне кажешься. Или снишься.

– Почему? – недоуменно спросил Вей.

– Потому что говорящих тигров не бывает, – объяснила девчонка, вытирая лицо. – И это же кошмар, да?

Вей Ши осторожно опустил голову и увидел свои красноватые лапы.

– Я не тигр, – буркнул он. – Я кажусь тебе тигром. И это не кошмар. Ты не спишь, ты в трансе и нужно сроч...

Девчонка, забыв плакать, все это время неверяще всматривалась в него. Подошла ближе – они оказались одного роста, только гостя Мастера стояла на двух ногах, а Вей на четырех лапах.

– Слу-у-ушай, ты говоришь так же занудно, как один послушник, – с подозрением протянула Каролина. – Его зовут Вей Ши. Не знаешь его? Такой высокомерный, слова цедит прямо как ты... вот прямо-пря-а-амо как ты... рисует, правда, хорошо. Смешной такой. И плечи у него...

– Я и есть Вей Ши, – поспешно рыкнул тигр, прерывая ее бесконечную болтовню. В конце улицы показались чудовища, похожие на огромных то ли богомол, то ли муравьев. Таких много раз описывали беженцы. На хитиновых спинах сидели всадники. – И нужно быстрее...

– Ты настоящий? – снова перебила она. – Не кажешься мне?

– Ты можешь минуту помолчать и послушать? – рявкнул он, глядя поверх ее плеча. – Боги, ты даже в видениях трещишь как сорока!

– Настоящий, – обрадовалась гостя Мастера. – А почему ты тигр?

Вей зарычал.

– Ты меня так видишь!

– И правда. – Она улыбнулась и неуверенно спросила: – Можно я тебя обниму? Я так рада, что больше не одна!

– Нет!

– Ну немно-о-ожечко, – заканючила она, подбираясь мелкими шажками, и все же обхватила его за шею. Вей уже собирался раздраженно отмахнуться, когда вдруг ощутил, как дрожит ее маленькое тело. Девочка была напугана, и хотя эмоции здесь теряли яркость и остроту – но кто знает, чего она успела насмотреться до того, как он проник в ее видения.

Наследник поколебался и неохотно похлопал лапой по ее спине, не переставая отслеживать перемещения чудовищ в конце улицы. Им они не опасны, но если девочка испугается, станет хуже.

– Только не кричи сейчас, – проговорил он снисходительно в кудрявую макушку. – И не бойся. Обернись.

Она повернула голову и крепче вцепилась в его шкуру. Чудовища немного приблизились – они волновались, дергаясь к трупам; стали слышны окрики всадников.

– Не надо бояться, – повторил наследник. – Это видения, понимаешь? Ты в трансе, это порождения твоего сознания. Они не заденут и не увидят тебя... Все окружающее нереально. Оно пока еще не случилось. И вреда тебе никто не причинит, если только не поверишь, что все происходит на самом деле. Сейчас подождем, пока они пройдут, чтобы тебя ничто не отвлекало, и попробуешь выйти из транса.

– А как? – пробормотала тихо девчонка. Дрожать она перестала.

– Надо закрыть глаза и сосредоточиться на ментальном центре. – Вей отодвинул ее от себя лапой и аккуратно коснулся когтем центра лба, над переносицей. – И вспомнить последнее, что ты видела перед погружением.

– Понятно. – Юная провидица снова покосилась на подбирающихся инсектоидов. – Хотела бы я знать, почему их вижу.

– Твой мозг улавливает образы будущего и создает псевдореальность: видения, сны, картинки. – Вей вспоминал все, что рассказывал дед. – А если видение очень мощное, возникает потребность его выразить, изобразить или рассказать, обычно структурируя рифмой. Поэтому большинство предсказаний делается в стихах.

– Картинки я постоянно вижу, – грустно поделилась Каролина. – Такие яркие. Их невозможно забыть, и голова от них болит, пока не нарисуешь. Но чтобы вот так... никогда не бывало. Почему сейчас это случилось?

– Это зависит от многих факторов, – пожал плечами наследник. – Даже от фаз луны может зависеть. От влияния сильного Желтого... – Вей запнулся, осознав, что как раз перед тем, как гостя Мастера впала в транс, он пытался прощупать ее ментально. – От нахождения в месте сосредоточения стихии, – замедленно продолжил он. – От эмоционального состояния. Постой. В тебе, выходит, есть желтая кровь?

– Конечно. – Она взглянула на него с таким недоумением, будто это самая очевидная вещь на свете. – Прабабушка по отцу из Желтых. Род Юнóти. Папа же говорил тебе. Как раз тогда, когда ты разбил мой фотоаппарат! – с упреком напомнила девчонка.

Вей поморщился, раздраженно стукнул по асфальту хвостом.

– Он говорил, что навещал земли рода в провинции Юноти. Я думал, вы из простолюдинов.

Девчонка почему-то посмотрела на него как на идиота. И захихикала, не забывая осторожно коситься по сторонам.

– Ты шутишь, да? Весь дворец знает, кто я!

– Я ни с кем не общался. Прости, что был груб с тобой, благородная Ка-ро-ли-на, – торжественно сказал Вей Ши, выпрямляясь и не обращая больше внимания на ее неподобающее поведение. В конце концов, ее воспитание – дело ее отца. – Род Юноти уважаемый и такой же древний, как императорский, ведет свою историю от сына первопредка Ши. Я ошибся. Ты заслуживаешь защиты и уважения.

Девочка Юноти хмурилась все сильнее.

– А если бы я была из простолюдинов, то по-прежнему не заслуживала бы? – вдруг тихо и зло спросила она. – Можно было бы презирать? А если бы была родовитее тебя, принцессой, например, то должна была бы презирать тебя, да?

Наследник усмехнулся. После того как стало понятно, что она часть его народа, одной с ним крови, пусть и разбавленной, и живущая на чужбине, он не мог уже сердиться.

– Для принцессы у тебя слишком много воли, – объяснил Вей. – И плохие манеры.

– Будто у тебя хорошие, – пробурчала девчонка.

– Кстати, почему здесь ты выглядишь иначе? – продолжил он, не обращая внимания на ее слова.

– Теперь я кажусь тебе красивой, да? – фыркнула гостя Мастера и гордо встряхнула кудрявыми светлыми волосами. Выглядело это по-детски забавно: ребенок взялся манерни-

чать. – Я еще не видела себя, только волосы, поэтому поняла, что вернулась моя внешность. Я наверняка красивая. У нас в семье все красивые. Потому что мама такой была, – грустно закончила она.

– Там ты черная и грубая, а здесь тонкая и белая, – терпеливо сказал Вей. – И глаза голубые. В тебе есть и красная кровь? Очень характерные черты. Я бы никогда не решил, что ты простой крови, если бы увидел тебя в этом облике. Зачем тебе его поменяли?

Девчонка презрительно сморщила нос.

– Это секрет. И вообще, какая разница, как я выгляжу? Я – это всего лишь я. Не надо притворяться, что я тебе нравлюсь. Раньше ты хотя бы честным был. А теперь я не буду знать, что ты думаешь на самом деле.

– Я по-прежнему думаю, что ты слишком много болтаешь, – отозвался Вей, раздраженно прикрывая глаза лапой. – Но теперь я готов это терпеть. Ты вырастешь, и, если отец не воспитает тебя, это сделает муж.

Каролина задрала нос и вдруг, ойкнув, снова обхватила наследника руками, закрыв глаза. Мимо них шагнул первый инсектоид, за ним последовали другие.

– Я видела уже таких, – пробормотала тихо девчонка, пряча лицо в его шкуре и подглядывая оттуда. – Только в другом месте... там какая-то крепость, и стена, и ров... И змеи на берегу моря, знаешь сколько? Испугалась и оказалась здесь. А потом сразу появился ты.

Чудовища, щелкая жвалами, проходили мимо, и видение было таким плотным, что Вей даже почувствовал запах муравьиной кислоты. Дар у гостя Мастера оказался очень сильным. Одно из чудовищ двигалось прямо на них. Девчонка напряглась.

– Ничего не будет, – пообещал Вей Ши. – Смотри.

За пару шагов до них инсектоид потек белесым туманом, расплылся, собираясь уже с другой стороны, позади Вея. И все бы ничего, но охонг, шагающий рядом, дернулся к лежащему неподалеку, у разбитой витрины, телу пожилого пьентанца – видимо, владельца магазина, – получил окрик от всадника и оглушительно заверещал.

Гостья Мастера испуганно вздрогнула.

– Стой, стой! – рыкнул Вей Ши, но было уже поздно. Разрушенный Пьентан вокруг вдруг потек смазанными следами, как и чудовища за спиной девчонки, растворился, а из сероватого ментального тумана начали проступать гигантские фигуры, сражающиеся в небесах.

Вей открыл пасть от восхищения, вцепился когтями в исчезающий асфальт – но его мягко толкнуло в грудь и выбросило на склон холма перед обителью Триединого в Тафии.

– ...Слепец великий, равный богам, – шептала на языке Песков маленькая провидица, зависшая над землей. Темноволосая, с ввалившимися щеками и пересохшими губами. – Семя убитого знак тебе даст...

– Не удалось, послушник Вей? – раздался голос настоятеля. – Девочка сгорает на глазах.

Отец Оджи стоял на том же месте – обеспокоенный, седовласый. Чуть поодаль на носилках уносили к обители охранников, видны были уходящие зеваки. Времени, похоже, прошло совсем немного.

– Глубже ушла, – коротко объяснил Вей Ши. – Сейчас попробую закрыться от погружения и закончить вывод.

Он выдохнул, мысленно опуская барьер между собой и провидицей, и снова вжал подушечку большого пальца в центр ее лба, покрутил, потянулся второй рукой к ее затылку. Тело девочки заметно расслабилось – верный знак, что сейчас очнется.

– Старый тигр, белые кости, слава тебе в смерти и посмертии, – запела-заговорила на йеллоувиньском юная тамиянь, глядя на него незрячими глазами с дрожащими зрачками. – Враг ли тебя сокрушит, ты ли его сокрушишь, смерти врата откроешь, смертью оплатишь...

«...один уйдешь, в грязь падешь», – закончил за нее мысленно Вей Ши и, вместо того чтобы вывести ее, снял барьер.

Девочка Юноти стояла в гуще боя, зажмурившись и закрыв лицо руками. Вокруг нее в грязи, в которую превратилось заливаемое дождем поле, йеллоувинские солдаты врукопашную сражались со странными бойцами, полностью закованными в черную броню. Слышались выстрелы, грохот артиллерийских орудий, где-то поблизости визжали инсектоиды, но видимость из-за плотного дождя и ментального тумана была очень плохой. Силуэты людей то и дело смазывались, подергивались, будто вот-вот девчонка должна была провалиться в новое видение.

Вей бросился к ней – бойцы, сквозь которых он пробежал, расплывались сероватым маревом, – и тут за спиной его раздался гулкий и протяжный звук горна. Наследник обернулся.

Пространство за ним опустело, только ливень шумно бил по вязкой и блестящей черной грязи. Сражающиеся расступались, повинаясь неведомой силе, а на освободившееся поле ступил с одной стороны огромный, сияющий золотистой дымкой тигр, а с другой – инсектоид, которым управлял страшный старик в доспехах.

Наступила оглушающая тишина. Маленькая провидица позади Вея жалобно позвала его, но он не повернулся. Старик-иномирязин что-то насмешливо и гулко крикнул на рудложском, – Вей так ошарашен был, что не сразу расслышал:

– Хорошая шкура мне на трон!

Тигр высокомерно рыкнул, поднимаясь на задние лапы, – и встал уже великим императором Йеллоувиня, невозмутимым Хань Ши, кутающим тонкие руки в широкие рукава шелкового золотого халата. На него с двух сторон толпой бросились те самые странные бойцы в черных доспехах, но император повел дланью – и они на бегу стали падать на землю, корчась и хватаясь за головы.

У Вея шумело в ушах. Он, забыв о девчонке, наблюдал, ощущал ментальное сражение чудовищной силы, от которого по жидкой грязи шли круги, как от брошенных в озеро камней. Старик в доспехах оказался менталистом не меньшей мощи, чем дед.

Пространство перед Веем внезапно подернулось зыбью, смазлось.

– Нет, нет! – умоляюще крикнул он.

Снова проявилось – двое противников молча смотрели друг на друга, вытянув руки ладонями вперед, у обоих из носов, ртов и ушей текла кровь. Они были бледны, белки глаз оказались красными, в полопавшихся сосудах. Стояла тишина – словно весь мир замер, наблюдая за сражением.

– Вей!!! – испуганно позвала юная провидица.

Пространство снова дернулось – дед лежал ничком под ливнем, раскинув руки, и золото шелковых одежд сияло на жирной грязи, и красная кровь, смешанная с дождевой водой, текла по белому лицу и седым волосам. Что-то прошипел едва держащийся на ногах старик в доспехах – и к павшему императору по полю, как страшные насекомые, поползли безмолвные черные бойцы.

– Вей Ши!

Он развернулся. Девчонка таяла, накатывал на нее со всех сторон ментальный туман – и не успел он сделать и шага к ней, как его снова выбросило на склон к обители Триединого.

Каролина больше не висела в воздухе – она лежала на траве и молчала, расслабленная, с безвольно раскинутыми руками. Глаза ее были закрыты, дыхание – тяжелым, лоб покрылся испариной. Вей, не теряя времени, снова принялся прожимать ей ментальные точки, блокировать каналы восприятия стихии Разума, но ничего не выходило. Слишком глубоко ушла.

И он был в этом тоже виноват – ведь если бы не пошел за ней во второй раз, чтобы узнать судьбу деда, мог бы вытащить.

– Горит, – проговорил настоятель тревожно. – Слишком много сил потратила. Я влил в нее столько виты, сколько смогла взять ее аура, послушник Вей, но если не вывести ее из транса, она проживет максимум трое суток.

– Меньше, – тихо поправил его наследник. – Тамиянь при глубоком погружении сгорают до захода солнца. – Он глубоко вздохнул и признал: – У меня не выходит... я могу только замедлить ее погружение, а не остановить его. Если заблокировать точки, она продержится дольше, но это не спасет. И я знаю, кто может помочь... Правда, они оба далеко. В Пьентане.

– Разве кто-то успеет в Пьентан до захода солнца? – с сомнением поинтересовался настоятель.

– Да, – сказал Вей Ши и посмотрел в сторону – туда, где на одном из холмов поднимались среди цветущих садов купола дворца Владыки.

* * *

Владыка Четерии по-прежнему пребывал в превосходном настроении: сначала его одарила важнейшим предсказанием младшая Рудлог, затем порадовал наказанный ученик, не только не растерявший навыки за время послушничества, но даже прибавивший в скорости и чувстве ритма. И дела все решались на диво быстро, и новости о торговцах, желающих работать в Тафии, радовали, и обед был превосходным. Да и день, который обещал быть жарким, вдруг подарил легкие облака и ветерок, проникающий в помещения и остужающий тела. Сейчас он как раз освежал разгоряченных любовников – с полчаса назад Светлана, забавная и безумно женственная в ярко-синем платье с цветочным орнаментом, какие носили женщины Песков, заглянула к Чету в кабинет и замялась, едва заметно краснея и покусывая губу.

– Не говори ни слова, женщина, – обрадованно приказал он, отрываясь от опостылевших бумаг и поднимаясь ей навстречу.

Она и не сказала, только засмеялась – и после Чет, откинувшись на спинку софы и расслабленно придерживая за бедра супругу, которая тяжело дышала ему в плечо, усмехнулся и подумал: наверняка что-то случится, потому что не может быть все так хорошо и мирно.

И верно: пока он одевался, а обнаженная и довольная Света жадно пила воду из кувшина, радуя супружеский глаз, раздался шум драконьих крыльев. Кто-то из соплеменников опускаясь во внутренний двор у фонтана. Четери, проходя к окну, мимоходом погладил Светлану по влажной спине и потяжелевшим ягодицам, довольно хохотнул, да так и выглянул наружу, улыбаясь.

И тут же посерьезнел.

– Что там? – тревожно позвала жена, чутко уловившая смену его настроения.

– Нужна моя помощь, – коротко отозвался Чет. – Света, оденешься, прикажи разыскать Святослава Федоровича. Что-то неладное с его дочерью.

Он привычно выпрыгнул со второго этажа во внутренний двор, и Света, завязав под грудью тонкий пояс платья, тоже подошла к окну и выглянула из него.

Чет уже подходил к огромному белоснежному дракону, с крыла которого упрямый и высокомерный ученик Вей Ши с растерянным лицом спускал на руках Каролину Рудлог, которая то ли была без сознания, то ли спала. Светлана пригляделась и, обеспокоенно хмурясь, поспешила к выходу, чтобы дать нужные указания.

Ученик вид имел одновременно упрямый и виноватый, но принцессу на руках держал крепко и появление учителя встретил не дрогнув. Положил свою ношу на скамью, с достоинством поклонился.

Аура младшей Рудлог пульсировала лотосообразным сплетением Огня и Разума, а сияющий фиолетово-желтым цветок самого Вей Ши был раскрыт и крепок – Четери отметил это с удовлетворением. Юный тигр вступал на путь зрелости.

– Мастер, – ученик расправил плечи, и лицо его снова стало спокойным, – прости, что вернулся сюда, не выполнив твое условие. Я уйду обратно, но прежде нужно отнести эту девочку в Пьентан. К моему деду, – добавил он тише, оглянувшись на дракона, который принес их сюда. Тот приглушенно вопросительно рыкнул.

– Благодарю, Верй, – отозвался Владыка, – я позабочусь о моей гостье, а юный Ши расскажет мне все. Можешь лететь.

– Спасибо за помощь, благородный Вери, – твердо и слегка высокомерно вторил ему Вей Ши. – Я забыл попросить настоятеля Оджи отправить кого-то вместо меня навестить феби Амфата. Прошу, – это он выдавил с трудом, – передай настоятелю мою просьбу.

Дракон качнул огромной башкой и, хлопнув крыльями, поднялся в небеса.

Чет, все это время державший над Каролиной руки, нахмурился.

– Что с ней? – спросил он недоуменно. – Ее вита сгорает, как при непосильном колдовстве, но она не колдует сейчас.

– Мастер, ты – и не понимаешь? – Вей Ши взглянул на него с таким недоверчивым изумлением, что дракон усмехнулся.

– Мои знания ничтожны по сравнению с тем, чего я не знаю, юный Вей. Я вижу усиление стихии Разума в ее ауре, но не знаю, в чем причина этого состояния. Пока мы ждем отца моей гостьи, расскажи мне, что это значит. Несколько минут у нас есть. Я же, прежде чем лететь, добавлю ей виты, чтобы не допустить истощения.

Четери, положив руку на солнечное сплетение девочки, дрожащей и горячей, как камень в летний зной, вливал ей жизненную энергию и слушал наследника, удивленно покачивая головой, – тот по-военному кратко, что было особенно мило дракону сердцу, за пару минут рассказал все, что произошло. Ближе к концу, когда Вей нехотя признался, что услышал предсказание про своего деда и поэтому не закончил блокировку, решив посмотреть, что видит девочка, а потом уже засмотрелся на видения и не вытащил ее вовремя, раздался скрип дверей, выходящих во внутренний двор, и послышались быстрые шаги. К ним по лазурной плитке двора приближался Святослав Федорович; лицо его было бледным. За ним плавно двигалась Светлана, в руках она держала кувшин, накрытый лепешками. Чет мягко улыбнулся ей: его женщина всегда понимала, когда и кого нужно накормить. Вот и сейчас, пока отец маленькой провидицы тревожно гладил ее по голове и звал «Каролина, Каролина», Света протянула нехитрое угощение ученику.

– Это молоко и лепешки, – сказала она с заметной жалостливостью в голосе. – Бери, поешь.

– Я не голоден, – буркнул гордец.

Чет, не отнимая рук от солнечного сплетения Каролины, за происходящим наблюдал с любопытством, не вмешиваясь. Света не стала уговаривать, прижала кувшин к выпирающему животу, вздохнула, разворачиваясь, чтобы поставить на бортик фонтана. Сама тяжело села рядом.

Прямой как палка Вей задира голову все выше, но взгляд его то и дело обращался к кувшину и лепешкам. Потом он хмуро и голодно покосился на Мастера – и Чет сжался над глупым мальчишкой.

– У нас говорят, что не принять угощение из рук женщины в тягости – значит оскорбить Великую Мать, – сказал он с намеком и отвернулся, чтобы посмотреть состояние девочки после вливания виты. Маленькая Рудлог перестала дрожать и больше не полыхала жаром. Но Чет видел, что это ненадолго: жизненной энергии она сейчас потребляла больше, чем было у нее, и, не будь поддержки, уже бы сгорела.

– Я с благодарностью приму пищу из твоих рук, почитаемая жена Мастера, – услышал он глухой голос ученика и усмехнулся, хотя говорил тот с таким трудом, будто одновременно себе пальцы ломал.

Святослав Федорович, опустившись рядом с дочерью на колени, держал ее за руку, наблюдая за действиями Чета и не мешая ему. Когда дракон отодвинулся, с тревогой погладил ее по щеке, по голове и неуклюже, придерживая культией, прижал к себе.

– Владыка, что с ней случилось? – Он перевел взгляд на пьющего молоко Вея и сразу нахмурился.

– Он не виноват на сей раз, – мирно проговорил Четери. – Он просто принес девочку сюда.

– На самом деле я виноват, Мастер. – Вей Ши отставил кувшин и снова задрал подбородок. Но губы кривились – переживал. – Я же рассказал тебе. Я пытался прощупать ее... понять, кто она. И спровоцировал прорыв дара. А потом предпочел увидеть то, что видит она, а не вытащить ее.

Святослав Федорович внимательно и задумчиво посмотрел на него, и ученик угрюмо отвернулся.

Чет недовольно, но спокойно покачал головой.

– Я мало встречал людей, которые смогли бы отказаться узнать судьбу родного человека ради неродного. Ты к ним не относишься. Как видно, не относишься и к тем, кто может смирить любопытство и не использовать ради него способности, данные богами.

В его словах не было упрека, но Вей сжимал губы и бледнел.

– Я еще научу тебя, что владеть оружием – это значит большую часть времени держать его в ножнах, – продолжил Мастер беззлобно. – Но в том, что у девочки проснулся дар, ты по-прежнему не виноват. Он у нее уже был, и я, как и ее отец, об этом знал. Я не видел такого ранее, но понимаю, что это рано или поздно все равно произошло бы.

Каролина глубоко вздохнула, губы ее зашевелились – но она не издала ни звука.

– Благородный Святослав Федорович, – сдержанно позвал наследник, – позвольте мне помочь ей. Нужно снова блокировать ментальные точки. Иначе она опять начнет вещать и сгорит очень быстро.

– Хорошо. – Святослав аккуратно уложил дочь обратно, тяжело поднялся. – Владыка, у меня просьба к тебе. Нужно как-то сообщить об этом Нории и Ангелине.

Вей, уже склонившийся над маленькой провидицей, с удивлением покосился на ее отца, но ничего не сказал. Чет усмехнулся – наследника ждало серьезное открытие.

– Я сейчас пошлю зов Нории, – сказал он Святославу Федоровичу. – Нам нужно лететь в Йеллоувинь, там девочке помогут. Послушник Вей расскажет тебе все по пути, а Ангелина с Нории, думаю, сразу вылетят за нами.

Восьмое апреля, Истаил

Ангелина

«...Марина, к тебе в Дармонишир вылетают шесть драконов, в том числе и Энтери, брат Нории, с женой. Я знаю, что ты окажешь им надлежащий прием, и надеюсь, что они облегчат ваше положение.

Спасибо за остроумную идею общаться с помощью огнедухов. Следующими, кому я напишу письма, будут Полина и Мариан. Ты очень помогла мне, потому что без связи я была как без рук.

Пожалуйста, милая, береги себя. Никак мне не верится, что скоро ты станешь мамой, а теперь, оказывается, и двоих детей. Это удивительно, правда? Я так счастлива за тебя! Но ты же понимаешь, что теперь ответственна и за них? Мне очень тяжело думать о том,

что ты в твоём положении вынуждена вкалывать иглы, и я очень бы хотела снять с тебя эту ношу. Хорошо, что осталась всего одна, это немного успокаивает мою совесть и тревогу за тебя и Полли.

Я знаю, что опять пытаюсь воспитывать тебя, прости мне это, Марина. Это от большой любви к тебе. Ты, конечно, не сможешь сидеть без дела, но вдруг теперь, когда в госпитале будет достаточно виталистов, у тебя получится больше отдыхать... И я очень хочу посмотреть на тебя в роли матери и, признаться, на Лукаса в роли отца...»

Скрипнула дверь – в кабинет зашел Нории. Ани, не дописав, поднялась; сердце кольнуло тревогой.

Они вылетели в Йеллоувинь через минуту, вслед за Четом и Святославом Федоровичем. Неотправленное письмо к Марине так и осталось лежать на столе.

Глава 4

Восьмое апреля, Йеллоувинь, Пьентан

На Туре вступал в свою силу сезон Желтого Ученого, и вотчина его Йеллоувинь цвела от северной тундры до южных тропических лесов. А столица, Пьентан, в апреле набиралась такого великолепия, что со всех стран приезжали сюда люди посмотреть на нее. Цвели яблони и вишни, горьковатой нежностью пах жасмин; ажурные мостики, соединяющие величественные серые небоскребы, оплетала покрытая белыми звездочками зеленая лоза. Деревья, окутанные дымкой, медленно роняли лепестки в каналы, окрашивая их в белый, розовый, красный и голубоватый, и по цветной глади под округлыми мостами неслышно скользили черные лодки; лодочники в широких соломенных шляпах работали веслами и перекрикивались тонкими голосами.

И в этот раз огромный город, со своими небоскребами похожий на цветущий сад камней, полон был величия, красоты и покоя. Но дыхание войны ощущалось и здесь – на улицах виделось в десятки раз меньше людей, чем обычно в сезон Желтого.

Четери, как и прежде, восхищенно и быстро скользил меж небоскребов, уже видя вдалеке цветные полотна императорских садов. А Вей Ши крепко удерживал в руках горячую девчонку, которой несколько раз в течение пути пришлось блокировать ментальные точки. Сейчас он смотрел на Пьентан, и губы его были сжаты в тонкую линию. Потому что это был его город, место, полное родственной силы, и он ласкал взор наследника, раскрывался ему, вызывая щемление в груди и горле.

Он в начале полета кратко и не вдаваясь в лишние подробности рассказал о том, что случилось с Каролиной, ее отцу, и тот, крепко держась за красный шип драконьего гребня, то и дело косился назад: то на дочь, то на Вея.

– Понятно, – сказал Святослав Федорович сдержанно, когда Вей Ши закончил. – Но у Каролины стоит... барьер от ментального сканирования. Барьер, поставленный одним из сильнейших магов Туры. Как ты смог проникнуть сквозь него?

Вей Ши недоуменно посмотрел на девчонку и аккуратно, привычно уже, продавил ей ментальные точки, снова блокируя ее погружение.

– Я не сумел, – сказал он наконец. – Я попытался, но не сумел. – Помолчал и неохотно добавил: – Слышал только какие-то отголоски мыслей, но я слышал их и до того, как попробовал заглянуть в нее. Если этот барьер и стоял, то он был очень слабым.

– Значит, действие амулета заканчивается, – задумчиво и непонятно проговорил Святослав Федорович. – Выходит, у тебя сильные ментальные способности, молодой Ши?

Сейчас наследник не ответил, потому что вопрос на самом деле был другим: «Кто ты такой, молодой Ши?» Он же не спрашивал, кем приходится шумной и тонко чувствующей красоте девчонке Владычица Ангелина. Не спрашивал, потому что и сам догадывался, и ему было не по себе от очевидного вывода.

Отец девчонки не ждал ответа. Он снова повернулся к ним, с тревогой посмотрел на укутанную в одеяло Каролину и покачал головой.

– Кто бы ты ни был, – проговорил он твердо, – ты должен понимать, что лезть другому человеку в голову неэтично. Тем более ребенку. Даже если бы ты не спровоцировал приступ – этого делать было нельзя. Да, куда важнее то, что ты помогаешь спасти ее, и я не потребую с тебя взыскания. Но представь, что кто-то мог бы забраться в голову тебе и узнать твои тайны, даже те, которые ты никому бы не желал раскрывать.

ПЪЕНТАН

Вей Ши не отвернулся и не опустил взгляд, и подбородок его был поднят так же высоко, но скулы и уши медленно начинали гореть от гнева и стыда. Он никогда не стал бы оправды-

ваться и не терпел поучений ни от кого, кроме как от Мастера и деда с отцом. Но и прятаться было не в его характере.

– Я признаю свою ответственность, – сказал он высокомерно. – Я отдам благородной Каролине этот долг.

– Дело же не в долге, – укоризненно вздохнул Святослав Федорович, отступая.

Вей Ши не ответил. Остаток пути они провели в молчании.

Император Хань Ши слушал доклады военных советников, когда бесшумно отъехала в сторону тонкая дверь, а в проеме показался осанистый седовласый секретарь, почтительно опустивший голову. Докладчик замолчал.

– Говори, Ли Мян, – повелел Хань Ши мягко. – Я знаю, что у нас гости. – Он легко повел головой, прикрыв глаза. – Владыка Четерии... его ученик и цветок редчайшей красоты, которого не бывало никогда. Они двигаются сюда.

– Да, светлый император, – тихо проговорил секретарь. – Помимо Владыки и его ученика прибыли Святослав Федорович Волков – бывший принц-консорт Рудлога – и младшая принцесса дома Рудлог. Девочка без сознания, ее несет на руках ученик... – Голос стал еще тише, но лицо императора не дрогнуло. – Владыке предлагали отдых и почести, достойные его статуса, но он сказал, что ищет твоей помощи и ждать не может...

Хань Ши погладил седую бороду, изящным жестом сложил ладони в рукава розоватого шелкового халата и невозмутимо, певуче поинтересовался:

– Далеко наши гости? – Он снова прикрыл глаза и сам ответил: – Минут пятнадцать ходьбы.

– Да, господин мой. – Секретарь выпрямился: повелитель не был недоволен из-за того, что совещание прервали.

– Ты правильно сделал, что сказал мне, – так же мягко проговорил Хань Ши. – Проводите Владыку и его спутников сюда. А мы пока дослушаем доклад. Продолжайте, генерал Шен. У вас есть пятнадцать минут.

Четери взошел по ступеням изумрудного павильона с черной покатою крышей и дверями, расписанными золотыми тиграми, и остановился. По обеим сторонам крыльца уже стояла почетная стража, щелкнувшая каблуками и поднявшая клинки при приближении гостей. А у дверей в окружении других царедворцев ждал старый знакомец Владыки Винь Ло, который сопровождал его в первый прилет к Хань Ши. Сановник вид имел горделивый и приветливый, несколько раз кланялся с того момента, как гости вышли из цветущего парка, и готовился разразиться приветственной речью, держа в руках огромную чашу со свежей кровью. Но не успел.

– Ну здравствуй, – обрадованно сказал дракон, с наслаждением потянул носом воздух и без лишних слов взял подношение. – Ты меня с прошлого раза, что ли, ждешь?

Винь Ло с готовностью тонко засмеялся над этой нехитрой шуткой. Говорить с гостем, пока он шумно и жадно глотает кровь, было невежливо, и сановник легко поклонился Святославу Федоровичу, а затем, поколебавшись и гораздо ниже, – босому, одетому в затертые светлые полотняные штаны и сорочку ученику Владыки, который держал на руках черноволосую девочку.

– Господин Волков, достойный ученик Ши, – проговорил Винь Ло, и на последнем имени тон его стал очень осторожным, – приветствую вас в благословенном Пьентане. Позвольте предложить вам с дороги воды и прекрасного вина. – Он повел головой в сторону царедворцев, держащих подносы с угощением.

Ученик промолчал, а Святослав Федорович учтиво откликнулся:

– Благодарю, не нужно. Мы взяли с собой воду.

Мастер допил, отдал чашу – радужки глаз его были окрашены в вишневый.

– Хорошо, – рыкнул он.

– Счастлив услужить вам, Владыка, – торжественно запел царедворец, и быть бы наконец речи минут на двадцать, но Четери нетерпеливо махнул рукой. Глаза его постепенно возвращали привычный зеленый цвет, и голос больше не отдавал рычанием.

– Да-да, и я счастлив и все такое. Проведи нас к императору, Винь Ло. Потом мне расскажешь, как ты рад и как меня уважаешь.

Сановник с несчастным видом оглянулся на дверь, и тут она распахнулась. В дверях стоял седовласый йеллоувинец с лицом спокойным и внимательным. Он оглядел гостей, на мгновение задержав взгляд на прямом, как струна, Вей Ши.

– Мой господин ждет вас, – сказал он тихо. – Прошу.

Император сидел на коленях на циновке в пустом кабинете и осторожно касался бледными губами фарфоровой чашки с чаем. Запястья его в широких рукавах халата казались птичьими тонкими. Он поднял глаза на вошедших, кивнул в ответ на поклоны – да так величественно, что показалось, будто он выше всех в помещении, – и с улыбкой посмотрел на бессознательную Каролину.

– Огненная тамиянь, – проговорил он певуче. – Девочка с только что проснувшимся даром. Красный дом горазд удивлять мир... Как счастлив я, что могу лицезреть этот прекрасный цветок. Положи ее сюда, ученик Мастера Вей.

– Ты поможешь ей, светлый император? – приглушенно и уважительно поинтересовался Четери, наблюдая, как Вей Ши молча кладет младшую Рудлог у колен деда.

– Конечно, – откликнулся Хань Ши, коснувшись виска Каролины.

– Сюда через несколько часов придут Ангелина с Нории, – добавил Четери.

– Я понимаю, – проговорил император. – Присаживайтесь. Нужно подождать.

Он прикрыл глаза – и в кабинете воцарилась тишина. Все опустились на пол. Четери умиротворенно посмотрел на правителя Йеллоувиня, перевел взгляд на Вей Ши, который, скрестив ноги, положил руки на колени ладонями вверх и тоже смежил веки. Отец Каролины рядом размеренно и ровно дышал – видать, тоже знал об особенностях Желтых и о том, что им лучше не мешать лишними эмоциями. От двух Ши шли волны покоя. Шуршал ветерок в прорезях окон, позвякивали трубочки музыки ветра, потрескивали маленькие огненные шары под потолком, бесконечно переливалась по лопастям крошечной мельницы вода в резной деревянной чаше, стоящей в углу... тишина стала такой комфортной, что Чет едва не зевнул, но сдержался и упорно стал разглядывать мельницу.

Каролина

Каролина еще с десятков раз проваливалась сквозь видения. То видела она рыдающую Алину – такой, какой стала сестра после возвращения своей внешности, но с призрачными черными крыльями, – то Марину, обвитую двумя полупрозрачными огромными змеями, то себя саму, взрослую, играющую на флейте на берегу какого-то пруда. Время от времени начинала ныть точка посреди лба, и тогда Каролину выкидывало туда, где она уже была, – приходилось, зажав уши, с восторгом смотреть на битву сияющих гигантов или жаться к стенам разрушенного Пьентана.

Ей было немного страшно, но страх был приглушенным, как бывает во сне. Хотелось обратно, в реальность, она очень проголодалась – хотя разве в видениях можно ощущать голод? – и очень, очень устала. Руки и ноги становились неповоротливыми, наливались тяжестью, и, когда в очередной раз с улиц Пьентана принцессу потянуло вниз, в расступающуюся дымку, а затем вдруг выдернуло на знакомое поле битвы – то самое, где Вей Ши бросил ее! – она потеряла ноющий лоб, уселась на землю перед сражающимися стариками, прижалась лбом к коленям и обхватила их руками.

– Я хочу домой, – бормотала она, а вокруг кричали бьющиеся и умирающие люди. Так долго сидела она, то поднимая голову, то снова опуская ее.

– Хочу домой, домой, домой!

– Сейчас пойдем, дитя, – раздался рядом певучий голос. Она радостно подняла голову и ойкнула. Рядом с ней стоял огромный тигрище и задумчиво смотрел на седовласого старика, лежащего в грязи лицом вверх.

– Ты не Вей Ши, – настороженно проговорила Каролина, поднимаясь. Даже так она едва доставала тигру до середины лап.

– Определенно нет, – согласился тигр.

– А ты его знаешь? – требовательно спросила принцесса.

– Знакомы, – признался тигр, глядя на ползущих к старику черных бойцов. – Отвернись-ка, дитя, не стоит тебе это видеть.

– Я уже видела несколько раз, – пожаловалась Каролинка, тем не менее послушно отворачиваясь и зажимываясь, потому что сквозь нее, расплывшись серой дымкой, рухнули двое солдат, схватившихся в рукопашной. – Вей Ши говорил, что все это не настоящее.

Тигр отвлекся от созерцания кровавой картины и с любопытством повернул голову к принцессе.

– Вей Ши правильно говорил. Пока что это не настоящее. – Он вдруг протянул огромную лапищу и очень мягко прикоснулся подушечкой указательного пальца с черным когтем к середине лба Каролины. В голове ее словно защекотали перышками.

– Понятно, – пробормотал он. – Понятно. Вей Ши, значит.

– А что это ты делаешь? – с подозрением поинтересовалась младшая Рудлог.

– Смотрю твои воспоминания, чтобы не утруждать тебя рассказом, – объяснил тигр.

– Нужно было спросить! – возмутилась Каролина.

– Действительно, – пробормотал собеседник немного обескураженно. – Прости, дитя. Отвык спрашивать. Но не беспокойся, я искал только то, что привело тебя сюда.

– И что же? – Каролина была девочкой отходчивой, да и любопытство перевесило. Прямо на нее понесся верещащий огромный то ли муравей, то ли богомол, и она стойко встретила растекшегося туманом инсектоида, лишь немного отпрянув назад.

– Влияние наследника йеллоувиньского престола, – невозмутимо объяснил тигр, провожая взглядом вновь собравшееся чудовище.

– Да я с ним даже не знакома, – удивилась принцесса. – Он что, в Тафию приезжал?

Собеседник размеренно покачал головой. Но Каролинка уже снова краем глаза увидела черных воинов, рвущих старика, и отвлеклась.

– Жалко дедушку, да? – сказала она с дрожью в голосе, старательно глядя в другую сторону.

– Тебе не должно быть страшно, маленькая Рудлог, – с удивлением проговорил тигр, спокойно глядя на то, от чего она отвернулась.

– А мне страшно, – буркнула Каролина, усердно зажимая уши, чтобы не слышать шума боя, чавкающих звуков и резких окриков победившего, – но не очень. Я тут почему-то плохо боюсь. Ты знаешь почему, да? Если бы на самом деле такое увидела, меня бы точно стошнило. И в обморок бы упала, наверное.

– В трансе почти нет эмоциональной восприимчивости, – объяснил огромный тигр. – Все силы нервной системы уходят на то, чтобы поддерживать мозг во время видений.

– Главное, чтобы кошмары потом не снились, – жалобно сказала она.

Вокруг них снова кипел бой – йеллоувиньцы пытались пробиться к убитому.

– Я тебе помогу, – успокоил ее он. – Сны можно контролировать, а видения ты помнить не будешь. Сейчас же тебе нужно помочь мне. Посмотри налево, а затем направо, дитя. Только медленно.

Каролина недоуменно повернула голову, все так же зажимая уши. Шагах в пятнадцати от нее сражающиеся солдаты погружены были в дымку, а еще дальше не было видно ничего.

– Там туман, – на всякий случай сообщила она.

– Я вижу, – невозмутимо подтвердил тигр. – Он называется ментальным туманом или ментальным барьером. Это ограничение, поставленное твоим разумом, чтобы ты не истощила свои силы. Но я сейчас рядом, помогу. Смотри внимательней, будто сквозь него. Постарайся, дитя. Это очень важно.

В голове у Каролины зазвенело, но она сурово нахмурилась, попыталась пронзить взглядом мглу... и та вдруг расступилась, явив за черным, расплывшимся грязью полем, на котором кипела битва, несколько движущихся танков, а еще дальше – современную дорожную эстакаду со знаками и указателями, правда, совсем пустую.

– Вот! – гордо крикнула принцесса.

– Прекрасно, прекрасно. – Тигр вдруг сел на задние лапы, а передние изящно сложил одну на другую, став совсем человеческим, хоть и огромным. – А скажи-ка мне, бесконечно талантливое дитя, не можешь ли ты прочитать надпись на указателе? Вон на том. – Он вытянул лапу с черным когтищем вперед, и Каролина, заворуженно наблюдающая за ним, проследила взглядом, куда он указывал. – Я уже в возрасте, зрение подводит...

– Это же далеко, – с недоумением протянула она.

– Далеко, – певуче согласился собеседник, – далеко, как ты заметила. Но попробуй, может, ты видишь куда лучше, чем думаешь?

Она снова напрягла зрение, снова зазвенело в голове, сдавило виски – и надпись на яркосинем указателе вдруг стала отчетливой, как будто она читала ее на собственной ладони.

– Менисей, – прочитала Каролина радостно. – Что это?

Тигр снова сидел, сложив лапы на животе, и улыбался.

– Это такой город, дитя. Провинция Сейсянь в Йеллоувине, недалеко от границы с Бермонтом. Превосходно, превосходно, ты мне очень помогла. А сейчас попробуем выбраться. Тебя ждет отец, скоро прибудет твоя сестра Ангелина, не нужно, чтобы она волновалась. Уж очень красивы сады сейчас, гарь им не пойдет...

– В Тафию прилетит? – обрадовалась Каролина, разворачиваясь. Краем глаза сквозь сражающихся она увидела то, что осталось от убитого старика, и поморщилась, чувствуя отголоски тошноты.

– В Пьентан, – поправил ее собеседник.

– А почему...

– Тебе могли помочь только я и мой сын. А мы живем в Пьентане, – безо всякого раздражения пояснил тигр.

– А Вей Ши ты откуда знаешь? – наконец-то задала Каролина крутившийся в голове вопрос.

– Да... кстати... Вей Ши, – певуче и задумчиво пробормотал тигр. – Покажись! – рыкнул он так, что принцесса подпрыгнула от неожиданности. Туман вокруг пошел волнами.

Каролина, открыв рот – Ангелина бы строго напонила о манерах, – наблюдала, как из уплотнившегося тумана шагает к ним второй тигр. Башка его была задрана так горделиво, что, казалось, еще немного – и он затылком коснется спины.

– Здравствуй, дед, – прорычал новоприбывший и низко-низко поклонился собеседнику Каролины. Да так и застыл.

– Явился! – ничуть не удивившись, проговорила принцесса с упреком. – Ты почему меня бросил?

Вей Ши угрюмо покосился на нее, но ничего не ответил. Он все еще стоял, склонившись.

– И мне любопытно послушать, – проговорил большой тигр. Небрежно, но у Каролины почему-то заледенели руки.

– Ой, так вы, выходит, его дедушка? – наконец сообразила она. – Извините, пожалуйста, что я к вам неподобающе обращалась! Я не думала, что вы старый!

Тигр улыбался с умилением.

– Не переживай, дитя. Это было довольно свежо. Вей Ши, встань. Я приказываю тебе говорить.

– Ты ведь все уже посмотрел, – ровно ответил младший тигр, поднимаясь. – Что ты хочешь узнать?

– То, что ты хочешь мне сказать.

Каролина увлеченно вертела головой, пытаясь не упустить ни слова.

– Позволь мне остаться, дед! – вдруг с жаром заговорил Вей. – Отца ты, конечно, оставишь в Пьентане, но я ведь тоже Ши! Вдвоем мы сможем изменить это, – он качнул головой в сторону тела старика, окруженного отбивающимися солдатами.

– Ты улетишь обратно с Владыкой Четерии. – Старый тигр ответил мягко, но Вей Ши сжался и переступил лапами.

– Прошу, – сказал он глухо, отрывисто и яростно. – Я прошу тебя. Ты знаешь, какова моя кровь. Битвы отзываются во мне так же, как гармония Разума. Я не могу сидеть в Тафии и знать, что приближается момент, когда тебя убьют.

Каролина нахмурилась. Последние слова она не поняла.

– Я не буду рисковать тобой, Вей Ши. Ты останешься в Тафии.

– А если я послушаюсь тебя? – тяжело проговорил Вей. – Я воин, дед, а не дева, которую нужно прятать!

Он нервно бродил туда-сюда, рыкая и дергая башкой. Встреченные бойцы расплывались туманом, натываясь на него, а Каролина недоверчиво следила за ним – знакомый ей Вей был скучным и равнодушным.

– Не ослушаешься, внук. – Старый тигр непреклонно сложил лапы. – Ты разумен и понимаешь свою ценность. Я не стану накладывать запретов, раз ты научился снимать их...

Вей остановился.

– Я не научился. Это вышло неосознанно. И ты видишь, к чему привело. – Он повел башкой в сторону Каролины.

– Я вас не понимаю. – Принцесса сердито приложила ладонь ко лбу. – Вы меня совсем запутали! Оба!

– Ничего страшного, – буркнул Вей Ши. – Ты все равно все забудешь.

– А если я не хочу? – упрямо парировала младшая Рудлог, но на нее опять перестали обращать внимание.

– В следующий раз снятие запретов выйдет осознанно, – улыбнулся внуку старый тигр. – Ты стал гораздо мощнее, Вей, драгоценный мальчик мой.

Вей Ши кинул недоверчивый взгляд на деда.

– Ты не сердись?

– Я горд, – ответил тот, торжественно выпрямляясь. – Горд, Вей Ши. Тем, что ты познал транс; тем, что твой цветок набрал силу. Все же Мастер клинков – великий учитель. Куда больше меня. Он увидел и понял то, что не сумел понять я, и исправляет то, что упустил я.

– И все же ты отрекаешься от меня, – глухо сказал Вей Ши.

– Никогда, – со слабой улыбкой покачал головой старый тигр. Шагнул-переместился к внуку, обхватил его лапами – и тот замер. – Никогда, мой мальчик, – говорил старик, обнимая его. – Моя любовь к тебе так велика, что я каждую минуту готов был простить тебе всё. Но иногда нужно поступать вопреки желаниям сердца. Третий раз говорю тебе: ты вернешься с Мастером и будешь служить ему.

– Если бы ты знал, где я сейчас, – пробормотал Вей, не поднимая глаз. – Ты бы стыдился меня.

– Я знаю, Вей, – мягко сказал старый тигр. – И отец знает. Мы не стыдимся. Тебе еще многому нужно научиться, но ты удивляешь нас и будишь в нас радость. – Он отступил обратно к Каролине, погладил ее по плечу. Голос его стал тверже. – Ты услышал мой приказ, Вей Ши?

– Да, дед, – проговорил Вей тяжело, склоняя голову к земле.

– И еще. Я завяжу на тебя эту девочку, пока она не научится управлять даром. Я бы завязал ее на себя, но в открывшихся обстоятельствах это неразумно. На всякий случай ей нужна страховка. Если она снова бесконтрольно нырнет в видения, ты вытащишь ее.

– Завяжете? – полюбопытствовала Каролина, уже уставшая от этих разговоров.

– Это до ее совершеннолетия? – угрюмо одновременно уточнил Вей Ши.

– Может, и дальше, – улыбнулся старый тигр. – Ты же понимаешь, что мы не можем потерять тамиянь. Юнлинь не вечна, а я хочу, чтобы при необходимости тебе было у кого узнать ответы.

Вей некоторое время смотрел на деда с изумлением, и младшая Рудлог подумала, что у него ужасно глупый вид.

– Нет, – сказал он наконец. – Ты же не имеешь в виду... Ты знаешь, какая она шумная? Беспокойная? Да я свихнусь! Тем более – куда нам еще красной крови, дед?

– Вей, что за речь? Что за выражения в присутствии юной Рудлог? – укорил его старый тигр.

– Я недавно догадался, – пробурчал Вей Ши. – Не успел привыкнуть. Но она же все равно не вспомнит.

– Назло тебе вспомню, – пообещала Каролина сердито. – Хватит говорить, будто меня тут нет!

Вей Ши тяжело посмотрел на нее и перевел выразительный взгляд на деда. Тот улыбался.

– Я поговорю с ее сестрой и отцом, – сказал старый тигр. – Она останется здесь и пройдет подобающее обучение. Но мы не сможем заставить ее, Вей. Красная кровь не терпит давления, тебе ли не знать. Тебе придется убедить ее.

– В чем убедить? В чем? Где я останусь? – жалобно спросила Каролина. Ей вдруг стало куда страшнее, чем при всех видениях. И огромный тигр показался не таким уж добрым.

– Я поищу другой путь, – твердо ответил наследник.

– И упустишь время. Я свое слово сказал, внук. Ты сделаешь, как я решил.

И Вей Ши, поколебавшись, склонил голову второй раз.

Дед его повернулся к хмурой и настороженной принцессе.

– Не бойся, дитя, – сказал он мягко. – Клянусь, что никакого принуждения не задумываю и не будет его. Клянусь, что не причиню тебе вреда. Тебе нечего опасаться. Клянусь даже несмотря на то, что ты не вспомнишь этого. А теперь давай сделаем то, чему тебя должен был научить Вей Ши. Сосредоточься на ментальной точке, – он ткнул ее когтем в центр лба, – и закрой глаза.

– Я хочу все помнить! – жалобно проговорила Каролина, умоляюще глядя на собеседника. Тот покачал головой, проводив взглядом упавшего им под ноги солдата.

– Это не моя прихоть и не попытка что-то скрыть, дитя. Такова твоя суть. Твой мозг поглощает во время видений такой объем информации, что способность забывать – это способ не сойти с ума. А теперь сосредоточься. Я могу вывести тебя и без твоего участия, но, если ты сделаешь это сама, в следующий раз получится куда проще, даже при условии, что ты не будешь этого помнить.

Принцесса, вздохнув и бросив хмурый взгляд на полосатого Вея (тот сидел, задрав голову и всей фигурой показывая безразличие), закрыла глаза.

– Хорошо, – вкрадчиво и тихо говорил тигр, – вдохни глубоко и выдохни. Пауза. Вдохни... и выдохни. Расслабься, отстранись от звуков боя. А теперь представь, что в центре лба у тебя против часовой стрелки крутится спираль. Последи за ней. Выход из транса очень

прост, но чем глубже ты ушла, тем дольше надо подниматься по спирали. И наоборот, если хочешь погрузиться, надо спускаться по спирали... хотя этому я научу тебя потом. Представила?

– Угу, – откликнулась Каролина, которой очень хотелось открыть глаза.

– А теперь ощути, что у тебя под правой рукой. Пошевели пальцами.

«Там же ничего нет!» – хотела возмутиться младшая Рудлог, послушно перебирая пальцами, когда вдруг почувствовала под ними гладкое прохладное дерево и немного жесткой ткани... Пахло чем-то восхитительно-нежным... мозг вдруг перестроился, да так резко, что закружилась голова, и Каролина словно с высоты рухнула в плотное безмолвие, которое укрыло ее с головой, уводя в сон.

– ...Неужели нет никакой альтернативы? – услышала она сдержанный голос Ангелины. – Я не представляю, как смогу оставить ее здесь. Даже с отцом. Фактически это заключение на несколько лет.

– Не меньше шести, – мягко ответил ей кто-то мелодичным голосом. Говорили на рудложском. – Юная тамиянь сейчас на грани реального и нереального, сознание ее нестабильно и не умеет еще защищаться от ментальных всплесков. Каждое новое погружение будет серьезнее и глубже предыдущего. И однажды ты просто не успеешь привезти твою сестру сюда. Она сгорит раньше.

Каролина, понимая, что говорят о ней, попыталась открыть глаза. Но веки были словно налиты свинцом, и губы не слушались. Попыталась дернуться, пошевелиться – тело закололо электричеством. Не больно, очень приятно – и тут принцесса вспомнила, как похоже покалывало кожу у ворот обители Триединого, как затем все начало расплываться в глазах, а руки – трястись так, что невозможно было удержать кисть. Как она испугалась и попыталась позвать на помощь, но не смогла открыть рот... и последнее, что запомнилось, – ярко-синий мазок на наброске, идущий вниз.

– Я понимаю, – ровно проговорила сестра. – Пресветлый император, вы говорили, что можете сделать ментальную привязку. Разве она не поможет?

– Привязка делается на случай экстремальной ситуации, Владычица. Мой внук, безусловно, обучен и способен вывести заплутавшего в видениях, я доверяю ему, как себе, но это все равно риск. Если с ним что-то случится, твоя сестра сгорит. Согласна ли ты так рисковать?

Каролина замерла, мысленно умоляя Ани не оставлять ее здесь, не соглашаться на уговоры. Но сестра промолчала.

– На территории дворца она никогда не уйдет глубоко, здесь всегда ровный фон, – продолжал мелодично увещевать тот же голос. – Вей Ши нужен лишь на случай форс-мажора – вдруг принцесса по какой-то причине окажется вне дворцовых стен. Я и мой сын обучим ее управлять видениями и без надобности не погружаться в них. Помимо этого она будет общаться с Юнлинь, моей племянницей, которая давно уже обрела дар и сможет поделиться опытом. К юной Каролине будут относиться со всем почтением, достойным ее положения. Ее будут учить лучшие учителя, и ни в чем она не будет знать нужды. Конечно, на посещения родных никакого запрета не будет. Пребывание на территории дворца на протяжении стольких лет необходимо, но ведь здесь можно каждый день находить что-то новое. Кстати, юная Рудлог уже очнулась. Не открывай пока глаз, дитя...

Каролина испуганно – оттого, что ее раскрыли, – распахнула глаза, и по ним резануло светом. Она, застонав, сквозь слезы попыталась проморгаться.

– Каролина? – тревожно позвал отец.

– Папа! – обрадовалась она, поворачиваясь к нему и шурясь – вместо отца виднелись цветные пятна. Во рту было ужасно сухо, глаза болели, голос был сиплый, и горло болело тоже. – Где мы? Что происходит? Я не хочу нигде оставаться!

– Закрой глаза, дитя, – настаивал певучий тонкий голос, и Каролина, смаргивая слезы, все же зажмурилась. Все равно она не могла ничего разглядеть. – Полежи, приди в себя. Слишком долго ты там пробыла, сразу отойти не получится.

Каролина с закрытыми глазами прижалась к отцу, и тот приобнял ее кулечей. С другой стороны присела Ангелина – ее рука погладила Каролинку по голове, губы ласково поцеловали в висок.

– Как ты, малышка? – спросила она тихо.

Каролина печально вздохнула. Она любила, когда ее жалеют.

– Сейчас нам накроют стол в Вишневой пагоде, – звучал все тот же певучий голос, – после транса необходимо выпить горячего чая и съесть сладкого. Там и договорим, а юная Каролина пока придет в себя. Ей тоже стоит послушать.

Принцесса, прижимаясь к отцу, все же пыталась открыть глаза и рассмотреть помещение, пока зрение адаптировалось к свету. В сторону окон смотреть было еще больно, поэтому она разглядывала стены – светлые, с прекрасными миниатюрами. Увидела рядом с Ангелиной Нории – он сочувственно улыбался, склонив голову набок. Каролина, улыбнувшись в ответ, повернулась дальше – взгляд остановился на небрежно развалившемся на боку Четери, который, подпирая голову ладонью, подмигнул так, что она едва не захихикала. А в углу у дверей сидел на коленях Вей Ши в своей бедной одежде, босой, и спина его была напряженно-прямой. Они встретились взглядами, и принцесса от изумления закашлялась.

– А ты что тут делаешь? – спросила она сипло.

Вей не ответил, и она отвернулась. Не ругать же его сейчас за невежливость.

– Мы в Йеллоувине, – тихо объяснил ей Святослав Федорович. – Не бойся, дочка, просто у тебя активизировался прорицательский дар, и пришлось лететь сюда раньше времени... Его императорское величество вывел тебя из транса... а его высочество Вей Ши помог доставить тебя сюда.

Она, щурясь, посмотрела на каменное лицо сидящего в углу Вея.

– Его высочество? – спросила она, смаргивая вновь набежавшие слезы. Почему-то стало так горько и обидно, будто ее кто-то из сестер обманул. – Какой же он принц? – с недоумением проговорила принцесса. – Он грубый и невоспитанный. И еще метлой двор убирает! Разве принцы так могут?

– И тем не менее... – проговорил Святослав Федорович терпеливо.

– Каролина, – строго вмешалась Ани, – вспомни, как мы жили в Орешнике. Разве я не подметала двор и не занималась грязной работой?

– Но ведь нам некуда было деваться! – попыталась возразить Каролина.

– Это дело дома Ши, – твердо остановила ее старшая сестра. – И ты сейчас повела себя невежливо.

Принцесса пристыженно опустила голову и, заметив, что косы ее совсем растрепались, вздохнула, пригладила темные волосы и повернулась к величественному, тонкому и невозмутимому императору Йеллоувиня, который был одет в шелковые одежды и сидел на полу на циновке, изящно сплетая пальцы рук на животе.

– Спасибо, что помогли мне, ваше императорское величество. Простите, что оскорбила вашего внука, – сказала она грустно.

– Насколько я знаю, и он однажды повел себя неправильно по отношению к тебе, – вполне благожелательно и певуче откликнулся император. Вот кто говорил с Ангелиной о ней. Голос у него был удивительный, мягкий, музыкальный, и удовольствием было слушать его, несмотря на то что он озвучивал ранее.

«Не однажды», – сердито подумала Каролина, хотя давно не держала на Вея зла.

– Мы обсудили его проступок с твоей сестрой, – продолжил Хань Ши, – и она согласилась принять извинения нашего дома за эту прискорбную случайность. Но сейчас главное не это. Тебе ведь лучше, дитя?

– Да, спасибо, ваше императорское величество. – Каролина постаралась вежливо встать, но голова снова закружилась, и принцесса заморгала, растерявшись. Святослав Федорович аккуратно поддержал ее, а она в это время сосредоточилась на маленьких ярко-синих пташках, что были вышиты на светло-розовой глади императорских одежд, пока все не перестало расплываться перед глазами. Мысли в голове никак не желали формулироваться.

– Очень красивая вышивка, – наконец жалобно выговорила она то, что сумела.

– Мне тоже нравится твое платье, – откликнулся император с таким серьезным лицом, будто обсуждать одежду было самым естественным на свете делом. Поднявшись с легкостью, удивительной для пожилого человека, он плавно приблизился к ней. Каролина задрала голову и поразилась, какими красивыми стали его темные глаза – как текучий переливающийся янтарь. А Хань Ши положил палец ей на лоб, прислушался – и удовлетворенно улыбнулся. В голове у младшей Рудлог словно перышком пощекотало.

– Все хорошо, – сказал он, отходя к окну. Немного утомленно приложил руку к виску – в углу беспокойно шевельнулся Вей Ши, но император едва заметно качнул головой, рассеянно глядя на парк. – Полчаса, и твоя слабость уйдет. Вита перестала сгорать. – Он снова опустился на циновку, стройный и величественный, и Каролина с восторгом наблюдала за ним, обещая себе, что обязательно нарисует и эту чуть отклоненную назад высокую фигуру, и безмятежное лицо, полное внутренней силы. Затем, спохватившись, развернулась к снова закаменевшему Вею.

– Простите и вы меня, ваше высочество, – повторила она сокрушенно-примирительно и, пока никто не видит, показала ему язык.

Его высочество едва заметно поднял глаза к небу и выдохнул. А Каролине стало весело и даже не так страшно.

Глава 5

Восьмое апреля, Йеллоувинь, Пьентан

Каролина

К Вишневой пагоде высокая процессия направилась через цветущие сады по дорожке, вымощенной гладкими черными камнями, на которые с обеих сторон сыпались белые лепестки. Сады казались вымершими – только радостное птичье чириканье нарушало торжественную тишину этого места, и трудно было представить, что неподалеку скрывается огромный дворцовый комплекс, в котором служат несколько тысяч чиновников, слуг и гвардейцев.

Никто из присутствующих не желал терять времени, поэтому обсуждение будущего младшей Рудлог продолжалось на ходу. Притихшая и расстроенная Каролина крепко держалась за руку Ани, словно боясь, что ее отнимут прямо сейчас, и иногда, оглядываясь, бросала просительные взгляды на отца, следующего за ними в компании драконов. Святослав Федорович, слушая разговор Ангелины с императором, ободряюще и немного печально улыбался дочке, а она очень старалась не заплакать. И отвлекалась, как могла, то запрокидывая голову и любясь необычайно ярким голубым небом, то глядя по сторонам на изумрудные, словно ненастоящие листья и белые цветы, отливающие радугой. Зрение будто подкрутили, усилив краски окружающего мира до невозможной яркости. Но ее это не пугало – Каролина уже видела, как будут смотреться эти цвета, это буйство на холсте, и пообещала себе обязательно все окружающее нарисовать.

Вей Ши, похожий на тень с каменным лицом, шел позади всех. Он так и остался в своей бедной одежде, хотя Каролинка краем глаза видела, как слуга императора с поклоном протягивал принцу йеллоувиньский ве-лой – многослойный шелковый наряд с драгоценным поясом. Он даже не посмотрел на него, прошел мимо – и, хотя Каролина заметила одобрительные взгляды Четери и императора, и пусть держался Вей так высокомерно, будто это все вокруг были в лохмотьях, принцессе стало его очень жалко.

Она сердилась на старика императора – непонятно было, как можно, не дрогнув сердцем, отдать внука на такое жестокое обучение. И Вея прогнал, и ее хочет отнять у сестры!

«Он, наверное, его вообще не любит, – думала она грустно. – Тогда понятно, почему Вей Ши такой злой. Может, стоит попросить Ангелину пригласить его в Истаил почетным гостем? У Четери ему плохо...»

Принцесса снова оглянулась и, хмурясь, посмотрела на Владыку Четери. Она до сих пор общалась с ним со стеснением и чувством вины – никак не могла понять, как же он, такой веселый и добрый, мог сделать то, что сделал с Веем. Но Каролина недолго ходила сердитой. Как-то раз она застала его тренировку и не смогла сойти с места до тех пор, пока он не закончил. А потом не пошла ни в город, ни в сады – целый день лихорадочно рисовала, рисовала, рисовала этот безумный и совершенный танец и понимала, что даже сотой доли той красоты движения, что она наблюдала, передать не в состоянии.

«Не сердись на меня, девочка, – сказал Владыка тогда, стоя спиной к ней и переплетая косу. – Мне тоже было больно. И тебе больно. Потому что у тебя доброе сердце».

Она не ответила, убежала, но с тех пор больше не дичилась Чета и даже стала снова улыбаться ему при встречах. Она, наверное, что угодно могла бы простить за красоту.

Каролинка вздохнула и снова прислушалась к обсуждению.

– Неужели нет другого выхода? – почтительно, но строго интересовалась Ангелина, двигаясь рядом с плывущим по черным камням Хань Ши, похожим на величественную, но хрупкую статуэтку. – Можно же как-то блокировать ментальные способности? Я не сильна в этих тонкостях, к сожалению, но знаю, что это возможно.

– Увы, Владычица, – мелодично отвечал ей император. – Блок работает на любые грани ментальных возможностей, кроме дара тамиянь, который так мощен, что, активизируясь, снимает любые запреты. Моя племянница Юнлинь в период становления могла впасть в транс от вида яркого цветка, жужжания пчелы или запаха рисового хлеба. Любой сенсорный раздражитель, любая эмоция может столкнуть в видения. Здесь же, на моей территории, как и в храмах нашего благословенного прародителя и Творца Триединого, магический фон стабилен и приглушен.

– Но ведь Каролина впадала в транс у самого входа в обитель, – с легким недоумением проговорила Ангелина.

– Вот именно. – Император наставительно поднял палец. – Один шаг за пределы обители – и последствия непредсказуемы. А на территории дворца можно гулять месяцами, и это не надоедает, потому что она способна вместить тысячи обителей. Тут есть холмы и пруды, текут несколько рек, есть места, где годами не бывает людей, и даже я то и дело нахожу здесь красоту, которой не видел доселе...

Каролинка, все сильнее понимая, что придется остаться, и оттого страшно желая зареветь, вдруг восторженно ахнула, почти оглушенная плеснувшими в глаза красками. Словно иллюстрируя слова Хань Ши, расступились цветущие деревья, и император остановился, давая гостям полюбоваться открывшимся видом.

Вишневая пагода – с трехъярусной алой крышей на черных столбах, увитых золотым орнаментом, – поднималась из покрытого лепестками тихого пруда, нарядная и изящная, красная на белом, как йеллоувиньская девушка в ярких одеждах, что застыла в ожидании гостей. К ней вели широкие мостки, внутри стоял накрытый стол. Людей, как и прежде, видно не было.

Император благостно улыбнулся и плавным движением руки пригласил всех двигаться дальше. И сам первым ступил на темное дерево мостков.

– Обученная тамиянь способна управлять своим даром, – говорил он, – самостоятельно погружаться в видения и выходить из них, контролировать глубину проникновения и отвечать на конкретные вопросы. Ведь чем глубже уходишь, тем больше требуется сил и опыта, тем выше опасность не выйти обратно. Это драгоценнейший дар, который требует бережной огранки. Знаете ли вы, что за каждое погружение приходится платить? После происходят спонтанные отключения органов чувств и эмоций или, наоборот, усиление чувствительности. Скажи, дитя, – обратился он к сразу насторожившейся Каролине, – не усилился ли у тебя слух? Не кажется ли все вокруг тусклым, почти черно-белым?

– Наоборот, – неохотно признала Каролина, глядя на изумительных красно-золотых рыб, стайками вынырывающих среди белых лепестков и следующих за людьми вдоль мостков. – Все очень ярко, цвета усилены в несколько раз. Но это очень красиво.

Император сочувственно улыбнулся.

– К вечеру это станет невыносимо, дитя. Но я помогу тебе.

– И так будет всегда? – поинтересовалась принцесса хмуро.

– Чем старше человек, тем меньше проявляется, – мелодично ответил Хань Ши. – Но если не научиться справляться с сенсорным откатом, можно сойти с ума. Поэтому в транс рекомендуют уходить не чаще раза в год – именно столько нужно, чтобы восстановилась нервная система. В остальное время провидица может жить как обычный человек.

Они вошли в пагоду; колокольчики, вплетенные в серебряные сети, которые волнами прикрывали потолок, приветствовали их тонким звоном. Мягко попыхивал паром фарфоровый чайник на крошечной горелке посреди стола, уставленного сладостями.

Тонкие чашки, уже наполненные чаем, сразу и не заметить было среди стопок блинов, очень похожих на рудложские, плошек с вишневым и клубничным вареньем, многоярусных блюд с пирожными, крошечных хрустальных креманок с мороженым, которые поблескивали морозящими чарами, ваз с засахаренными фруктами...

Каролина сглотнула, и тут раздался голос Четери.

– Прости, светлый император, – сказал он почтительно, оглядывая сладкую роскошь, – а не найдется ли у тебя случайно во дворце еды для мужчин?

Великий Хань Ши, изящно присев на стул и отщипнув виноградину с пышной кисти, на секунду словно задумался, посмотрел в сторону берега, а потом невозмутимо кивнул.

– Найдется, Мастер. Скоро принесут. А если нет, – он едва заметно улыбнулся, – мы всегда сможем поймать и запечь пару императорских карпов.

Четери хохотнул, отодвигая стул, и оглянулся на принца, который, заложив руки за спину, остался стоять у входа все с тем же безразлично-высокомерным лицом. Император тоже посмотрел на внука – и под этими взглядами Вей чуть дернул губами и направился к столу. Сел напротив Каролины, аккуратно протер руки влажной салфеткой и без всякого стеснения начал есть. Принцесса смотрела на него во все глаза – на отточенные движения пальцев и рук, на осанку и линию скул, – рассеянно кусая пирожное и слушая, как решается ее дальнейшая судьба. Ей хотелось изобразить его тушью, несколькими мазками: плечи, гордая шея, пальцы, профиль. Одноцветно, резко, честно.

– То есть иного выхода, кроме как оставить мою сестру обучаться у вас, нет? – зачем-то переспросила Ангелина.

– Нет, – подтвердил император невозмутимо, и Каролина увидела, как сестра поворачивается к Нории, а тот едва заметно кивает. Хань Ши тоже это увидел.

– Зачем бы мне обманывать тебя, Владычица? – сказал он с едва различимым упреком.

– Я могла бы назвать несколько причин, – не дрогнула Ангелина, но говорила она тихо, уважительно. – Не прими за обиду, светлый император. Это моя сестра, и мне больно понимать, что ей уготовано. Нории подтвердил, что ты искренен; это все, что мне нужно.

Каролина отложила пирожное и потерла ладонями глаза. Ей все не верилось, что еще с утра она была свободна, а теперь больше ничего от нее не зависит.

– Понимаю, – мягко проговорил старик. – Чем я могу успокоить тебя?

– Она должна получить образование и воспитание как принцесса дома Рудлог, – произнесла Ани. – Я пришлю сюда учителей.

– Конечно. – Хань Ши невозмутимо отпил чая. – Но, может, юная дочь Красного захочет посещать некоторые уроки с моими внуками? Или учиться у наших учителей? Ей будет не хватать общения со сверстницами.

– Только по ее желанию, – уточнила Ангелина. – Ни она, ни мой отец не будут подвергаться давлению, принуждению или внушению. Она, конечно, будет жить, уважая ваши обычаи, но в выборе занятий и в своих поступках будет полностью свободна. Никто не станет препятствовать ее общению с нами.

– Конечно, – повторил Хань Ши.

– Ментальная привязка к его высочеству будет снята максимум через шесть лет, которые понадобятся для ее обучения.

Император постучал тонкими пальцами друг о друга.

– А если они не захотят от нее избавляться?

– Если хотя бы один из них захочет, она будет снята, – поправились Владычица. – И во избежание напряженности в будущем ты должен знать, что мы предоставили нашим сестрам право самим выбирать себе спутников жизни.

Хань Ши с Ангелиной некоторое время смотрели друг на друга, пока он не улыбнулся тонко и понимающе.

– Но препятствовать ей вы тоже не будете?

– Только если будем уверены в добровольности выбора, – спокойно подтвердила Ани.

– Я услышал тебя, Владычица, – довольно заключил правитель Йеллоувиня.

Каролина, совсем ничего не понимающая, начала тихо всхлипывать над недоеденным мороженым. Отец гладил ее по плечу, но что он мог сделать? Только остаться с ней.

– Также хочу напомнить, что я не являюсь главой дома Руд-лог, – проговорила Ангелина. – Но пока Василины нет, я имею право принять это решение. Когда она вернется, мы снова обсудим детали и составим с вами письменный договор, заверенный придворными магами Рудлога и Йеллоувиня. Каролиш, – она взглянула на младшую сестру, – может быть, ты хочешь что-то добавить?

– Я домой хочу, – всхлинула Каролина, сжавшись на стуле, и горько разрыдалась. На нее почти сразу опустилась пелена спокойствия, и начавшаяся было истерика перешла в тихий плач.

– Владыка Четерии, – мелодично проговорил император, поднимаясь, – не хочешь ли ты посмотреть, как цветут карликовые вишни?

Чет недоуменно посмотрел на него.

– Вишни, ах да, – он хлопнул себя по лбу, – вишни! – и тоже поднялся. – Больно труден ваш ди-пло-ма-ти-ческий язык, светлейший император.

Они ушли прогуляться вокруг пруда, а Каролина продолжала плакать. Слезы текли долго – ее обнимали с двух сторон, а она цеплялась то за отца, то за бледную, словно заморозившуюся Ангелину, не обращая внимания на Нории, от которого волнами шел покой, и просила:

– Пожалуйста, не оставляйте меня здесь. Пожалуйста, пожалуйста! Я хочу в Тафию! Я здесь никого не зна-а-а-аю! Ангелиночка, пожалуйста, я буду хорошей! Ну можно же что-то придумать, ты же такая умная! Не оставляй меня!

Вей Ши стоял у мостков, спиной к ним, и она его ненавидела в этот момент – потому что ему тоже некуда было деваться. Но это у нее отнимали целый мир и семью. И чувство безопасности, потому что все здесь было иным.

– Каролиш, – тяжело шептала Ангелина, – нельзя, ты же видела сама, император не врал, ты погибнешь, если мы тебя увезем. Мне тоже горько оставлять тебя здесь, малышка моя. Но если выбор между твоей смертью и жизнью здесь в течение нескольких лет, то я выбираю твою жизнь. Не плачь, милая, ну же... закончится война, снова станут работать телепорты, и я буду навещать тебя, мы все будем. Шесть лет сейчас кажутся долгими, но они закончатся, а впереди будет еще долгая жизнь. И я тебе клянусь, что не буду сидеть сложа руки. Буду искать возможность заблокировать дар, хорошо? Но пока тебе нужно сделать привязку и остаться здесь. Хорошо?

– Хорошо. – Каролина потерла мокрые щеки. Она очень устала и поняла наконец, что все бесполезно. – Можно я поговорю с ним сначала? – Она кивнула в сторону Вей Ши.

– Конечно. – Ангелина поцеловала ее в лоб. – Иди.

Вей Ши повернулся при ее приближении, оглядел с ног до головы.

– Ты похожа на красноногого поросенка, – сказал он высокомерно. – Ты же Красная. Ты должна драться, а не плакать.

– Ты хочешь, чтобы я тебя побила? – с недоумением уточнила принцесса, не обижаясь на «поросенка». У нее сегодня были беды посерьезнее.

Принц хмыкнул, и она подошла ближе.

– Что такое ментальная привязка?

Он помолчал и неохотно ответил, глядя куда-то мимо ее плеча:

– Ты сможешь звать меня, а я тебя. Просто подумаешь, и я услышу. Сможешь приходить ко мне в сны. А я – к тебе. Но не нужно этого делать, – предупредил он, увидев, как недоверчиво улыбается Каролинка. – Я почувствую, если ты снова уйдешь глубоко, и смогу тебя вытащить. Это самое главное.

– А зачем тебе это? – поинтересовалась Каролина.

– Дед попросил, – коротко бросил Вей Ши, и она вздохнула.

– Я не хочу быть тамиянь.

– Нас никто не спрашивает, кем мы хотим быть, – тяжело ответил Вей Ши. – Иди умойся, дед идет сюда. У него наверняка разболелась от тебя голова, а успокаивать родовой силой процессу другого дома неэтично. Политика. Хорошо, что Владыка Нории помог.

– Ты же не хочешь быть связанным со мной, – грустно сказала младшая Рудлог.

– Не хочу, – подтвердил он. – Но мне нетрудно будет последить за тобой. Это поможет набраться опыта. Прекрати ныть и подумай, какой это опыт и для тебя. Ты единственная в мире огненная тамиянь, а плачешь так, будто потеряла, а не приобрела.

Каролина на несколько секунд зависла, глядя на него и обдумывая ситуацию с новой точки зрения. Ей понравилось, как прозвучало «единственная в мире».

– Я буду скучать по нашим рисункам, Вей Ши, – призналась она уже спокойнее.

– Каким рисункам? – проговорил он, отворачиваясь, и Каролина, гордо фыркнув, пошла к пагоде – туда, где у стен стояли чаши для умывания.

Через несколько минут вернулись император и Четери, и в Вишневой пагоде под звон маленьких колокольчиков прошел ритуал привязки, простой и быстрый. Хань Ши, возложив руки на головы Вея и Каролины, закрыл глаза – и у младшей Рудлог перед глазами на мгновение потемнело, она качнулась навстречу принцу. А когда зрение восстановилось, увидела, как тает между ними тонкая желто-фиолетовая дымчатая нить, уходящая Вею в середину лба.

– Вы должны подарить друг другу якоря привязки, – сказал Хань Ши мягко. – Что-то свое: лоскут одежды, локон, украшение. Его нужно будет всегда носить с собой.

Каролина задумалась, потеряла тяжелые браслеты на руке, кольца, посмотрела на полный отвращения взгляд принца, проследившего за ее движениями, и внезапно мстительно вынула из уха длинную вычурную серебряную серьгу, украшенную бирюзой.

– Вот, – сказала она звонко, стараясь не смотреть на укоризненное лицо отца. – Носи.

– Благодарю, – ровно ответил Вей Ши, принимая подарок обеими руками и слегка склонив голову. Безукоризненно вежливо – а потом приложил серьгу к уху и продавил острие сквозь мочку.

Каролина опустила голову. Ей стало совестно.

– У тебя ничего нет, Вей Ши, – услышала она певучий голос императора. – Я приказал принести из твоих покоев шкатулку с драгоценностями.

– Не нужно, – отказался принц. – У меня есть что подарить.

Каролинка посмотрела на него – босой, в одних штанах и рубахе. Кружевная серьга-капля доставала ему до середины шеи, по серебряному орнаменту и голубым камням на светлую ткань текла кровь, и принцессе стало совсем стыдно.

– Вот, – проговорил он, доставая из пучка на макушке длинную деревянную шпильку. Черные волосы рассыпались, скрывая серьгу и плечи.

– Благодарю, – пролепетала Каролина, протягивая руку и касаясь подарка. И в это время дерево треснуло – на конце заколки выскочило несколько крошечных почек, набухая и раскрываясь чудесными розовыми цветами.

– Они всегда будут цвести, – сказал Вей Ши невозмутимо. – Им не нужна вода, но если ты посадишь ветку в воду или землю, она даст побеги и разрастется. – Он внимательно взглянул на нее глазами, похожими на плавающий янтарь. – Видишь, что такое красота, Каролина?

И она закивала, сжимая подарок и улыбаясь.

Ангелина, Нории, Четери и Вей Ши улетели через несколько часов, чтобы вернуться в Пески до темноты. Вещи младшей Рудлог и Святослава Федоровича должны были прислать завтра.

Им выделили чудесный павильон у пруда с маленьким водопадом и мельничным колесом, ровно плещущим лопастями по воде. Прежде чем попрощаться, император Хань Ши утомленно приложил пальцы к вискам принцессы – и пульсирующие яркостью цвета вокруг притихли, успокоились.

Внутри нового дома было чисто и уютно: на полах лежали светлые ковры, мебель оказалась черного цвета и не утомляла глаз. Пахло травой и теплым деревом. Каролина, поставив подарок принца в прозрачный стакан с водой и приколов к груди один цветок, весь вечер, пока не стало темно, лежала на широком подоконнике у огромного окна и смотрела на пруд, окруженный цветущими деревьями.

Жизнь снова изменилась, принесла с собой одиночество и осознание, что есть вещи, от которых не защитят родные. С ними она должна справиться сама.

* * *

До Города-на-реке Владыки добрались к вечеру, когда река Неру, обнимающая белые крыши, залитые красным закатом, казалась исполинской ргутной дугой. Чет пригласил спутников переночевать в Тафии, и Владычица, сильно уставшая, не стала возражать, хотя в столице ждали срочные дела. Проскользив над старым белым университетом и шумным базаром, драконы опустились у дворца во дворе, вымощенном лазоревой плиткой.

Чета у фонтана встречала Светлана – они с гостями перекинулись несколькими радушными фразами, и Нории с Ани отправились в свои покои отдохнуть и поужинать; сил на совместную трапезу не было ни у кого. А Света, неторопливо переступая по плитке босыми распухшими ногами, поднесла мужу чашу с кровью и обняла-прильнула: Мастер так и пил, одной рукой поднимая огромный кубок, а второй хозяйственно и крепко придерживая жену за спину.

В стороне, ожидая, пока учитель заговорит с ним, стоял Вей Ши – прямо, подняв голову, хотя тоже выглядел уставшим. Светлана, высвободившись из-под руки мужа, подхватила узелок, оставленный на бортике фонтана, и подошла к ученику.

– Я собрала тебе сухих фруктов, орехов и меда, – сказала она. – Возьмешь с собой в обитель.

Вей выпрямился еще сильнее, кадык его дернулся, и длинная серьга качнулась в ухе. Он посмотрел на Чета, который, усмехаясь, вытирал ладонью кровь с губ, и едва заметно вздохнул.

– Я не могу отказаться, почитаемая жена Мастера, – сказал он негромко, – но не нужно подкармливать меня, как бродягу. В обители почти двадцать послушников; несправедливо, если за общим столом я буду сытее остальных.

– Вот и выставишь на общий стол, – посоветовала Света, на миг с выражением бесконечного терпения подняв глаза к небу. – Бери и не расстраивай беременную женщину. Иначе я сейчас еще чего-нибудь принесу.

Вей Ши поспешно взял узелок и едва заметно покачал головой. Вот как у прямого и честного Мастера могла завестись такая хитрая жена?

Четери, в очередной раз ожидающий, что победит: желание супруги накормить бедного мальчика или гордость этого самого мальчика, – с удовлетворением хмыкнул.

– Ты заслужил сегодня отдых, – сказал он. – Я доволен тобой, Вей Ши.

Ученик едва заметно склонил голову.

– Благодарю, Мастер. Разреши мне идти. Я хочу навестить феби Амфата. Бывало, что вечерами у него болело сердце.

– Иди, Вей Ши, – улыбаясь, кивнул дракон. – Завтра же в полдень приходи ко мне. Твой дед рассказал мне о видениях маленькой Рудлог, но мне нужны детали и от тебя.

Вей напрягся, нахмурился, но кивнул.

– Как пожелаешь, Мастер.

– Я не попрошу ваших секретов, – понимающе успокоил его Чет, снова привлекая к себе Свету и щекоча ей носом макушку. – Мне будет достаточно того, что касается Песков.

Когда Вей ушел, Владыка, не торопясь в покои, остался стоять под темнеющим небом, обнимая Светлану и умиротворенно слушая пение птиц.

– Чет? Ты что-то скрываешь? О каких видениях шла речь? Это касается тебя? – не выдержала супруга, отклоняясь и заглядывая мужу в лицо.

– Скрываю. Чужие тайны, – лениво откликнулся дракон, снова притискивая ее к себе. – Постой так. Ты такая уютная, Светка, что я прямо сейчас засну.

– Ничего страшного? – проговорила немного успокоившаяся Светлана.

– Угу, – промычал Владыка с закрытыми глазами, прижимаясь к ней.

– У него в ухе ведь серьга Каролины? Ты расскажешь, что произошло?

– Угу, – повторил Четери. Сжал ее там, куда дотянулся, удовлетворенно хмыкнул. – Что могу, расскажу. Сейчас пойдем в купальню, ты будешь меня мыть и гладить, а я – говорить. Устал я, как скаковой конь, и несет от меня так же.

Света уткнулась носом ему в грудь и с удовольствием вдохнула.

– Ты вкусный. И красивый. И смешной.

– Хвали меня, женщина, хвали, – самодовольно сказал Чет, улыбаясь ей в макушку. – И я буду, как прежде, есть у тебя из рук.

Через несколько минут в купальне он очень осторожно – чтобы не поскользнулась и не испугалась – помог Свете опуститься с ним в теплую воду бассейна для омовений и, закрыв глаза, подождал, пока жена распустит ему косу, а затем начнет мыть волосы. И, чувствуя себя совершенно счастливым, рассказал про раскрывшийся дар юной Каролины и про то, что пришлось ей остаться в Пьентане у императора.

Он почти задремал там, под ласковыми руками жены. Вспоминался ему сегодняшний день и то, как пригласил его император прогуляться вокруг пруда. И когда они шли по вымощенной черными камнями дорожке, усыпанной белыми лепестками карликовых вишен, император тихо и спокойно сказал спутнику:

– Ты должен знать, что, когда я считывал видения юной тамиянь, я узрел твою смерть, Владыка. Ты был страшно изранен, и сердце твое уже не билось.

– Я видел это на рисунке девочки утром, – ответил Четери. – Но она не нарисовала моего врага. Не рассмотрел ли ты его, светлый император?

Хань Ши покачал головой. Остановился, склонился, притянув к себе зеленую ветку, покрытую нежными крошечными соцветиями, и глубоко вдохнул цветочный запах, с печалью глядя на Четери.

– Это было бы полезно, но не так важно, – проговорил Мастер спокойно. – Ведь в любом бою самый главный соперник – это я сам. Себя надо преодолевать, тогда никакой враг не страшен.

– Как же радуется мое сердце общению с тобой, – умиротворенно проговорил император.

– Только ли для этого ты позвал меня посмотреть на вишни? – усмехнулся дракон.

– Нет, – качнул головой старый тигр. – Есть у меня к тебе просьба. Удержи моего внука в Тафии, пока не закончится война. Я прошу не за Вея-послушника, Вея-ученика, а за будущего императора Йеллоувиня. Не только твою смерть я видел, но и свою, и ее же, на беду, увидел и Вей Ши. Он молод и порывист, и вижу я в его мыслях задумку уйти на поле боя, чтобы помочь. Он послушен мне, но горячее сердце его может перевесить.

– Прости меня, светлый император, – грубовато сказал Чет, – но любовь твоя заставляет стелить ему под ноги перину. Ты не нанял меня нянькой, и маслом мазать я его не стану, ибо выпекаю не сдобу, а воина. Мне понятно твое беспокойство, но он не мальчик уже, а мужчина, и решения принимать будет сам. Но могу тебя успокоить, хоть и претит мне это: вы с тысячекратным излишком вложили в него осознание собственной значимости, и это остановит его лучше моих запретов.

Хань Ши вздохнул.

– Я знаю своего внука. Красная кровь застит ему разум, склоняет к неразумным порывам.

– Красной крови в его отце больше, чем в нем, а в тебе – еще больше, – заметил дракон. – Но разве вы перестали от этого быть истинными детьми Разума? Не красная кровь сделала Вея таким, какой он есть. Ты знаешь Владычицу Ангелину: она больше огонь, чем сам огонь. Во внуке твоём по сравнению с ней и нет огня, однако она не презирает людей, почти никогда не поддается ярости, хотя ярость является ее сутью, а разумностью может поспорить и с тобой. Такой ее воспитали, таким вы воспитали его.

– Ты прав, дракон, – мелодично и утомленно проговорил Хань Ши. – Но все же я прошу тебя запретить ему.

Четери покачал головой.

– Не гневайся, пресветлый император. Ты просишь меня запретить мужчине быть мужчиной, воину быть воином. Ты отдал мне своего внука, чтобы я выпрямил его, но уже пытаешься управлять мною, чтобы защитить его от решений. Вот что я тебе скажу: готовься спокойно к своей судьбе и дай Вей Ши пройти свою. Не пытайся оградить его от нее, судьба все равно свое возьмет, разве тебе это неизвестно?

Император некоторое время молча шел рядом.

– Можно быть мудрейшим и опытнейшим, – произнес он тихо и смиренно, – но вся мудрость наша и выдержка уходят, когда идет речь о тех, кого мы любим. И опять скажу: ты прав, Мастер. Вей – моя слабость. Мне не страшна смерть, но тяжело, что не увижу я, как внук мой войдет во славу, как жен себе возьмет и приумножит дом Ши.

– Все можно изменить, – напомнил Чет. – И смерть тоже.

Император с тонкой улыбкой глядел в сочное лазурное небо. Лепестки вишен скользили по черным камням дорожки.

– Но не все нужно, Владыка. Есть то, что должно случиться. Пусть будет так.

* * *

Ангелина, оставив Нории отдыхать, после ужина зашла в комнаты Каролины и с тяжелым сердцем осмотрела спальню. По ней словно прошелся творческий вихрь – с набросками, приколотыми к шторам, с разноцветными платьями, раскиданными по кровати, креслам и полу: Каролина очень огорчалась, когда покои убирали не в ее присутствии, и говорила, что потом ничего не может найти, а служанки старались угодить ей. На столике у зеркала, вываливаясь из тяжелых больших шкатулок, лежали украшения и косметика, перемешанные с карандашами, мелками и листами с зарисовками.

Каролина могла по многу дней проводить в Тафии, но Ани все равно ощущала, что она рядом, с ней. А сейчас в груди было пусто и тяжело. Так же тяжело было оставлять Василину в поместье Бай-дек, когда они уезжали, так же трудно было отпускать Марину, а потом и Полину, и Алину учиться. Сестры одна за другой вылетали из-под ее крыла, и каждый раз это было больно, хотя Ани и не показывала этого и прежде всего руководствовалась разумностью и необходимостью. Теперь пришел черед и младшей сестры.

Владычица погладила тяжелые жемчужные серьги, небрежно кинутые на шелковое покрывало меж платьев, и вспомнила серьгу с бирюзой, ныне украшающую ухо наследника йеллоувиньского престола. Ани не сомневалась, что Желтый дом приложит все усилия, дабы убедить Каролину в привлекательности брака с будущим императором. И такой союз, если смотреть с практической точки зрения, был бы очень выгоден и Рудлогу, и Пескам. Но решение должно приниматься самой Каролиной. А как обеспечить независимость ее суждений и защитить от ненужного влияния? Отец слишком мягок для противостояния желтым интриганам, а Каролина сейчас в том возрасте, когда легко очаровываются и легко поддаются авторитетам.

Выходя из комнаты, где через некоторое время начнут собирать вещи для отправки в Пьентан, Ангелина уже знала, что нужно сделать. Она вернется в Истаил и напишет письмо Мариану, чтобы заручиться его согласием и поддержкой, пока нет Василины. Хотя нет, ради такого серьезного дела она наведается в Теранови, дабы иметь возможность поговорить с зятем по телефону.

Каролине, как принцессе Красного дома, необходимо достойное окружение и сопровождение из девушек ее возраста и дам постарше. И кто лучше подойдет на роль наставницы младшей сестры, как не Марья Васильевна Сенина, которая прекрасно зарекомендовала себя еще

при матери, а потом – при сопровождении Полины? Настоящая придворная акула, в интригах смыслящая побольше самой Ангелины. Она и от давления защитит, и проследит за учебой, и будет всю информацию предоставлять Василине и, конечно же, ей, Ангелине.

Одна проблема: статс-дама, возможно, и не захочет менять почетную и важную должность во дворце на сады далекого Пьентана. Значит, придется придумать, чем ее убедить.

Ангелина с Нории вернулись в Истаил утром девятого апреля. В Теранови было решено отправиться на следующий день, а пока Владыка и Владычица с головой погрузились в накопившиеся дела. Письмо Марине так и не было отправлено – в этом не было смысла, раз завтра будет доступен телефон.

Но к вечеру из посольства в Теранови прилетел гонец с двумя известиями, которые снова напомнили Ани: сколько бы она ни провела в Песках, чувство вины и сожаления, что она сейчас не с сестрами, всегда будет преследовать ее.

Одно известие было о смерти герцога Дармоншира, случившейся накануне. Оно ввело Ангелину в тяжелое сожаление и беспокойство о Марине, а Нории – в глубокую печаль, от которой потемнело небо и пошел холодный косой дождь.

Во втором говорилось об утреннем возвращении Василины и закрытии портала на Севере. И о том, что на нее снова было совершено покушение.

Глава 6

*Десятое апреля, Рудлог,
Иоаннесбург, Королевский дворец
Следующее утро после
возвращения королевы и покушения*

В это утро Мариан Байдек пропустил и зарядку, и построение. Ночью он несколько раз просыпался, чтобы убедиться – да, вот она, его жена, лежит рядом, как прежде, цела и невредима. Ругал себя последними словами, обхватывая ее поверх спящей между ними Мартины, и снова засыпал, согревшись, счастливый и тревожный. С другого бока к Василине жались мальчишки – в эту ночь дети спали с ними, потому что вчера не сумели успокоиться и отпустить маму. И хорошо, что кровать была достаточно широкой, чтобы все поместились.

Но когда часы показали половину восьмого, на столике у кровати пикинул телефон – пришло сообщение. Байдек протянул руку, прочитал его и зашевелился, аккуратно пытаясь отодвинуться от супруги, чтобы не разбудить ее и детей.

– Уходишь? – сонно пробормотала она, подгребая к себе задержавшую ножками Мартину.

– Нужно, – прошептал он. – Ты спи, василек. Я дойду до Тандаджи, пообщаюсь с ним и вернусь.

Выходя, он кинул взгляд на Василину в окружении детей – и сердце его на секунду кольнуло сожалением. Такой, уютной и спокойной, могла быть их жизнь в поместье. Без покушений, уходов жены туда, где он не в силах ей помочь, и ее огненной силы, с которой ей тоже приходилось справляться самостоятельно.

В камине гостиной, как и прежде, горел огонь, и Байдек, налив в опустевшую за ночь плошку можжевелевого масла, поставил ее перед нагретыми изразцами.

– Охраняй, – сказал он тихо.

– Конечеченно! – прогудело пламя так самодовольно, что принц-консорт усмехнулся. Из камина показалась усатая гепардова морда, слизнула масло, зевнула: – Кто-о-о лучший охранник?

– Ты, ты, – заслуженно похвалил его Мариан.

– Я-а-а! – горделиво подтвердил Ясница и скрылся в огне.

* * *

Наутро после покушения на королеву в разведуправлении царила тишина и атмосфера потрясающей работоспособности. Даже весенние отогревшиеся мухи опасались жужжать и безмолвно ползали по папкам с бумагами, телефонам и притихшим сотрудникам.

Разноса, подобного тому, что устроил начальник подчиненным, отвечавшим за отработку заговорщиков, в Зеленом крыле припомнить не могли. Впрочем, и того, чтобы его высочество Мариан Байдек был настолько зол: все Управление слышало, как он, быстрым шагом просле-

довавший в кабинет полковника вечером через пару часов после покушения, выговаривал, срываясь на рык, что у того тут заговорщики пешком ходят, контакты не отработаны и не просчитана элементарная раскладка действий противника.

«Виноват, ваше высочество, – то и дело раздавался ровный голос Тандаджи. – Мое упущение, ваше высочество».

Принц-консорт, после очередного «виноват» зарывавший уже натурально, хлопнул дверью и удалился, хмурясь и бросая тяжелые взгляды на любопытствующих.

В шесть утра тидусс собрал по итогам первых следственных действий совещание, которое больше напоминало экзекуцию. Когда за последним из присутствующих захлопнулась дверь, Тандаджи, красными от недосыпа глазами полюбовавшись занимающимся над парком рассветом, достал из стола стопку бумаги. На одном из листов он написал «Заявление об увольнении», а на втором «Отчет о следственных действиях». Поколебался и подвинул к себе «Заявление».

Но стоило ему вывести первые полные раскаяния и самоуничтожения строки, как дверь открылась, и в кабинет вошел принц-консорт Мариан Байдек. Сел в кресло и бросил взгляд на лист, над которым замерла рука полковника с зажатой в пальцах ручкой.

– Опять балуешься? – сказал его высочество сдержанно, ослабляя воротник.

Тандаджи промолчал, откинувшись на спинку кресла и едва заметно подняв брови. Байдек поморщился.

– Обиделся? – проворчал он. – Нежный какой. Прекращай. Я был неправ, Майло. Мои люди так же виноваты, как твои. Да и ведомство Игоря Ивановича подкачало. Его сотрудники не отработали убежище заговорщиков в Блакории, твои упустили контакты персонала, а мои и вовсе пропустили взрывчатку в здание. Мог бы мне это вчера сказать, а не слушать с таким видом, будто я тебе отходную читаю.

– Если бы я тебе это сказал, ты бы меня съел, – невозмутимо отозвался начальник разведуправления. Но ручку отложил.

– Не смешно, – буркнул принц-консорт. Оценил общую тидуссову потрепанность. – Ты вообще спал сегодня?

– Нет. – Тандаджи выдвинул ящик и достал мешочек, явно пахнувший дурман-травой. Байдек принялся и едва заметно покачал головой, наблюдая, как собеседник споро крутит из куска разорванного заявления об увольнении пухлую самокрутку и поджигает ее. Полковник затаился пару раз, выпустил дым – и лицо его расслабилось.

– Не замечал за тобой склонности к театральным эффектам, – проговорил принц-консорт.

– Возможно, я слишком много общался с Кембритчем, – согласился Тандаджи, благодушно улыбаясь, и только взгляд его потяжелел.

Они помолчали. Известие о смерти Дармоншира пришло вчера в разгар расследования, и Тандаджи, как и Байдеку, было нелегко принять его. И сейчас вместе с запахом дурман-травы по кабинету потекло сожаление. Заявление тлело, начальник разведуправления попыхивал самокруткой.

– Что там с задержанным? – нарушил тишину Мариан.

– Темный, который оказался нашим старым знакомым, – сообщил Тандаджи, опять сверкая белоснежными зубами. Байдек мрачно взглянул на него, и улыбка полковника стала еще шире.

– Как узнали?

– Съездили к Дорофее, показали его фотографию герцогине Симоновой, которая видела часть заговорщиков, – объяснил тидусс. – Она и опознала. Именно он вербовал ее тогда, когда Симонова должна была выманить к ним ректора Свидерского и ее высочество Марину. Он же провел принцессу к заговорщикам, когда она... поддалась эмоциям и сбежала.

– Попался, значит, – с удовлетворением проговорил Байдек, чуть поморщившись при напоминании о Маринином безрассудстве. – Молчит?

– Заговорит, – пообещал Тандаджи весело. – Если понадобится, я его сам «Смыком» разговорю.

Полковник одно за другим потер запястья, переломанные после личного знакомства агента Тандаджи с аппаратом «Смык-181» в доме Смитсена, и снова затянулся. Байдек несколько раз при допросах преступников сталкивался с этим прибором, вызывающим у человека чудовищный страх, поэтому понимающе качнул головой.

– Менталисты с задержанным работали?

– Он темный, – напомнил тидусс, и принц-консорт досадливо постучал пальцами по столу. – Менталистов и магов к нему подпускать не стану, не дай боги выпьет, но снаружи у камеры дежурят сильнейшие боевые маги Управления под щитами и несколько служителей Триединого. Его Священство согласился прислать нам помощь, чтобы блокировать возможный темный срыв. Но, памятуя о том, что случилось семь лет назад, безопаснее ликвидировать, – закончил полковник все с той же благодушной улыбкой.

– Согласен, но, если мы его не заставим говорить, за ним придут другие, – возразил принц-консорт тяжело. – И рано или поздно они добьются цели. Потому что идеальной защиты не существует. Тем более когда на стороне заговорщиков маг такой силы, как Черныш. Но я, собственно, не только извиниться зашел. Стрелковский здесь?

– Где же ему еще быть? – Тандаджи докурил и теперь встал, чтобы открыть окно.

– Тогда зови его в операторскую, сейчас посмотрим видео. – Байдек достал из кармана длинный кристаллический накопитель. – Мои ребята наконец смогли восстановить записи. Думали, уже не выйдет, так сбоили кристаллы после взрыва, но нет, даже звук есть. В этот накопитель свели информацию со всех камер, которые не сгорели.

Тандаджи уже с привычным каменным лицом повернулся от окна и подошел к телефону.

– Игорь, – сказал он в трубку, – запись взрыва есть. Иди в операторскую.

В операторской, или информационном центре Управления работали с фото-, аудио- и видеоматериалами, поступающими от агентов и других источников как внутри страны, так и из-за границы. Часто из-за экстремальных условий записи эти материалы были такого качества, что без обработки и восстановления сотрудниками информационного центра не читались. В службе охраны, возглавляемой Бай-деком, была своя операторская – и так как лазарет относился к дворцовому комплексу, то ключи от камер слежения, шифры записывающих кристаллов и мониторы, на которых охране транслировалось происходящее, тоже находились в ведомстве принца-консорта. Поэтому и расшифровкой занимались специалисты охраны, а не Управления.

Хотя Тандаджи и планировал накануне запросить у гвардейского корпуса передачу кристаллов-накопителей своим операторам, лезть под горячую руку Мариана, который только что чуть не потерял вернувшуюся жену, он не стал, отложив вопрос на утро. И это оказалось верным решением – его высочество сам принес записи.

Байдек и Тандаджи прошли в большой информационный центр, напоминающий белый аквариум со множеством стекол: такое впечатление производили большие экраны эмагкинов по периметру, у которых, разделенные звукопоглощающими перегородками, сидели операторы, просматривая видео; большинство из них были в наушниках. Там уже ждал Стрелковский. Один из операторов вставил переданный принцем-консортом длинный кристалл в небольшой отсек-считыватель эмагкина на клавиатуре – магтехнологии во всей красе, – набрал несколько символов, и на экране высветился белый коридор лазарета за несколько минут до взрыва.

Мимо пустующих палат шла молоденькая санитарка – простовато улыбаясь встречным, перебрасываясь короткими фразами с коллегами. В зеленом халате, шапочке, с вышитым именем на груди, с тележкой, на которой стопкой были сложены полотенца, бруски мыла, флакончики с шампунем и с десяток свечей в прозрачных стаканах. Вот ее показали со спины: впереди, в конце коридора, у дверей в палату королевы стояла охрана, а санитарка подходила к посту старшей сестры, расположенному посередине.

– Громче звук, – попросил Стрелковский, и оператор выкрутил громкость.

– Не помешаю я там, Лариса Павловна? – тихо спросила подошедшая.

– Нет, Оленька, ты как раз вовремя, – ответила сестра, – его высочество с детьми только что ушел. Полчаса у тебя есть.

– А свечи в палату зачем, не знаете?

Старшая поколебалась и склонилась над стойкой.

– На смену. Принц-консорт несколько с собой принес, в палате зажег, – едва слышно поделилась она. – Приказал менять, так уже почти все прогорели. Катя, медсестра, говорила, что видела, как королева руки над свечами держит и улыбается, а вокруг пальцев так и полыхает, словно они бензином облиты! И бабочки по палате огненные летают! Это что, говорят, во дворце их каждый день видят! И саламандры по стенам бегают, и даже птицы огненные летают!

– Чудеса, – выдохнула санитарка; на глуповатом лице ее разлился восторг. – Пойду я, может, тоже увижу, а?

Из ординаторской на шум голосов вышел врач, строго взглянул в сторону поста, и женщины отпрянули друг от друга. Доктор, поправив очки, шагнул обратно.

Санитарка, поглядывая на гвардейцев, катила тележку к палате королевы, охранники смотрели на нее с каменными лицами. А когда до них осталось шагов пятнадцать, из-под двери вдруг скользнула пламенная широкая лента, закрутившись вихрем и обратившись в огнедуха Ясницу.

Охранники напряглись, но с места не двинулись. Огнедуха они знали – тот каждое утро, если не было дождя, приходил на зарядку с капитаном Байдеком, да и днем постоянно следовал за ним.

Гепард зевнул, с интересом глядя на тележку, затем шагнул-метнулся к ней, обтек вместе с замершей девушкой, едва не касаясь ее. Санитарка вцепилась в ручку тележки и замерла.

– Ф-фу, вода, – прогудел Ясница, ткнувшись под тележку, в ведро, стоящее на нижнем ярусе. – О-о-о, свечи! Люблю-у-у свечи-и-и. – Он обнюхивал лежащее сверху. Затем сел перед тележкой, задрал лапу и неприлично лизнув ее. – Ма-а-ало везешь. Быстро-о сгоря-а-ат!

Он протянул пылающий коготь и коснулся одной из свечей. Фитилек сразу занялся, воск в стакане мгновенно расплавился.

– А что еще-е-е есть? – с любопытством спросил он.

– Мальчики, – жалобно позвала Оленька, – а можно его как-то прогнать?

– Заче-е-ем меня-я прогоня-а-ать?! – возмутился огнедух, снова мягкой петлей обтекая и тележку, и санитарку. – А поговори-и-ить? Дава-а-ай в зага-а-адки поигра-а-аем? Ответишь пра-а-авильно – пропущу-у-у!

– Я его боюсь! – Служащая умоляюще посмотрела на охранников, и те неохотно зашевелились.

– Капитану позвонить? – буркнул один из них второму, старшему.

– Подожди, договоримся, – ответил тот. – Он не тронет. Уважаемый Ясница, – гвардеец шагнул вперед, – не пугайте девушку, пропустите. Иначе придется звать его высочество.

– Я-а-а уважа-а-аемый, – с удовольствием зевнул огнедух. – Я-а-а почте-е-енный! Не-е на-а-адо зва-а-а-ать! Я-а-а не пугаю-у-у, а играю-у-у. Ну-у-у, краса-а-а-авица-а-а, – тут в голосе гепарда послышалось отчетливое ехидство, – отве-е-етишь?

– Да ответьте ему, – посоветовал старший сочувственно. – Он и отвяжется.

– Ф-фр-р, как невежливо, – зафырчал Ясница.

Санитарка тяжело потерла глаза ладонью.

– Зага-а-адка, – прогудел Ясница. – Что ты такое вкусное везе-е-ешь, краса-а-авица?

Девушка замерла.

– У меня нет еды, – неуверенно сказала она.

– А для меня-а-а е-е-есть! – рявкнул огнедух и, рванувшись вперед, распахнул пасть, заглотив горку мыла вместе с частью тележки. Санитарка, охнув, бросилась назад к посту – и тут гепард вдруг беззвучно разбух клубами пламени до ширины коридора. На экране видна была его искажившаяся увеличившаяся морда, расплюснутая об стену, распахнутая огромная пасть, из которой вырвался взрывной столб пламени, нагнавший санитарку и сбивший ее с ног. Засверкали вокруг девушки щиты, которых не могло на ней быть, полопались – и, когда огонь отступил, на полу остался корчиться мужчина, сбивая огонь с надетого на нем горящего халата санитарки Оленьки.

– Вку-у-усно! – прогудел Ясница, вернувшись в обычный размер, и закашлялся – с каждым кашлем у него из пасти стреляли язычки пламени. – Но мно-о-ого, – прохрипел он, – сильный порох теперь ста-а-ал!

Огневик прыгнул к мужчине в горячей одежде – тот уже не шевелился, потеряв сознание, – провел над ним лапой, и пламя впиталось в нее.

Охранники, которых чуть не задело увеличившейся задницей огнедуха, вжавшись в стену, держались за красные лица – видно, жаром полыхнуло неслабо. Один из них кое-как снял с пояса рацию и быстро заговорил в нее – вызывал Байдека. На стенах коридора копотью отпечатались искаженная морда Ясницы и след огромной лапы.

Через несколько секунд в коридор ворвались гвардейцы, среди них – несколько боевых магов; мужчину лицом вниз погрузили на носилки и под охраной потащили прочь: в Зеленом крыле была камера с медицинским оборудованием. Ясница, горделиво прохаживающийся туда-сюда, лег у дверей в палату королевы и начал вылизывать лапу.

Открылась дверь, оттуда наконец выглянула привлеченная шумом Василина – в простом платье, в тапочках – и в изумлении прижала руку к груди. Охранник, кривясь от боли, что-то сказал ей – видимо, просил вернуться в палату, потому что она кивнула и скрылась. Подошли еще гвардейцы, сменили пострадавших – тех приняли врачи, – быстрым шагом прошел к палате жены Байдек, и через минуту королева в окружении гвардии покинула лазарет.

Запись оборвалась и началась снова.

– Лескова Ольга, двадцати двух лет от роду, – проговорил Тандаджи; на экране санитарка опять катила тележку по коридору, – на работу была принята полгода назад по королевской программе трудоустройства сирот. Работала то во вторую, то в ночную смену, по утрам училась, в этом году должна была закончить медицинский колледж. Соседок по общежитию уже опросили. Собиралась идти в мед-службу на фронт, горела этим, но с месяц назад передумала. Стала пропадать, не выходила на учебу, обзавелась деньгами. Как-то обмолвилась, что у нее появился мужчина, а две недели назад и вовсе написала заявление на академический отпуск с сохранением места в общежитии. Но после этого в комнате больше не появлялась и на звонки соседок не отвечала. Однако на работу выходила исправно.

Его слушали внимательно – пусть каждое ведомство проводило профильное расследование, но вся информация стекалась к Тандаджи, и основная следственная работа легла именно на внутреннюю разведку.

– Персонал лазарета описывает ее как трудолюбивую и исполнительную работницу, медлительную и не очень сообразительную, но чистоплотную и вежливую, – продолжал тидусс. – Никаких нареканий за время работы не было. Личное дело чистое. Ни капли магических способностей. Все возможные проверки Лесковой были пройдены, получены допуски под щиты дворцового комплекса, подписан магдаговор, который в случае покушения сразу же ликвиди-

ровал бы ее. Как мы видим, задержанный жив, следовательно, кровный договор подписывала лично Лескова и она же получала допуски под щиты.

– Значит, в какой-то момент санитарку Лескову сменил темный под ее личиной, – пробормотал Байдек.

– Львовский Константин Генрихович, – сухо уточнил Тандаджи, заложив руки за спину. – Родился в Рудлоге, в юности вместе с семьей переехал в Блакорию к деду по материнской линии. Блестяще закончил Высшую Блакорийскую магическую школу двадцать лет назад. Чуть больше восьми лет назад внезапно уволился из блакорийской армии, где служил боевым магом и делал прекрасную карьеру, и пропал. Вёсенцев, – обратился он к оператору, – сделай громче. Слышите акцент?

На экране санитарка шушукалась со старшей медсестрой, и сейчас, при усилении звука, в речи девушки стал заметен легкий блакорийский выговор.

– А сама Лескова по-рудложски говорила чисто. Мы опросили персонал, но никто не обратил внимания, что у коллеги поменялась манера речи. Люди удивительно невнимательны.

– Львовский уволился восемь лет назад? – хмуро переспросил Стрелковский. – Где-то за полгода до переворота?

– Да-да, – подтвердил Тандаджи невозмутимо. – Ты в правильном направлении думаешь.

– Какое это имеет отношение к покушению? – Принц-консорт нетерпеливо взглянул на часы, и полковники обменялись быстрыми понимающими взглядами. У всех есть слабое место, и у истинного служивого Байдека тоже.

– Мои люди отработали контакты Романа Соболевского. Мага, который этой осенью организовал серию покушений на ее величество Василину и был обезглавлен лордом Троттом, – напомнил Стрелковский Мариану. – И я поднял свои старые наработки по Смитсену. Темному, – голос его охрип, – который устроил революцию почти восемь лет назад и убил ее величество Ирину-Иоанну.

Игорь Иванович закашлялся и, поморщившись, отвернулся. Несколько раз шумно вдохнул воздух и продолжил:

– Они оба отлично зачищали следы, контакты и биографию, но кое-что ухватить удалось. Соболевский тоже внезапно ушел с работы в корпорации «Рудложское золото» примерно восемь лет назад, как наш задержанный – из армии. Только Соболевский проявился спустя два года после переворота уже как финансовый консультант в Иоаннесбурге, а Львовский пропал надолго и всплыл только в истории с герцогиней Симоновой и ее высочеством Мариной. И хотя связи между Соболевским и Львовским мы не смогли найти, совпадение слишком очевидно, чтобы быть случайным. Особенно если учесть, что в то же время восемь лет назад по всему миру ушли в тень еще несколько десятков человек, которые имели в предках темных и до этого жили как обычные граждане. И это только те, о которых удалось узнать, разработав контакты Смитсена и Соболевского.

– То есть вы полагаете, что Львовский – один из тех темных, которых в свое время инициировал и взял под свое крыло Смит-сен? – уточнил Байдек.

– Скорее всего, – кивнул Тандаджи. – А точно мы скоро узнаем от самого Львовского. Как мы видим, – он кивнул на девушку на экране, – с каждым разом их методы все изощреннее. Сейчас они воспользовались личиной санитарки. А завтра захватят кого-то из министров, часто встречающихся с ее величеством, а мы не сможем это вовремя вычислить.

– Я понимаю, как можно скопировать внешность. Но допуски? – с сомнением пробормотал Байдек. – Все-таки вероятнее, что Львовский сам подписал договор, уже находясь под личиной девушки, и получил допуски под щиты.

– Нет, если только он не способен одновременно находиться в двух местах, – ответил Тандаджи невозмутимо. – Установлено, что в тот день, когда задержанный шантажировал герцогиню Катерину Симонову, Ольга Лескова работала в лазарете.

Мариан покачал головой. Его тревожило только одно – как не дать повториться покушению.

– Тогда нужно выяснить, почему личина не слетела при проходе через ворота и как получены допуски. Иначе все наши щиты – бесполезная трата стихийной энергии.

– Личина держалась на амулете, – Тандаджи ткнул пальцем в шею санитарки на экране, – наши магэксперты сейчас исследуют его. Но, полагаю, если амулет делал Данзан Оюнович Черныш, то его силы бы хватило, чтобы преодолевать ворота без разоблачения. А вот с допусками сложнее. Уверен, – его голос стал чуть едким, – господин Львовский будет так любезен, что прольет свет и на этот вопрос.

На записи вокруг тележки вился звезда вечера – Ясница, и тидусс повернулся к Байдеку.

– Удалось расспросить твоего подопечного?

Байдек едва заметно усмехнулся – Ясницу как основного свидетеля опрашивали в начале следствия, и огневик очень гордился этим.

– Сказал, что учуял еду. Для них чем огнеопаснее, тем вкуснее и питательнее. Вышел посмотреть, увидел «еду», спрятанную в кусках мыла, унюхал, что девушка пахнет мужчиной, и понял: что-то неладно.

– Экспертиза взрывчатки готова? – вмешался Стрелковский.

– Работают, – отозвался Тандаджи. – В предварительном заключении речь про тот же орвекс, который ты первым обнаружил в цехах в Тидуссе.

– Как только удалось пронести такое количество, – пробормотал Байдек. – Судя по силе взрыва, не меньше двухсот грамм.

– На это я могу ответить. – Тандаджи смотрел на экран, где Ясница вылизывал себе лапу. – Вещи Лесковой обыскали. Она носила с собой еду в широком термосе со стальной колбой. А внутри – двойное дно, куда в слое густого крема помещался кусок мыла в целлофане, с прослойкой взрывчатки. Сканеры воспринимали его как термопрокладку. Если бы не знали, что нужно искать тайник, не нашли бы. Она проносила взрывчатку с собой, складывала куски мыла в двадцатилитровую емкость с мылом жидким. Взрыватель пронесла как часть заколки на волосы. Остальное – мобильный телефон и пара проводков. Идеально, – заключил он с удовольствием. – Нам бы его завербовать, да, Игорь Иванович?

Игорь усмехнулся. Он тоже умел оценить мастерство противника. А вот Байдек был попроще и любование действиями заговорщика не разделял.

– Итак, что мы имеем на данный момент? – сухо проговорил он. – Львовский вступил в контакт с санитаркой, каким-то образом сумел перенастроить на себя допуски и день за днем носил сюда взрывчатку, ожидая появления ее величества? Не слишком ли он полагался на случайность? Моя супруга, слава богам, отличается завидным здоровьем. И никто ее вчерашнего появления предвидеть не мог. Если только у заговорщиков нет прорицателя.

– Зачем ждать? – невозмутимо откликнулся Тандаджи. – И прорицатель тут ни к чему. Основной задачей, как я полагаю, было доставить под щиты взрывчатку. А затем достаточно было прямо на дворцовой территории сменить амулет и внешность Лесковой на внешность кого-то из придворных и попасть во дворец. То, что ее величество вчера вернулась и оказалась в лазарете – удачное стечение обстоятельств, которым Львовский решил воспользоваться.

Мариан поморщился.

– Подумать только, – сказал он с глухой злостью, – страна с двух сторон в войне, гибнут тысячи людей, и только Василина может закрыть порталы. А этим вырождакам война нипочем, они как преследовали свои цели, так и преследуют.

Его собеседники помолчали – этот выплеск эмоций комментариев не требовал. На экране полыхнуло, показалась кривая огромная морда Ясницы, вырвался из его пасти столб огня.

– Львовский способен говорить после такого? – спросил принц-консорт, глядя, как горит одежда на заговорщике. – Раз к нему нельзя допускать ни менталистов, ни виталистов, то достаточно ли простой медицинской помощи?

– Вчера его обезболили, очистили раны, обработали их, – пояснил тидусс. – Был в сознании, вел себя спокойно, не дерзил, но говорить отказался категорически. Его состояние мониторят, ночью провели осмотр, врач доложил, что он удивительно быстро регенерирует.

– Не бойтесь допускать врачей?

Тандаджи едва заметно пожал плечами.

– Мы все рискуем, Мариан, сам знаешь, работа у нас такая. Врачи Управления понимают, что работают с преступниками. Естественно, уже имея опыт задержания Смитсена, который разрушил нашу защиту, словно картонную, мы перестраховались как могли: Львовский обездвижен, помещен в специально подготовленную для темных камеру с усиленными стенами и двойными дверями, в которую при необходимости можно пустить газ. Вдобавок, пока Львовский был без сознания, над ним провел стабилизирующий ритуал служитель Триединого. То есть неосознанно он выпить никого не сможет, а вот что касается осознанной подпитки – тут мы слишком мало знаем о возможностях темных. Поэтому и не допускаем к нему магов. Если выпьет кого-то из врачей, следователей или агентов, будет прискорбно, но малое количество энергии ему не поможет выбраться.

Запись остановилась.

– Еще раз, господин полковник? – воодушевленно спросил оператор. Недавно принятый на постоянную работу из стажеров, с торчащими волосами, долговязый и молоденький, он явно хотел еще раз увидеть огнедуха, раздувшегося до стен, как фигурный воздушный шарик.

– Достаточно, – проговорил Тандаджи. – Сделайте копии, Весенцев, исходный накопитель нужно вернуть в службу охраны ее величества.

– Так точно, – разочарованно пробормотал оператор и потянулся за чистыми кристаллами-накопителями, что стояли тут же, в «сотах».

Они не успели дойти до кабинета, когда Тандаджи позвонили с тюремного этажа и доложили, что задержанный пришел в себя после медицинского сна. И первое, что он сказал, – что готов говорить.

Господа полковники и принц-консорт спустились на подземный этаж, где, помимо Львовского, в камерах находились и задержанные иномиряне (в том числе тха-нор, с которым в данный момент работала Люджина), и те, кто участвовал в заговоре Соболевского, раскрытого еще Кембритчем, и многие другие, чья судьба была незавидна и печальна.

Через широкое смотровое окно, усиленное магическим щитом, было прекрасно видно камеру, а у стекла расположился наблюдательный пункт с системой управления дверями, вентиляцией и прочими функциями.

Темный лежал лицом вниз на медицинской койке. Руки и ноги его были пристегнуты к койке наручниками, спину залили оранжевой восстановительной пеной, к вене вела капельница. Там, где пена впиталась, виднелись страшные ожоги. Но уже подживающие, хотя у обычных людей сейчас шла бы стадия омертвления и интоксикации. Он не спал. Зеленые глаза болезненно и равнодушно смотрели в сторону стекла.

Тандаджи нажал кнопку на панели и склонился над микрофоном.

– Доброе утро, господин Львовский, – проговорил он, и задержанный дернулся, лицо его тут же искривилось от боли. – Полковник Тандаджи. Мне сообщили, что вы передумали за ночь и готовы добровольно пообщаться со следствием.

Глаза темного остановились на стекле. Он помолчал. Сглотнул и облизал сухие потрескавшиеся губы.

– Я хочу пить.

– Конечно, – ласково сказал Тандаджи. – Во время разговора и попитье.

– Нельзя, – прошелестел Львовский, тяжело дыша. – Нельзя. Я проклят. Только капельница.

– Все зависит от вашей сговорчивости, – подтвердил тидусс.

Темный несколько раз судорожно дернулся, с хрипами, – смеялся.

– Вы всё мне дадите, даже если я буду молчать. Вам не нужна моя смерть.

– Жизнь может быть хуже смерти. Болезненное так точно, – равнодушно проговорил Тандаджи.

– Да-а, – снова засипел-засмеялся заговорщик. – Но я все равно не расскажу вам много. На мне блоки, которые могут снять всего несколько человек в мире. Вы о нас ничего не узнаете. Как это я попался, а? Все было продумано идеально...

– И вы нам про это расскажете, – подсказал Тандаджи. И вдруг, обернувшись на звук поспешных шагов, склонился в поклоне, как и Стрелковский.

По тюремному коридору мимо камер к смотровому стеклу шла ее величество Василина Рудлог, одетая в светлые брюки и мягкий свитер под горло, с волосами, просто забранными в хвост. Лицо ее было немного сонным. За ней следовали бледные гвардейцы.

– Полковник Тандаджи, полковник Стрелковский, – приветственно кивнула она.

Байдек шагнул навстречу, взглядом размазав подчиненных по стенке, и Василина мягко взяла его за руку.

– Не ругай их, – шепнула едва слышно, – я запретила им звонить тебе. Ты был бы против.

– Я против, – подтвердил он сдержанно. – Я провожу тебя обратно.

Господа полковники, как и сотрудники наблюдательного пункта, и охрана камеры, застыли со склоненными головами, готовые к семейной сцене.

– Хорошо, – сказала она так же тихо. – Только дай мне взглянуть на него. Я хочу увидеть человека, который хотел меня убить. Понимаешь? Это как посмотреть в лицо своему страху.

– Да, – коротко и тоже почти неслышно проговорил принц-консорт. – Но ты будешь говорить мне о таких желаниях, Василина.

– Да, – повторила она, слабо улыбаясь ему, и он не выдержал – поднес ее руку к губам, поцеловал с нежностью, прикрыв глаза и чувствуя, как дрожат уже его руки.

Окружающие продолжали делать вид, что их здесь нет.

– Она здесь? – раздался искаженный динамиком голос Львовского. – Королева? Я чувствую... чувствую ее ауру, как в лазарете... Столько силы... Какое искушение...

Василина встала перед окном, глядя на обожженного темного, который сжимал и разжимал руку у лица и шарил полубезумным взглядом по стеклу.

– Здесь, – выдохнул он. – Ваше величество... а я ведь видел вас... Когда пол в коридоре мыл, а в палату заходили врачи. Мне сказали, вы закрыли портал на Севере. Да... Такая маленькая. Мне было бы жаль, если бы вы умерли.

Василина молчала, крепко сжимая мужа за руку и вглядываясь в искаженное болью лицо Львовского.

– Но бомбу вы бы все равно прикрепили, – проговорил отмерший Тандаджи, в котором следователь взял верх над тактичным верноподданным. Почтение почтением, а пока преступник говорит, нужно его в этом поощрять.

– Прикрепил бы, – прошептал темный, – и взорвал бы. Но мне было бы жаль... Хорошо, что уже не нужно.

Он что-то еще шептал себе под нос. Глаза горячебно блестели.

– Идем, – едва слышно приказал Байдек, и Василина беспрекословно шагнула за ним.

– Ваше величество, – прохрипел в динамике Львовский, – не закрывайте второй портал. Не закрывайте портал! Иначе Черный Жрец не сможет вернуться!

Она оглянулась, но не стала просить Мариана остановиться.

– Не закрывайте портал, – просил темный, когда они шли к лестнице. – Не сейчас!

Он замолчал, тяжело дыша, только когда королевская чета поднялась наверх. По лицу его тек пот. Львовский некоторое время вглядывался в стекло, затем выругался с отчаянием, закрыл глаза.

– Вы вчера наотрез отказывались говорить. А сегодня согласились, – проговорил Тандаджи невозмутимо. – Почему?

– Потому что нельзя закрывать порталы, – прошептал темный с закрытыми глазами. – Как мне еще донести это до вас? Чтобы вы рассказали другим... в других странах.

– А вчера можно было? – почти озадаченно уточнил тидусс.

Львовский открыл глаза и вдруг усмехнулся:

– Вчера у меня почти не было надежды, господин Тандаджи. А сегодня есть. Я видел сон. Больше не нужно взрывов. Там, внизу, Источник сдвинулся с места. Мы все это ощутили. Наш праотец наконец-то идет к порталам.

Десятое апреля, Блакория

По влажному низинному лесу среди хилых, едва зазеленевших деревьев поспешно отступали с десятков человек. Они, отбиваясь боевыми заклинаниями от всадников на огромных стрекозах, бежали по чавкающим бурым мхам к приметному пригорку. Тот, покрытый пышным ельником, находился метрах в ста пятидесяти от шоссе, на котором убегающими была устроена засада.

Сейчас на тракте горел обоз иномирян. Пылали перевернутые грузовики с едой, оружием и одеждой для воюющих на границе с Рудлогом отрядов, стонали раненые, трещал хитин на уничтоженных охонгах, корчился недобитый тха-охонг с оторванными лапами, дергали крыльями сбитые Таранами стрекозы.

От огненных ударов занялись и редкие лысоватые деревья вдоль дороги, но это не задержало погоню надолго: уцелевшим иномирянам потребовалось несколько минут, чтобы на охонгах обойти зону пожара и начать преследование. Сухо трещали автоматные очереди, щиты отступающих мутнели от пуль, и то и дело приходилось останавливаться, чтобы выручить отставшего товарища.

Первый из магов взбежал на песчаный пригорок: там, надежно скрытое разлапистыми елками, подрагивало ртутное Зеркало, привязанное к оставленному за ним артефакту. Ближе к месту засады открыть переход было невозможно из-за того, что блакорийское болотистое редколесье на километры просматривалось как на ладони.

– Зеркало на месте! – крикнул он своим, и те прибавили шаг, а маг выбросил вперед ладони, и ближайшую пикирующую стрекозу снесло мощным Тараном. Еще злее заговорили автоматы; пара визжащих охонгов нагнала последнего из убегающих – от удара лапами-лезвиями о щит тот упал, и иномиряне, яростно выплевывая свою иномирянскую ругань, начали закидывать купол защиты гранатами. К товарищу на помощь рванули еще двое магов. Остальные проворно взбирались на пригорок и сбивали раньярв Лезвиями и Вертушками уже оттуда.

Полыхнуло – почти у Зеркала взорвалась граната из гранатомета, но портал устоял, лишь пошел волнами.

– Дуглас, нужно уходить! – крикнул один из магов. – Там Брин! Они выберутся!

Молодой Макроут мотнул головой.

– Вы идите, а я прикрою их от стрекоз!

Перед отбивающимися внизу магами вдруг поднялась пятерка вихрей-огневигов, стихийных духов, подчиненных амулетами Оливера Брина. Заверещали охонги, объятые пламенем, мучительно заорали наездники, а отступающие, отскочив от рухнувшего почти им на головы раньяра, побежали к пригорку.

До него оставалось несколько шагов, когда первый из магов вдруг беззвучно ухнул в открывшийся прямо под его ногами черный болотный бочаг. Не было ни звука, ни всплеска – вязкая жижа сомкнулась над головой упавшего, беззвучно покатила к краям и замерла. На поверхности надул огромный метановый пузырь и лопнул.

Наступила такая тишина, что стало слышно, как у горящих машин на дороге стонут раненые иномиряне, и даже нападающие в изумлении замолчали. Второй маг, упав на живот, зашарил в жиже рукой; Оливер Брин схватил его за ноги, оттаскивая.

– Он мертв уже! Мертв! – крикнул он товарищу в лицо. – Ты тоже туда хочешь?

Мужчины на пригорке, грязные, тяжело дышащие, забыв про преследователей, которых сейчас уничтожали духи Брина, молча смотрели на болотное окно полутора метров в диаметре. Напоминание, что проклятие найдет виновных где угодно.

– Мы же всё вокруг проверили, – дрогнувшим голосом проговорил Макроут. – Я сам там проверял. Там не было провала.

Отставшие, тщательно глядя под ноги, перебрались на пригорок, и темные начали один за другим уходить в Зеркало. Последним шагнул Брин – но перед этим коснулся амулета, и к нему огненной лентой проскользил единственный огнедух. Остальные истратили силы и развеялись.

Они вышли из Зеркала среди снегов, у входа в горное убежище. Дуглас Макроут деактивировал артефакт, на который Черныш завязал питание перехода, и отряд прошел в расщелину, а затем по длинному наклонному каменному коридору – туда, где давным-давно ушедшими отсюда то ли отшельниками, то ли монахами рядом с большими пещерами были выдолблены маленькие «кельи», которые использовались заговорщиками как спальни.

Пещера, служившая и гостиной, и столовой, встретила вернувшихся затхлостью и холодом. Замигали и загорелись магические светильники, освещая широкий стол, стулья, а также уставших и подавленных от очередной нелепой смерти людей. А ведь с утра, после того как во сне темные ощутили движение Источника и рассказали об этом не-темным и слишком слабым, чтобы видеть сны, соратникам, в убежище царила эйфория: первый раз за несколько недель здесь звучал смех, единомышленники улыбались, готовясь к очередной вылазке.

Сейчас вернулось ощущение безнадежности, сопровождавшее их последнее время.

Мужчины разбрелись по сторонам; кто-то обтирался влажными тряпками, потому что душа здесь не было, а обливаться было холодно: у гор еще лежал снег, поэтому и без обливания приходилось тратить личный резерв на обогрев. Те, кто мог пить, – пили; кто-то хрустел сухпайками, отбитыми у иномирян в одну из прошлых вылазок.

Оливер Брин, осторожно вытерев руки, сходил к себе в «келью» переодеться, а вернувшись, опустился в кресло, стараясь не смотреть на жадно глотающего воду Макроута. Каменные своды и миллионы тонн горы над ними давили на плечи, и казалось, что не хватает кислорода. Во рту было сухо, и язык казался чужеродным, шершавым, но Брин опасался теперь даже смачивать горло: один из соратников захлебнулся на их глазах, не сделав ни глотка, просто набрав в рот воды.

Сейчас нужно отдохнуть и сделать себе капельницу. Хорошо хоть, что соли хлорида натрия для физраствора запасено достаточно и источники с чистой водой здесь есть. А вот остальные припасы подошли к концу, и приходилось грабить грабителей, добывая себе пропитание.

ОЛИВЕР БРИН

Вода Брину теперь часто снилась – он пил ее досыта, окунался, гладил прозрачную и ласковую поверхность то ли речки, то ли озера; счастливо жмурясь, набирал горстями и пил, пил, пил. Снилась ему и спокойная, размеренная жизнь до встречи с Романом Соболевским, который зажег в нем, простом исследователе стихийных духов, уже перешагнувшем за пятый десяток и вырастившем детей, веру в особую миссию, в то, что он способен изменить мир. Он до сих пор в это верил, хотя и вспоминал иногда и свою лабораторию в провинциальном инляндском магинституте, и жену, и детей, с которыми связи последние годы не поддерживал, и мирные споры с коллегами за чаем.

Просыпался он, мучимый еще большей жаждой, чем до сна, хотя осознавал, что это психологическое – капельницы давали достаточно влаги. И мог понять Вертера Овина, который около недели назад во время ужина вдруг мутными глазами посмотрел по сторонам, на тех, кто не попал под проклятье и спокойно подносил стаканы ко рту, молча встал, вырвав из вены иглу от капельницы, схватил бутылку с водой и начал пить – давясь, обливаясь, что-то выкрикивая, дико смеясь и не давая отобрать емкость. Он перестал дышать в один миг, посинев и выронив бутылку – хрипя, рухнул на каменный пол и замер.

Вода не знала жалости и медленно, неумолимо, одного за другим забирала тех, в чьей ауре проявилось темное кружево. Ни гениальный Черныш, способный работать с аурами с закрытыми глазами, ни темные, которым на роду было положено разбираться в проклятиях, распутать его не смогли. Многие уже были доведены до отчаяния, и всё громче звучали разговоры о том, что нужно пойти сдаться в распоряжение остатков блакорийской армии и присоединиться к борьбе против захватчиков, возможно, заработав себе на амнистию и выторговав избавление от проклятия. Накануне утром и вовсе было отмечено ослабление эманаций Черного (хотя последнее время они нарастали), что ввело темных почти в панику: неужели все было зря? И если бы этой ночью они вновь не обрели надежду, то уже сегодня заговорщики рисковали недосчитаться части соратников.

Дугласа, сильнейшего среди них потомка Черного Жреца, берегли, используя будущего короля как знамя для привлечения новых последователей и не допуская к участию в терроре. Поэтому под проклятие он не попал. Зато с каждым днем он (как и другие темные, но в несравнимо большей степени) становился все опаснее для нетемных соратников, потому что эманации Жреца усиливались, разжигая голод и желание подпитаться, а никто, кроме Черныша, уже не мог быстро открыть Зеркало в монастырь, чтобы перенести Макроута туда. Данзан Оюнович, однажды поймав разгорающийся голодный блеск зеленых глаз Дугласа, создал для него еще один амулет переноса, открывающий Зеркало в монастырь Триединого, и отдал его Брину, как слишком слабому, чтобы поддаться голоду, но способному понять, что происходит с претендентом на престол Гёттенхольдов.

Вот и сейчас Дуглас допил и повернулся в сторону Финса, виталиста и классического мага без капли темной крови, – глаза потенциального короля вновь мерцали зеленым, и Брин приподнялся в кресле, нащупывая амулет. Но молодой Макроут опомнился сам. Стиснул зубы, достал бутылочку с вытяжкой из храмовых трав, выпил залпом, сорвав крышку, и тут же потянулся за второй.

– Черныш еще не вернулся? – спросил он севшим голосом. Радужки его постепенно тухли.

– В комнате его нет, на складе тоже, – покачал головой Брин, по пути к себе заглянувший и туда, и туда.

Данзан Оюнович накануне отбыл в Иоаннесбург на встречу со Львовским. Тот ушел в Рудлог больше месяца назад, чтобы подготовить устранение королевы, когда она появится, и с тех пор передавал информацию через Черныша, ибо, как и остальные, самостоятельно открыть Зеркало уже не мог.

Кто-то из соратников за это время отправился в Йеллоувинь, кто-то – на север Рудлога, чтобы постараться подобраться к Демьяну Бермонту; несколько человек ушли даже в Пески и на Маль-Серену. Слишком много было поставлено на кон, чтобы не попытаться довести дело до конца. И все отчетливо понимали, что, не присоединись к ним Черныш, не удалось бы не только осуществить взрывы, но и успешно скрываться от спецслужб континента.

Молодой темный потер ладони одна о другую, оглядел ужинающую компанию и вздохнул.

– Чудовищно тяжело жить без связи с внешним миром. Может, Черныша и Константина уже схватили, а мы про это и не узнаем.

– Оказывается, вы невысокого мнения о моих способностях, лорд Макроут, – раздался скрипучий голос Данзана Оюновича. Присутствующие обернулись: у входа в пещеру стоял незнакомый мужчина, в полумраке похожий на чернорабочего, в неприметной затертой зимней куртке, таких же заношенных брюках, картузе и стоптанных ботинках. Через плечо у него была переброшена тяжелая сумка.

Он поморщился, махнул рукой, и магические светильники засияли ярче, а Черныш шагнул в «гостиную», на ходу возвращая себе свою внешность.

– Вы почти сутки отсутствовали, а раньше вам хватало пары часов, – не смутился темный. – Что нам еще думать?

– Что появились непредвиденные обстоятельства. – Один из сильнейших магов мира, как бабушка, приехавшая к внукам, выкладывал из сумки на стол фрукты и овощи, запечатанные пакеты для капельниц. – Впрочем, вы правы. Львовского схватили.

Черныш обвел взглядом замерших соратников и продолжил, снимая куртку:

– Когда я ушел в Иоаннесбург, первое, о чем услышал по телевизору в гостинице, – что вернулась королева, сумев закрыть портал на Севере.

Присутствующие дружно пораженно-недоверчиво вздохнули.

– Вот почему вчера ослабили эманации Жреца, – понимающе пробормотал Брин. – Переход закрыт!

– Осталось всего четыре, – сказал кто-то тихо.

– Если идет, должен успеть, – отвечали ему.

Черныш, игнорируя эти переговоры, продолжал, отерев тряпкой сочное яблоко и со смачным хрустом откусив кусок:

– Константин так и не появился в номере в оговоренное время, хотя смена в лазарете уже должна была закончиться. Я подождал, сколько требовалось, затем вышел прогуляться мимо дворца. И увидел усиленную охрану, следователей, что-то проверяющих у крыльца, придворного мага, просматривающего щиты. Стало ясно: что-то случилось. Кляйншвитцер, конечно, олух, но маг неслабый, поэтому я предпочел не заниматься ментальным сканированием там, где он мог это засечь, а подождать удобного случая.

Всю ночь и утро я отслеживал выходящий за щиты персонал госпиталя. Следовал за людьми, аккуратно прощупывая их ментально, до тех пор, пока не восстановил картину произошедшего.

Его слушали с уважением, но на лицах читалось нетерпение.

– Королеву по возвращении положили в лазарет на обследование, и, конечно же, наш друг не мог не воспользоваться такой возможностью. Судя по всему, он проследовал в ее палату со взрывчаткой, но по пути на него напал огнедух-охранник, который уничтожил орвекс без вреда для окружающих и королевы и каким-то образом нейтрализовал и щиты, и мой амулет. – Черныш снова поморщился, куснул яблоко. – Я крайне разочарован, конечно. Столько резерва я потратил на копирование допусков под щиты и сепок магдоговора из ауры девушки, на внедрение их в ауру Константина. А на амулет? Вины нашего друга, конечно, нет, он бы сделал все, как нужно, но появился один непредвиденный фактор – и вся подготовка провалилась.

Константин схвачен, и пусть у него стоят блоки и он наше расположение и остальные операции не сдаст, но все равно потеря такого союзника, как Львовский, сильно ударит по нам.

– А я ведь изначально был против вашего плана, – напомнил Макроут, хмурясь. – Мне тяжело осознавать, что мы убиваем женщин и детей. И что тем самым подыгрываем захватчикам, с которыми сами же боремся.

– И мне нелегко, – резко отозвался Черныш, – но схема с подменой личины и элементов ауры не сработала бы ни с Бермонтом, ибо у берманов идеальное обоняние и они легко отличат запах одного человека от другого, ни с Желтыми с их ментальными способностями, ни с царицей, воспринимающей эмоциональный фон, как мы – холод или жару. Впрочем, мы уже это обсуждали. Благородство и великодушие прекрасны, лорд Макроут, однако не забывайте, что ими не вернуть вашего первопредка. Есть условие в предсказании, что сила владык Туры должна ослабнуть, и этого никак не добиться патетичными речами, не запачкавшись. Хотя вы, конечно, выйдете чистеньким, вам повезло.

Молодой темный побагровел.

– Хорошо, что в устранении монархов больше нет нужды, – примирительно вмешался Брин, пока не успела начаться перепалка. И пояснил в ответ на вопросительный взгляд Черныша: – Этой ночью те из нас, кто видит сны про Нижний мир, почувствовали, что Источник сильно сдвинулся в сторону равнины, на которую прибывают отряды наемников и рекрутов со всей империи. На ней же, у трех вулканов, открыты порталы. Значит, наша работа принесла плоды. Скоро Жрец будет на Туре. Значит, нет нужды больше в... исполнении предсказания.

Черныш доел яблоко, глянул на огрызок и, подумав, сунул его в рот. Лишняя влага не помешает.

– Жаль вас расстраивать, друзья мои, но не понимаю, где вы нашли повод для оптимизма, – сухо сказал он, дожевывая, и присутствующие с недоумением посмотрели на него, похудевшего, серого, еще больше похожего на хищную птицу, чем раньше. – Судите сами: если бы бог был в состоянии пройти через порталы, что помешало бы ему сделать это в один момент? А если, как вы говорите, он переместился, но на Туру не вышел, да еще и эманации стали слабее, – не значит ли это, что порталы все еще его не пропускают? И нам, наоборот, нужно поторопиться с расчисткой пути?

В пещере воцарилась подавленная тишина. Макроут вскинулся, желая что-то сказать, но не стал, опустившись на грубую скамью у стола. На лице его читалось поражение.

Один из темных вдруг заговорил:

– Я слышал сегодня ночью, как говорили дар-тени из ближайшего к нашему убежища. Они прилетели к нам, потому что тоже ощутили ослабление защиты Источника и его перемещение. Говорили, будто к долине Источника, закрытой для всех нас, с неделю назад пошел охотник Охтор, один из старейших, и повел с собой крылатую женщину.

– И я это слышал несколько дней назад, – пробормотал второй. – Но я думал, выдумки. Откуда на Лортахе быть нашей женщине? Их никогда там не бывало.

– И я, – поддержали еще несколько голосов.

– Сейчас, когда вы заговорили об этом, я вспомнил, что видел ее, – глухо сказал Макроут. – Я тоже не все сны запоминаю, но сейчас вспомнил. Правда это. Она с Охтором была, совсем юная девушка. С крыльями. Не знаю, зачем ее повели к Отцу, я оставался на заставе.

– Говорили еще, – продолжал первый, – что Отец потребовал ее себе в жертву. Вдруг жертва уже свершилась и это помогло? Мы ведь не всё, что сказано в предсказании, понимаем. Вдруг не все зависит от нас? Да и что мы можем сделать теперь, когда отрезаны здесь от мира, от наших людей и один за другим умираем от проклятья? Есть ли смысл бороться дальше?

– А есть смысл сдаваться? – вмешался Оливер Брин, поднимаясь. – Даже если нет нужды в устранении правителей, в чем, как правильно обратил наше внимание Данзан Оюнович, нет никакой уверенности, то как вернется Жрец, если им удастся закрыть все порталы?

– Но что мы можем? – повторил его собеседник. – Снова убивать? Или ждать? Пока большинство из нас не будет уничтожено проклятьем?

– Ждать, – кивнул Брин. – Хотя бы несколько дней. Мы видим сны и ощущаем в них движение нашего праотца; подождем, посмотрим, что происходит с ним, и, возможно, сможем принять правильное решение.

Глава 7

Девятое апреля по времени Туры, Нижний мир

Алина

После переноса из долины Источника принцессе понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя: голова казалась пустой, мышцы в руках, ногах и крыльях были похожи на кисель и никак не хотели работать. Алина несколько раз пыталась встать и снова падала набок, на мхи, чувствуя, как вжимается в бедро объемистая сумка, и жмурилась от утреннего солнца, которое щедро заливало светом привычный папоротниковый лес. Наконец получилось кое-как сесть, опираясь на крылья. В глазах прояснилось.

Лорд Тротт не спешил ей помогать – он стоял в нескольких шагах от принцессы и задумчиво, словно прислушиваясь, крутил головой. На секунду взглянул на Алину – глаза его были снова полны чернильной тьмы, – и она поежилась. Ей было жутко смотреть на такого лорда Макса. Жутко еще и потому, что он принадлежал уже не себе, а богу, долгу и предназначению.

Внутри снова плеснуло растерянностью и горечью оттого, что случилось ночью. И черный брачный браслет на левой руке показался тяжелым и холодным.

– Думал я, – профессорским голосом проговорил бог в теле Тротта, обращаясь не к ней, а будто к самому себе, – дальше смогу вас перенести. Однако слишком мало сил осталось во мне. Хотя и взял я столько виты, сколько мог, чтобы не убить людей, живущих под защитой моей, большую часть ее я потратил на удержание купола над убежищами и наше сокрытие. Продержится защита над моими горами, пока мы идем, и боги мира сего не узнают, что я ушел, и не увидят нас. А вот люди и инсектоиды могут. Будь осторожен, птенец.

Жрец снова прислушался к себе.

– Нет, не рассеюсь за эти дни, – ответил, невидяще глядя сквозь принцессу, – хоть и много израсходовал сил, но нечего опасаться, сын мой. Есть еще время. Мнится мне, и к лучшему, что потратим время на путь до врат на Туру. Может, я ослабну сильнее и смогу пройти сквозь проход после этого, ибо чую, что недавно закрыт еще один из них. Четыре осталось. Оттого и ярость горят боги мира сего – их крик мы слышали перед переносом.

Алинка вспомнила многоголосый вопль, пробравший ее до костей, и, содрогнувшись, решила вступить в разговор, хотя и немного стеснялась. Это когда душа была полна эмоций и страха за лорда Макса, она могла свободно говорить с богом и даже требовать у него что-то, а сейчас вернулось понимание, кто он – и кто она.

– В-великий, – робко позвала принцесса, – но зачем вам становиться слабее? И если врат осталось четыре, что нам помешает пройти через одни из них? Если доберемся, конечно, – добавила она, снова чувствуя, как сердце сжимается от страха перед предстоящим.

Корвин повернулся к ней, улыбнулся отеческой улыбкой, совсем не похожей на троттовскую.

– Закрытие одного прохода ослабляет остальные, – объяснил он без раздражения. – Чем больше их открыто, тем крепче связь между мирами, ныне соединенными в мироздании как два корабля канатами. Одна веревка и лопнуть может, а сотня кораблей корма к корме удержит.

Я есть стихия мощи великой, – продолжал он невозмутимо, – хоть и ослаб здесь почти до иссякания. Чтобы пройти мне сквозь врата, нужно, чтобы они силу мою выдержать смогли. После ритуала с кровным камнем, что дети мои провели, после смерти двух королей и детей дома сестры моей Воды, после ослабления Туры могли проходы пропустить меня, да запрет брата не позволил бы пройти. И сил у меня не было богам мира сего противостоять, чтобы к переходам добраться. А сейчас и добраться могу, и запрет обойти, но, раз меньше врат стало, может проход от мощи моей разрушиться, когда внутри буду. Нужно, чтобы и я ослаб еще, и Тура, дабы не развеяло меня по мирозданию, да и вас вместе со мной. К лучшему эта отсрочка, к лучшему. Потому и боги Лортаха еще здесь, – добавил Черный. – Сильнее меня они сейчас, и раньше не выдержали бы их переходы, а сейчас, после закрытия нескольких, и подавно. Ждут, чтобы время еще прошло, чтобы еще ослабили стихии на Туре и кто-то из владык туринских пал.

Он снова словно прислушался к себе. Алина шагнула ближе и только потом спохватилась, что все равно не услышит общения лорда Макса и Жреца. Огляделась: жаркий лес, полный знакомых звуков, был очень похож на тот, по которому они шли вдоль залива, и сориентироваться не представлялось возможным.

– Но как мы сейчас пойдем, куда идти? – спросила она осторожно.

Бог усмехнулся.

– Вы, птенцы, одновременно об одном и том же спрашиваете. Я сейчас покажу ему. Посмотрит сверху вместе со мной.

– А мне можно посмотреть? – ужасно стесняясь, выпалила принцесса.

– Дай мне руку, любознательная пташка. – Корвин благосклонно качнул крыльями.

Она вложила пальцы в холодную ладонь лорда Макса, подумав, что сразу ощутила бы, что это не он, даже если бы не видела его. Совсем по-другому он касался ее и совсем по-другому сжимал, когда держал за руку.

– Закрой глаза, – проговорил Черный.

Алина, сомкнув веки, мигом словно вознеслась в небеса. Сжалась, когда чужой взгляд, непослушный ее воле, выхватил маленькие фигурки внизу – одной из них была сама принцесса, вцепившаяся в руку лорда Тротта. Но себя она ощущала сейчас только здесь, под низкими облаками, оглаживающими сочный зеленый лес своими тенями.

– Тебе просто будет понять, – слышала она слова бога, однако говорил он не с ней. – Видишь, в полудне пути по правую руку деревня, мимо которой ты проходил, направляясь в Лакшию, когда искал, куда стекаются армии императора?

Невидимое могущественное существо, глазами которого смотрела принцесса, повернулось вправо – и Алина увидела вдалеке разбросанные у небольшого озерца черные домишки.

– Дойдешь до нее, а дальше уже по прежнему пути к равнине. Вон она, птенец, у трех вулканов.

Далеко-далеко за деревенькой лес начинал редеть проплешинами, кое-где переходя в луга и низины. А еще дальше, скрытые облаками и размытые от расстояния, поднимались три синеватые горы, окутанные парком и очень странно выглядевшие на плоской как доска равнине. Показалось принцессе, что она видит петляющие реки, крошечные сияющие порталы и странные черные пятна, заполнившие равнину, – но не успела она рассмотреть всё, как очутилась в своем теле, на земле, среди папоротников. Голова снова кружилась, и она вцепилась в руку Тротта.

– Как далеко, – прошептала Алина, покачнувшись.

– Не меньше десяти дней пути, – подтвердил Черный. – А то и дольше придется идти.

– Идти? – удивленно пробормотала принцесса. Она-то уже привыкла к полетам и думала, что снова предстоит добираться по воздуху.

Бог в теле профессора покачал головой.

– Не способна ты была увидеть то, что видел я, поэтому скажу: на равнине ждут своей участи тысячи и тысячи солдат и созданий богов мира этого.

Принцесса вспомнила черные пятна, устилавшие далекие луга, и с недоверием воззрилась на собеседника, с ужасом осознавая, что вовсе это не пятна были, а скопища людей и инсектоидов.

– Сейчас со всех концов Империи продолжают идти и прилетать к воротам отряды наемников и рекруты. Леса эти полны ими. И сейчас я чую людей в нескольких часах пути и по правую руку, и по левую, но пока не стоит бояться: двигаются они не к нам, а к равнине. Империя велика, чтобы добраться сюда с другого ее края даже на раньяре, нужно несколько недель, а пешком и месяцами идти можно. Чем ближе к равнине, тем вернее мы наткнемся на врагов. Поэтому идти придется по земле; лететь опасно даже ночью, слишком много в воздухе стрекоз.

Алина вздохнула. Предстоящий путь теперь представлялся и вовсе невозможным.

– Нужно мне оставлять вас, – сказал бог. – Слишком много сейчас трачу сил. Если нужен стану, птенец, позови, да и я по утрам поглядывать на мир твоими глазами буду. А в остальное время я буду спать, и не почувешь меня.

– Постойте, – шепотом попросила принцесса, вцепляясь в руку Черного. – Как мне спасти его? Как мне спасти его? Достаточно будет закончить обряд?

– Сила сути моей уже начала разрушать его суть, – тяжело ответил Жрец. – Но даже боги не имеют права лишать надежды. Делай что можешь, раз желаешь этого.

– Я желаю, чтобы он жил! – крикнула Алина.

– Если вы будете так кричать, то я умру куда быстрее, чем надо, – раздался сухой голос Тротта. – И вы со мной. Вы расслышали, что вокруг враги?

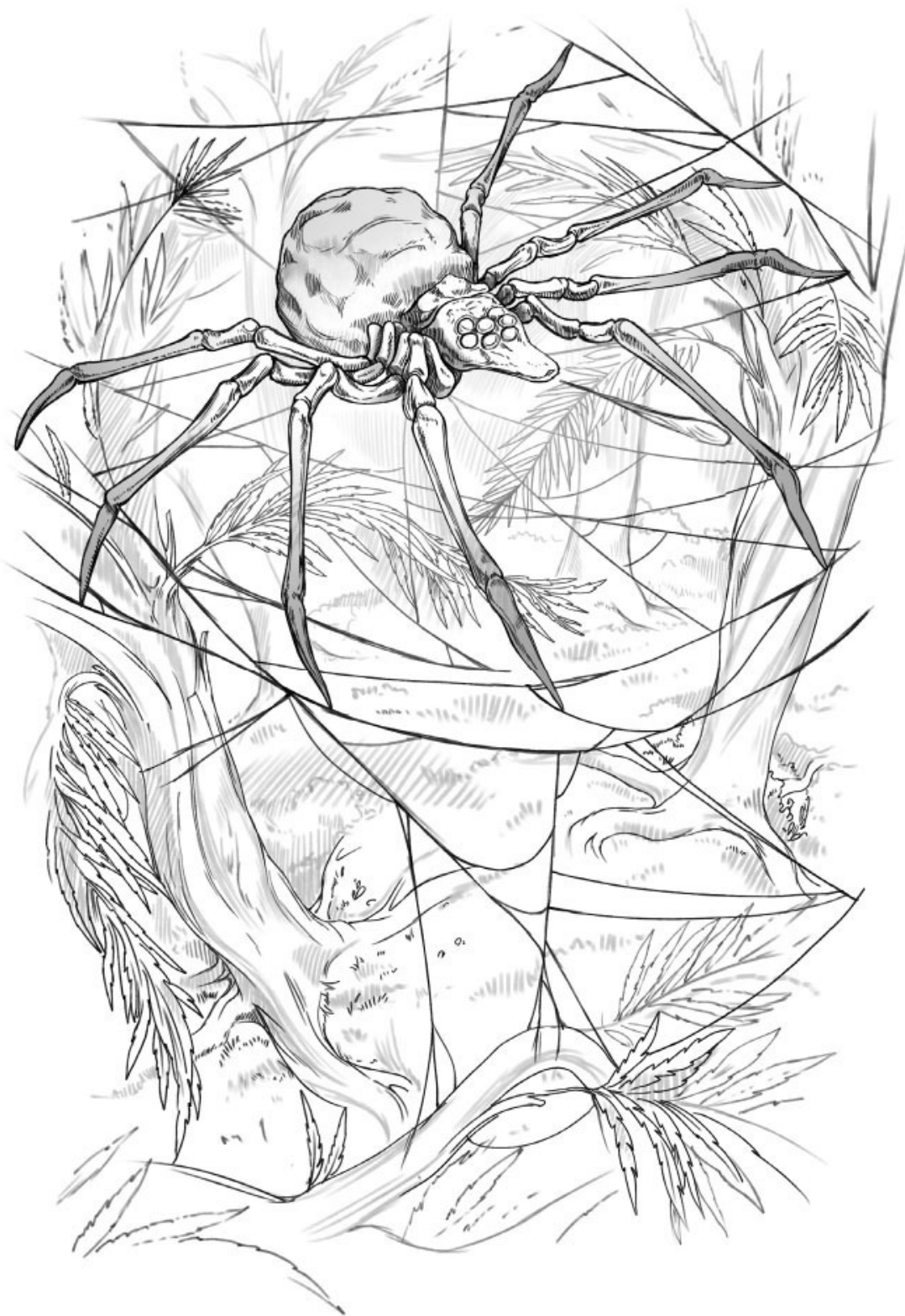
– В нескольких часах пути, – огрызнулась принцесса, с тревогой вглядываясь в его лицо. Но профессор выглядел таким же, как обычно, – язвительным и невозмутимым.

– Про лорхов вы забыли? – проговорил он. – Здесь водится вид, который прыгает и плюется паутиной. Это помимо других не самых дружелюбных тварей. Поэтому прекратите на меня смотреть как на умирающего, Богуславская, нам нужно идти. И отцепитесь от меня, наконец, я не упаду замертво без вашей поддержки.

– Тротт, – сказала она упрямо, разжимая пальцы и отступая.

– Что? – не понял он.

– Я теперь Тротт, – повторила она и подняла левую руку, на запястье которой чернел брачный браслет.

ЛОРХ-ХАШ

Лорд Макс, поправляя сумки, едва заметно усмехнулся.

– Если это поможет вам идти быстрее, то я готов называть вас хоть Синей Богиней, Алина.

– Мне нравится, как вы говорите: «Алина», – ответила она, задрав подбородок и моргая, чтобы снова не расплакаться: так пугали и злили и эта его невозмутимость, и черная ирония, и игнорирование ее страха и боли. Опустила глаза, чтобы тоже поправить сумки, – и тут профессор подошел к ней и несколькими движениями сделал это сам. Принцесса упорно смотрела в сторону, чтобы не дать волю слезам, и зажмурилась, когда он вдруг легко провел пальцами по ее щеке.

– Все будет хорошо, – сказал он глухо. – Главное нам – добраться до врат, не погибнув, а я не знаю пока, как пройти сквозь тысячи наемников императора. Но и это я решу. Об остальном не думай, Алина. Не нужно, девочка.

Она повернулась к нему, растревоженная непривычной нежностью в его голосе, – но лорд Макс уже шагнул вперед, и принцесса бросилась за ним.

Максимилиан Тротт

В свое время, после того как Макс обнаружил, что заклятые на охрану дубы вокруг его поместья обзавелись собственными привязанными духами, он ознакомился с массой исследований, посвященных им, – потому что университетского курса было недостаточно, чтобы понимать, как сосуществовать дальше. И помимо прочей любопытной информации Тротт прочитал о случаях, когда стихийные духи подсеялись к человеку и тот становился одержимым.

Свойственно это было только духам Разума, или равновесникам. Они, в отличие от порождений других стихий, почти не подражали животным – слишком основательны и гармоничны были для этого. Старшие из них, давно познавшие мир, не любили беспокойных людей и обитали далеко от городов и поселений. Иногда они принимали вид вечнозеленых деревьев – и такой гигант возвышался над лесом на сотню метров, а его корневая система гармонизировала окружающие земли; иногда – озер-колодцев, покоясь на их дне и поддерживая равновесие с помощью подземных вод. С этими духами, самыми загадочными и неизученными, было связано много легенд: например, что в их ветвях или на дне колодца можно найти чудесный артефакт или что любят они играть с путниками, давая им задания и щедро награждая за службу.

Конечно, больше всего равновесников встречалось в Йеллоувине, но и в дремучих лесах других стран они изредка попадались. Маленькие же духи были известны куда больше – достаточно любопытные и молодые, чтобы тянуться к человеку и эманациям его разума, они, как и порождения остальных стихий, всё же предпочитали деревни шумным городам. Они могли жить рядом с людьми в облике певчей птицы, паука с паутиной, вьюнка или даже грибной полянки с огромной грибницей – всего, что оплетало, соединяло, скрепляло окружающий мир. Также можно было обнаружить места обитания духов Разума по огромным симметричным рисункам, которые то и дело появлялись на полях или в лесах после их игр, – равновесники, будучи сами воплощением гармонии, даже безобразничая, производили красоту. Но в большинстве своем они все же предпочитали не иметь конкретного облика, хотя взаимодействие с людьми любили, как и их подношения.

В районах, где им поклонялись издавна, существовали и свои традиции – так, в Тидуссе вырезали из дерева разномантных идолов с запрокинутыми головами и после озвученной просьбы практично заливали ароматическое масло прямо в рот покровителю. А духи Разума, облюбовавшие каждый своего идола, за прикорм иногда оказывали посильную помощь – заболотившееся поле там высушить или сухое увлажнить, вернуть равновесие то есть.

Идолов этих, почитаемых тидуссами и созданных их же фантазией, были сотни: шестиглазый Шивáла, многоглазый Ини́ра и прочие многоухие, – руки, – ноги, – головы и так далее покровители, которым, по мнению простого народа, множество частей тела нужно было, чтобы все видеть, слышать и успевать.

«Негоже богов молитвами от небесных дел отрывать, – говаривали в Тидуссе, – если для людей помощники на Туре оставлены».

ИДолы для РАВНОВЕСНИКОВ

Изредка и на короткое время духи могли подселяться в самих людей. Чаще всего – по их просьбам, чтобы помочь в каком-то трудном деле: вспахать поле, совершить подвиг, очаровать

милую сердцу девушку и (что важнее!) ее родителей. Но бывали и непрошенные гости, которым любопытно становилось пожить в человеческом теле.

Больше всего случаев одержимости было как раз в Тидуссе. По аналогии и возникла одна из гипотез про темных: что «демоны» одержимы какими-то недобрыми стихийными духами Смерти, которые придают мощи. Впрочем, гипотез про потомков Жреца было множество, и ни одна из них и близко не походила на реальность. В отличие от тидусских историй.

По легендам, человек, к которому подселялся один из духов-покровителей, мог летать под облаками, выдыхать пламя или вьюгу, прищурившись, сбивать финики за тысячу шагов, выпивать озера, вызывать дожди и так далее в соответствии с изысками народного фольклора, в котором отыскать зерна истины было сложно.

Достоверно было известно только то, что одержимые духами действительно существовали, что силы они становились немереной как физически, так и магически, и что ни одного из них официально исследовать не удалось, так как равновесники вовсе не горели желанием быть исследованными. С духами Разума плотно общались и шаманы, добровольно впуская их в свое тело на время транса и подкармливая, чтобы обрести помощников и силу. Говорили, что у сильнейших шаманов в теле жили до шестидесяти шести духов, но опять-таки никто это доказать не сумел.

Макс, ознакомившись с работами коллег, некоторое время задумывался о том, чтобы поставить на себе эксперимент – попробовать подселить в ауру кого-то из духов и проверить правдивость тидусских историй. Но в исследования аур и духов, как и во многие другие, на которые он обращал внимание, нужно было погружаться с головой или не лезть вообще. Макс, хорошо все обдумав, отказался от смены сферы интересов, тем более что он не мог предсказать, как его темная кровь отреагирует на подселение. К тому же в симбиозе «дух-человек» очень редко доминирующая роль доставалась человеку, а рисковать Тротт не мог. Он остался верен своим растениям и работе по усилению их магических свойств. И слава богам, что тогда не пошел на поводу у любопытства.

Потому что сейчас, несколько раз пережив ощущение запертости в собственном теле, которым распоряжается кто-то другой, неспособности заговорить, позвать на помощь или даже нос почесать без доброй воли подселенца, Макс ничего любопытного больше в этом не находил. Сплошной дискомфорт и страх, что больше никогда не станешь хозяином своего тела.

В настоящий момент ничего необычного Тротт не ощущал. Разве что – он перешагнул через корягу и прислушался к себе – в сердце чувствовался едва заметный холодок. Жрец, видимо, действительно спал, что бы это ни значило.

– Смотрите, – едва слышно позвала принцесса, показывая влево.

Макс кинул взгляд туда, где на поляне, скрытой в густой тени папоротников, на взрыленной словно трактором земле росла сочная трава, образуя небольшую воронку посередине, и кивнул:

– Да, это вехент.

Алина передернула плечами и поспешно переместилась вправо так, чтобы Макс находился между ней и логовом огромного муравья-землеройки, поджидавшего жертв в пустотах на сухих участках леса под созданными им же ловушками. Удобренная и перепаханная земля выглядела как мирное пастбище, привлекающее травоядных обитателей леса.

Вехент был неповоротлив и не любил гоняться за добычей, поэтому мог месяцами сидеть в норе, хватая еду, которая сама падала ему в пасть. Но, оголодав, развивал невероятную скорость и убийность – как носороги, что водились на юге Манезии. Только вехент был раз в пять больше и в период голода мог нападать даже на тхаохонгов, часто одерживая победу.

– А почему, – тихо спросила принцесса, когда ловушка вехента скрылась за гигантскими папоротниками, – этих вехентов и пауков-лорхов не используют в армии императора? То есть, может, и используют, но я знаю только про охонгов и раньяров...

ВЕХЕНТ

– Не используют, – подтвердил Тротт. – Хотя на изображениях в местных храмах я видел и всадников на лорхах, и таких вот землероек, и других гигантских инсектоидов, что водятся дальше по континенту. Полагаю, вехентов использовали как таранные орудия. Но сейчас в армии лишь стрекозы и богомолы. Наверное, это как старые и новые модели боевой техники. Одни устаревают, им на смену приходят другие. Старые топлива потребляют больше, а боевые и ходовые качества у них хуже.

Алина выслушала его молча, хотя раньше забросала бы вопросами, и пошла дальше, на ходу пытаясь подвязать под грудью и стыком крыльев длинную сорочку. Из-за сумок выходило с трудом, но спутница справилась, и Тротт, оторвав взгляд от светлого живота и спины, которых касались кожаные ремни, покачал головой и сказал:

– Натрёте кожу.

– Жарко очень, – вздохнула принцесса, но сорочку послушно расправила. Солнце действительно грело нещадно; особенно это ощущалось после горных перелетов.

– Скоро будет легче, – пообещал он и, когда Алина вопросительно посмотрела на него, указал глазами на небо. – Слышите? К вечеру будет дождь. Придется искать такое убежище, чтобы нас не залило.

Она задрала голову и прислушалась – едва слышно прокатился по небесам отзвук далекого грома. А затем повернулась к Максу и окинула его внимательным и очень задумчивым взглядом – он уже ловил такие ее взгляды, ощущавшиеся как мимолетная ласка, словно к щеке прикладывали теплую ладонь. Принцесса посмотрела ему в глаза, нахмурилась решительно – и тут же покраснела, испуганно отвернувшись.

Нетрудно было понять, что она там себе надумала.

Тротт сделал вид, что ничего не заметил. Пусть лучше рвется его спасать – эти ее задумчивость и решимость были куда лучше эмоций, с которыми она смотрела на него во время утреннего инструктажа после переноса из долины Источника. Он проговаривал – а она шла рядом и горько кривила пухлые губы, заставляя его отвлекаться, и непонятно было, слышит ли она что-то, запомнит ли что-то.

– Напоминаю основные правила, – наставлял Макс. – Не отходить от меня далеко. Смотреть по сторонам и выполнять все команды без лишних вопросов. Не говорить громко, а лучше вообще молчать. Беречь воду – здесь нет родников на каждом шагу, а я плохо знаю эту местность, чтобы быть уверенным, что те источники, которые я видел в прошлый раз, не пересохли. Мы находимся в сотнях километров от моря, почва здесь, – он на ходу топнул по земле, и звук получился глухой, – как вы видите, гораздо суше, растительность богаче, и живность отличается большим разнообразием. И инсектоиды здесь водятся. Например, вехент, который будет очень рад, если вы, снова впад в печаль, заглянете к нему на обед...

На язвительность принцесса тоже не реагировала. Но, как оказалось, все услышала и запомнила, хотя почти целый день прошагала в напряженном, глухом молчании. Без жалоб и просьб об остановках, хотя за время перелетов ее тело должно было отвыкнуть от нагрузки на ноги. Только периодически смотрела на Макса – сначала с отчаянием, виной и жалостью, а затем как сейчас – словно окутывая теплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.